Мир охвачен процессом глобализации.
Стираются границы, открывается свобода
перемещений, смешиваются народы
и размывается дух национальных культур.

Но оказывается, что глобализация – этот,
по-видимому, вселенский процесс – может
идти значительно быстрее, если, наоборот,
учитывать особенности национального духа.

Тогда проявляется эффект *сжатия времени*.
Об этом – данная книга, предназначенная
для аристократов духа “внизу”
и для сильных мира сего “наверху”.

Все знают: инженерным работам предшествуют научные исследования и разработки.

А им *что* предшествует?

Владимир Шкунденков

ВРЕМЯ И КРАСОТА

B-SYNERGETIC TIME COMPRESSION

Эксперимент в ЦЕРН (Женева):
10-кратное сжатие времени

Москва – 2004

Шкунденков Владимир Николаевич.
ВРЕМЯ И КРАСОТА / B-Synergetic Time Compression
– М., НИА-Природа, 2004. – 240 с.

Автор – доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (ЦЕРН–ОИЯИ).

ЦЕРН – Европейская организация ядерных исследований (Женева, Швейцария);

ОИЯИ – Объединенный институт ядерных исследований (Дубна, Россия).

В 1940-х годах родилась наука кибернетика, поднявшая вопрос о построении искусственного интеллекта на основе компьютеров. Идея была механистической и оказалась ошибочной.

В 1970-х – 1980-х годах сложилась новая наука – синергетика, соединившая человека и компьютер в едином пространстве, где человек был поставлен *над* компьютером. Это был важный шаг, направленный на выявление роли творчества как основы самоорганизации мира, но до практического применения эти разработки все же не дошли. Как-то непонятно было, что делать со *временем*, которое в расчетах не совпадало с физическими исследованиями.

Тогда же автор книги, занимавшийся задачей распознавания изображений, выделил в творчестве человека две составляющих – движение и управление направлением движения. Проявление энергии и роль красоты. И показал, что *время* в процессе движения зависит от *красоты*. Что его можно сжимать в 10–100 раз.

В период 1995–2004 годы этот подход был применен в работах по созданию сетевых административно-финансовых информационных систем в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева), где были достигнуты аналогичные результаты.

К исследованиям был подключен Институт философии РАН. Так появилось название B-Synergetic, где “B” означает Beauty.

В данную книгу вошли материалы из ранее опубликованных книг автора “Москва – старинный город” (Дубна, 1997. – 380 с.) и “Нелинейность времени” (М., 2003. – 500 с.).

ISBN 5-9562-0016-2 © Шкунденков В., 2004

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Часть I. СВОБОДА, КРАСОТА, ВРЕМЯ

1. **Время и красота**
(Эксперимент в ЦЕРН, Женева:
10-кратное сжатие времени) 7

Ветхий Завет: красота и царственность 8
Новый Завет: свобода и движение 15
Переход к *новой* науке 25
Проект “New Old Europe” 29

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. **Фотодокументы к истории Москвы:**
где собирались большие деньги
(Сходня – Подрезково,
“географическое открытие” автора) 33

3. Петр Николаев. Академик,
Московский государственый университет
Отзыв о статье В.Н. Шкунденкова
“Эксперимент в ЦЕРН, Женева:
10-кратное сжатие времени” 41

4. **Проблема несвободы в науке**
(о связи работ автора с идеями А.Л. Чижевского) 43

5. Владимир Аршинов. Профессор,
Институт философии Российской академии наук.
Синергетический эффект
Шкунденкова–Пурвиса 45

6. **Интервью журналу “Business Match”:**

James Purvis (ЦЕРН, Женева):
англичанин о работе с русскими 59
Автор о первом применении
метода сжатия времени (1973) 61

Часть II. ЗВЕЗДНАЯ БЕЗДНА

7. **Смешное в биографии автора** 65

8. **Профессор М.Г. Мещеряков**
(создатель синхроциклотрона в Дубне) 77

Мониторный сканер: поиск невидимого 89
Один против бездны 94

9. **Русское боевое оружие**
во Второй мировой войне 97

Мистика победы в Курской битве 134
Ошибка Мессершмитта 139

10. **“Черное озеро”**
(зарисовки из студенческой жизни, конец 1950-х)

Эксперимент в пожарной бочке 151
Дорога муравьев 191

Часть I.

СВОБОДА, КРАСОТА, ВРЕМЯ

ВРЕМЯ И КРАСОТА*

(Эксперимент в ЦЕРН, Женева: 10-кратное сжатие времени)

Четыре года назад пишущий эти строки встретился с казалось бы немыслимой в наше время проблемой, направленной на ограничение занятиями наукой. При том, что автор был, в частности, создателем первой отечественной сканирующей системы (1973), а в это время – директором Научного центра по информационным технологиям с двойным подчинением, от ОИЯИ (Дубна, Россия) и ЦЕРН (Женева, Швейцария). Причина была стара, как завораживающая тоска от мерцающих в небе звезд: мы живем в век перехода – а это всегда мучительно – к *новой* науке, отличие которой от классической, сложившейся в XVI–XVII веках как вышедшей из религии и устремившейся к чистому разуму, заключается в наметившемся процессе возврата в пространство человеческого духа, которым интересуется религия.

И этот переход, начавшийся в России, имеет революционный характер: здесь время сжимается в 10–100 раз. Не время нашей жизни, которое можно отслеживать по часам, а та его часть, которая направлена на исследования и преобразование Вселенной.

Но может ли умный человек сразу в это поверить? Не может. Ибо “умом Россию не понять”. А здесь именно “Русью пахнет”…

В таких условиях старое, не желающее расставаться с привычным и понятным, всегда начинает борьбу с непонятным. В данном случае она оказалась направленной против нашего метода *B-Synergetic Time Compression*, где “B” означает Beauty (красота).

В России огонь загорелся, в оценке автора, в 1960-х годах, а открыто стал пробиваться в сознание в середине 1980-х. Тогда группе нобелевских лауреатов в области физики был задан вопрос: признают ли они, что их научные открытия, принесшие им звание лауреатов, были так или иначе связаны с “подсказкой свыше”. На языке религии это был бы вопрос об *откровении*. Все

---

* Отличающийся ранний вариант этого текста, написанный в 2001 году, опубликован под названием “Нелинейность времени” в 3-м сборнике “Синергетическая парадигма”. М., Прогресс-Традиция, 2003. – 584 с.

ответили утвердительно. Ответы были опубликованы, и реакция общественного мнения оказалась столь резкой и отрицательной, что все “состарившиеся гении”, которым было приписано что-то вроде “впадения в маразм”, вынуждены были отказаться от своих ответов, в которых они поддержали идею об откровении.

Однако что делать с тем, что ориентация на поворот “назад”, к *духовному* в науке – а поиск красоты разуму не подвластен, здесь царствует дух и отзывается душа человека – снижает затраты времени (сжимает время) научных разработок в 10 и более раз?

Ответ на этот вопрос прост: допустить свободное обсуждение проблемы. И это отнюдь не просьба: по ощущениям – а это и есть путь *новой* науки – классическая наука отодвигается в прошлое.

Так, в планы нашего Научного центра входит открытие International school on information b-technologies.* Где мы, опираясь на опыт разработок в ЦЕРН на высшем уровне административно-финансовых информационных систем (контроль финансов, электронный документооборот, аналитическое сопровождение больших проектов, таких, как постройка нового ускорителя Large Hadron Collider, и других) на основе применения разработанного нами метода B-Synergetic Time Compression, планируем создать площадку для форума. И будем наряду с талантливой университетской молодежью привлекать к работам также сложившихся ученых и философов – что, возможно, даже важнее, – чтобы обсуждать и развивать вопросы внедрения *духовного* в науку.

Ветхий Завет: красота и царственность

Когда Россия еще не рассталась с Пушкиным и Лермонтовым и жил Гоголь, наши отечественные “умные” писали о ничтожестве русской литературы. А сегодня, в оценке европейских интеллектуалов, русская литература XIX – начала XX веков ставится в один ряд с двумя феноменами человеческого духа: взлетом эллинской культуры в V веке до н.э. и эпохой Возрождения в Европе в XIV–XVI веках. Иудеи настаивают еще на том, что имел место четвертый духовный феномен – создание Ветхого Завета, в основу которого легли полученные как откровение тексты пяти книг пророка Моисея, рожденные в XIV веке до н.э.

---

* По инициативе Международной гуманитарной миссии “Пушкин-Институт”, созданной по аналогии с немецким “Гёте-Институтом”.

По ощущениям автора этой статьи, ее не было бы, если бы не было “Героя нашего времени” Лермонтова, буквально потрясшего его в возрасте шестнадцати лет. Или Пушкина: “Здравствуй, князь ты мой прекрасный!..” Но прошло еще полвека, и автор понял также, что и самой русской литературы не было бы, если бы не было Ветхого Завета. Как не было бы и Нового Завета, порожденного, как это видится, заменой всего лишь одной из десяти заповедей Моисея и переосмыслением другой.

И не было бы христианской культуры, из которой вышла современная наука, в настоящее время возвращающаяся “обратно” – но не назад в XVI столетие, а уходящая вперед, с углублением понимания того, что было отброшено – и это было на время правильно – при уходе науки из пространства человеческого духа.

Это “возвращение обратно” связано с *углублением* понимания сущности главного порождения христианской мысли – Святой Троицы. В атеистическом СССР освобожденный от религиозных догм интеллект и последовавший взлет научных достижений, который на самом деле шел в *мировом* противостоянии различных духовных сил, позволили увидеть то, что религиозные мыслители не разглядели за две тысячи лет. Об этом углублении в книге автора “Нелинейность времени” сказано следующими словами:

“Подобно известным силам, присущим электромагнитным, гравитационным, а также слабым и сильным ядерным взаимодействиям, которые, по мнению автора, представляют четыре начала в неживой природе, в живой природе тоже можно выделить четыре начала: мужское (проявление энергии через *движение*, несущее человеку “радость борьбы”) и женское (управление *направлением* движения через победы красоты), индивидуализм (характеризуемый в религиозной философии прямой связью человека с Богом) и коллективизм (связь через человека – папу, патриарха, партийного вождя – или через влияние “избранного” народа)”.

Из попарных комбинаций этих начал формируются дух народа и его духовные силы, участвующие в преобразовании Вселенной.

Так, русский народ, ориентированный на красоту, представлен двумя частями: одна, меньшая, стремится к индивидуализму, а вторая находит счастье в коллективизме. У немцев тоже две части, но обе ориентированы на движение. А вокруг христианского мира мы видим жестких носителей чистого (“голого”) коллективизма – иудеев, похожих на русских в поисках красоты, и мусульман, которые подобно немцам ценят исключительно движение.

Инструментом же проникновения в глубину понятия о Святой Троице стало *откровение*. Мысли, найденные под настроение.

***

Вводя понятие о *новой* науке, о переходе к которой мы будем говорить далее, дадим ее главное отличие от классической: она ориентируется на *откровение*. То есть исследует феномен возникновения того, что происходит *в начале*. Когда вдруг появляются новые понятия, которые уже потом становятся общепризнанными и всем понятными за исключением разве что одного: *как* это произошло? Но поскольку для практики ответа здесь не требуется, то этим и не интересуются. Тем более что, ко всему прочему, такие вопросы выглядит безнадежным. Как, похоже, навсегда останется без ответа вопрос о том, что же это такое – *бесконечность*?

Однако мы сделали этот шаг – *в таинственное начало*, где и нашли приведенное выше: красота – это проявление *женского начала* в Природе, а движение – *мужского*.

Кроме того, есть еще одно ключевое слово – *свобода*.

Именно это можно узнать из текстов обоих Заветов – Ветхого и Нового. При этом Ветхий Завет развивает идею женского начала и только обозначает существование мужского, а Новый – идею мужского начала и свободы. Но сами слова еще не дают окончательного ответа на все вопросы, а только указывают на направление мысли. Причем изменение сказанного в одном месте меняет смысловое наполнение в совсем другом месте. Так, замена слов “Око за око, и зуб за зуб” в Ветхом Завете, говорящие о требовании справедливости, на другие слова – о всепрощении и любви к ближнему и даже врагу (Нагорная проповедь в Новом Завете) наполняет новым пониманием слова “Не сотвори себе кумира”.

Вторая заповедь Моисея “Не сотвори себе кумира” говорит о требовании не допускать посредника между Богом и… кем? Оказывается, как это следует из пятой книги Моисея, между Богом и иудеями. Целым народом. А к остальным народам (гоям) – что следует из тех же текстов пятой книги – это не относится. Так иудеи провозглашаются “избранным народом”, призванным покорить другие народы. С правом уничтожать все, что не покоряется: слова “не убий” означают здесь только – “не убий” иудея.

Как это надо понимать?

Назначение женского начала в Природе – направлять преобразование Вселенной, осуществляемое человеческим интеллектом, в *истинном* направлении. Но что есть Истина? Этого, возможно,

человек не узнает никогда. Но ему дано узнать путь к ней: через *красоту*. Что означает – через *победы* красоты.

Это может быть красота женщины – в этом случае объектом ее интереса является отдельный человек. И ее задача – покорить его.

Но это может быть и красота духа целого народа (способность к восприятию “истинного пути” как *масштабной* задачи тайного “веления времени”). Тогда интерес оказывается направленным на другие народы, что мы и видим из книг Моисея в Ветхом Завете.

А вот о не меньшей важности предназначения других народов, на которые этот “интерес” направлен, там не говорится ничего. Это станет предметом внимания со стороны того, что будет заложено в слова Нового Завета. Но мы пока останемся в Ветхом и обратимся к древнему учению Каббалы, которая предваряла и разъясняет ветхозаветные тексты. Для чего раскроем книгу Н.А. Бутми “Каббала, ереси и тайные общества” (С.-Петербург, 1914):

“Бог, по воззрению каббалистов, есть предвечная, бесконечная Сущность – *Эн-Соф* и вместе Сущность всего существующего, всеобъемлющее *Все*. По первоначальной *Своей* природе *Бог бессознателен*, Сам не сознавал даже собственного Своего существования и не ведал Самого Себя.

Божество так и осталось бы бессознательным, если бы не проявило Себя через преемственное развитие Своих неизменных свойств или атрибутов, именуемых *сефиротами* (ступенями). Число сефиротов *двадцать*. Они являются общими и необходимыми формами всего существующего и принимают все более материальный характер, по мере своего удаления от общего источника – Первоначальной Единицы.

Первые десять сефиротов именуются следующим образом: *Корона*, через него бесконечное освобождается от конечного и становится самим собою. Из Короны одновременно возникают или истекают *Разумение*, начало мужеское, и *Мудрость*, начало женское; они рождают Сына – *знание*, который, впрочем, не имеет отдельного существования. Корона, Разумение и Мудрость образуют первую неделимую троицу, под которой разумеются безусловно-единое бытие, вечный разум, творческое слово.

Из Мудрости истекают два следующих сефирота: *Милосердие* или Великодушие и *Сила* или Строгость, которые объединяются в *Красоте* и составляют с нею вторую неделимую троицу. Далее идет третья троица из *Победы* или Вечности, *Славы* и *Первоосновы* или принципа зарождения. Десятый сефирот *Царственность*

означает видимое бытие в природе и являет собою верховную гармонию, в которой сочетаются все предыдущие сефироты.

Проявив Себя таким образом, Божество уже обладает совершенным познанием Самого Себя и становится идеальным и божественным человеком, имя которому Адам Кадмон. Из Адама Кадмона истекают десять незыблемых форм, именуемых также сефиротами (*премудрость, воздух, вода, огонь, четыре стороны света и два его полюса*), из которых преемственно развиваются невидимый мир – ангелы и духи, и видимый мир – материальные формы и стихийные элементы природы".

Из приведенного каббалистического текста можно видеть:

Первое. Здесь применяются понятия о женском и мужском началах в Природе. К этим же выводам и совершенно независимо пришел и автор, опираясь на собственный опыт научных исследований. (Трактовка "начал" автором приведена выше.)

Второе. В каббалистическом тексте развивается только идея женского начала, связываемая с красотой, победами красоты и управлением через победы развития (о котором, проявляемом через мужское начало, четко выраженных слов нет) в направлении на верховную гармонию. Здесь имеют место как глубина, так и незаконченность (в отношении мужского начала).

Третье. Введение понятия о царственности, постигаемой на пути побед красоты, говорит о том, что иудаизм *видит* существование некоей вселенской цели, огромной по масштабу и непостижимой разумом, но позволяющей находить истинный путь к ней. Это может быть названо провиденциальными *знаниями*. И иудеи, применяя их, исполняют миссию – руководить другими народами в деле *масштабного* преобразования Вселенной.

***

Незавершенность каббалистических понятий, где идея *полного* превосходства одного народа над другими вызывает возражение, вместе с тем не должна затмевать *глубину* ветхозаветного учения. Такого нет ни у кого: христианское учение, расширившее понятие о Боге до Св. Троицы, которое позволило включить в сферу интересов человека также динамику проявлений мужского начала в Природе (энергии, движения), вместе с тем ограничилось данным уровнем *полуглубины*, раскачивая маятник времени только между понятиями *свобода* и *несвобода*. И не замечая особой роли

красоты, этого проявления женского начала, на возможность достижения того же (при условии, что мы стремимся к некоей “цели”, – а мы все идем к ней, хотим того или не хотим), но уже с иными затратами *времени*. Лично (русский дух поиска красоты) или масштабно (назначение коллективистского духа иудаизма).

Как мы показали в своих научных исследованиях – об этом говорится ниже, – время в вопросе преобразования Вселенной может быть сжимаемо в 10–100 раз на пути поиска *красивых* решений. А если будет решена еще и задача расширения пространства сжимаемого времени – а это путь отбора и поддержки талантов, обычно используемый при “жестких” режимах, – то этот показатель возрастет еще не меньше, чем на порядок.

И мы в своих экспериментальных (у нас началось с них) и теоретических исследованиях идем в этом направлении. А тут прежде всего надо с величайшей осторожностью и взаимным уважением осмыслить и попытаться объединить в *общую* конструкцию опыт развития двух направлений человеческого духа – выраженного через Ветхий Завет (женское направление: красота и царственность) и через Новый Завет (увлекающего в сторону проявлений мужского духа: смелости мысли и отваги в бою).

***

Когда мы говорим, что иудаизм является носителем чисто женского начала, то это не значит, что *весь народ*, носитель данного начала, является следующим только за этими настроениями. В реальной жизни это просто невозможно. Как невозможно представить иудеев, принявших Закон Моисея, не способными ни к какому проявлению мужского начала, которое выражается через *движение*. Иначе где же было бы взять им воинов?

И они у иудеев были. Это на народ-воин “снизошло” их учение, в котором были слова “Не сотвори себе кумира”. Несущие проявление того, что является *коллективистским* началом в Природе, когда такое учение возвеличивает один народ над другими (тексты книг пророка Моисея), эти же слова, однако, становятся символом *духа свободы* для человека в отдельности.

Как эта двойственность Слова проявляется?

Вокруг ответа на этот вопрос построены все наши дальнейшие рассуждения об истории и о судьбах человечества. Включая русскую историю как проявление русского духа, который и привел нас к рождению метода B-Synergetic Time Compression. Но пока мы вернемся ко временам трехтысячелетней давности.

В этом месте нам пришло время ввести такое понятие как *импульс свободы*. На мысли о проявлении его воздействия внимание автора обратило прочтение книги англичанина Бертрана Рассела “История западной философии” (A History of Western Philosophy. Zürich, 1950). Собственно об импульсе Рассел не говорит, это уже “сочинение” автора. Что не помешает нам применять его.

Получить *импульс свободы*, как это было с иудеями после принятия Закона Моисея – а знания, даже на интуитивном уровне, вселяют крылья надежды и свободы, – означало наступление последовательно трех этапов: первый – военные победы (свобода воодушевляет сердца воинов), второй – расцвет культуры (воины со временем сходят, и им на смену свобода приводит *индивидуализм* и расцвет талантов), наконец, третий этап – поражение от врагов (распространение духа индивидуализма ослабляет армию).

Именно это мы и видим в древней истории иудеев: победы царя Давида, расцвет культуры при следующем царе – Соломоне и затем гибель государства, рассеявшая иудеев по всему свету.

Однако они не исчезли с карты Земли. Чему способствовало их глубокое учение об устройстве мира и накопление знаний, направляемое на важную задачу – служить природным инструментом проявления коллективистского начала. Что шло через победы красоты в вопросах управления бездушными финансами (теперь уже мировыми), с применением этой силы для *расширения* “схваченной” кем-то *красоты истинной*. И проявляется в поддержке на глобальном уровне всего подпадающего под веление времени. Что, однако, всегда связано с жертвами (других и своего народов) вследствие, как это видится, отсутствия конструктивного взаимодействия с силами, развившимися одновременно с ними.

И здесь нет виноватых. Что они значат – всего-то какие-то две–три тысячи оборотов нашей крошечной Земли вокруг звездочки-Солнца в пространстве и времени Вселенной? Ровным счетом ничего, если не считать ценностей наших маленьких жизней.

Что тоже “подсчитывать” не просто. Иначе как нам относиться к тем, кто отдал в боях свои жизни за победы? Ведь идя вперед, навстречу возможной смерти, они должны были *ощущать* не только страх. Ведь было же, не могло же не быть, что-то и еще?..

Во всем этом немало загадочного и сложно объяснимого. И среди множества таких вопросов нас особенно интересует один: а есть ли загадка России? Не несет ли некую миссию и она?

Новый Завет: свобода и движение

Загадка России существует. И раскрывается через углубление представления о Святой Троице, возникшего во II–III веках, в его философском понимании. О чем, со ссылкой на книгу “Нелинейность времени”, мы по существу уже начали разговор выше.

Святая Троица представлена Богом Отцом, Богом Сыном и Святым Духом. Так вот, если взглянуть на карту Европы, то можно увидеть, что в ее центральной части сгруппированы страны и города, проявляющие энергию (мужское начало в Природе), а вокруг – тяготеющие к красоте (женское начало). Первые – это Германия, Англия, Париж, северные города Италии и другие. Вторые – Испания, Франция, Италия, Австрия, Польша, Россия и тоже другие. Не все так просто, как выглядит по схеме, но явно выраженные тенденции здесь есть. Например, вся по-настоящему прекрасная музыка создана в странах, проявляющих женский дух. (Замечу, что “женский” означает устремленность к поискам истины и победоносный. Отсюда слова, идущие от Достоевского: “Красота спасет мир”.) Именно внесением *красоты* в научные разработки, с выделением такого понятия как *резонанс красоты*, и объясняется наш успех в сотрудничестве с носителями мужского начала, которым принадлежит честь создания классической науки. И тут, в проявлении сущности женского начала, и отведена особая роль России, с ее трагическим прошлым и настоящим.

Собственно, ориентацию на энергию или на красоту мы не выбираем. Это по каким-то таинственным законам делает сама Природа, что и воспринимается нами как проявление Св. Духа. Она же и рисует карты – Европы, мира, наверное, Вселенной.

А вот с проявлением понятия о *свободе*, скрытом в представлении о Боге Сыне и уходящем в слова Ветхого и Нового Заветов и в их трактование, наша воля и наш выбор оказываются связаны.

Это те самые слова “Не сотвори себе кумира” (вторая заповедь после главной – о едином Боге). Но их понимание разными народами и в разное время различно. Как отмечалось выше, для написавших их иудеев – это слова, относящиеся к целому народу. Что служит утверждением его “избранности” и “господства” в мире.

Однако когда в VI веке до н.э. в стремлении избежать вавилонского плена наиболее умные и активные иудеи бегут, переплывая Эгейское море, в Грецию, то они, проникнутые идеями Ветхого Завета, уже не могут трактовать их в ортодоксальном смысле –

это было бы даже неловко. И те же слова становятся знаменем философии личной свободы. Свободы духа. Это был импульс свободы, привнесенный в Грецию времен ее подъема в V веке до н.э., который проявился здесь через победы Перикла, дошедшего до “дикого” Крыма, расцвет эллинской культуры и последующую гибель Афин в борьбе с воинственной и бездушной Спартой.

Когда закончилось, наконец, время до н.э., родился рыжий Иисус Христос. Главной идеей в Его религиозной мысли стала замена ветхозаветного “Око за око, зуб за зуб” (идея справедливости) на всепрощающую любовь. Это был поворот к *человеку*, и апостол Павел объявляет слова “Не сотвори себе кумира” также обращенными к человеку. Личности. Что созданная другим столь же знаменитым апостолом Петром христианская Церковь объявит “павликианской ересью”. И запретит такое трактование.

Но через пять столетий слова павликианской ереси дадут знать о себе в вопросе о “филиокве” (filioque), что в переводе с латыни означает “и от Сына”. Сына, взглянувшего на человека-гоя не сверху, а снизу и показавшего миру “святость терпения” (труда).

Речь шла об исходе Святого Духа от Бога Сына. Одни считали, что он исходит, а другие, начиная с VIII века, – нет. В 1054 году из-за этого расхождения (это был главный вопрос) христианский мир разделился на католический во главе с Римским папой и православный во главе с патриархами. Римский папа как наместник на Земле такого Бога Сына, от которого исходит Святой Дух, оказался по своему влиянию на католиков значительно выше влияния на православных их патриархов, чье слово было только своего рода советом мудрейшего, но никак не приказом. А католическая церковь даже издала в XIX веке одиозный догмат о непогрешимости пап. Так обозначилась в религиозно-философской форме устремленность к *личной свободе* (свободе духа), которая оказалась значительно выше в православии.

В Византии как будто свобода духа. Но где же тогда тот расцвет культуры, который мы связываем с импульсом свободы? Его нет. Во всей Европе – “тысячелетие мрака”. И луч блеснул только с принятием христианства православного направления Киевской Русью, далеко отстоящей от патриархов, оказавшихся в вопросе денег “слабыми человеками”, и сменившей жестокого языческого Перуна на мягкого Христа, олицетворяющего в православии дух свободы. (У древних русов среди множества богов выделялась своя троица – главный бог Сварог, “сварганивший”

мир, бог войны Перун и бог справедливости Святовит; последний и отражал женскую природу русов и перешел в Святую Троицу.)

Приход христианских идей в Киевскую Русь надо отнести, видимо, не к 988 году (крещение киевлян князем Владимиром), но к походу *умного* князя Олега на Константинополь в 911 году и его знакомству с православной культурой. Затем видим первую христианку – княгиню Ольгу и победы ее сына Святослава. При Ярославе Мудром, *провиденциально* основавшем Ярославль на Волге (1010), разгромом хазарского войска печенегов в 1036 году заканчиваются победы. Тогда же приходит расцвет культуры (былины об Илье Муромце, постройка в Киеве храма Святой Софии, сочинение Илариона “Слово о законе и благодати” и др.). А затем наступает то, о чем говорил Бертран Рассел, – разброд, как следствие распространения индивидуалистических настроений, и неизбежное поражение. В данном случае – от половцев, появившихся, как в свое время Спарта, словно из-под земли. С этого начинается трагическое и величественное в истории русского народа, тяготеющего к красоте и избравшего ориентацию на свободу.

Половцев пригибает князь Владимир Мономах (1113–1125). Но можно ли ждать появления всегда таких же умных и сильных? Мы можем ответить на этот самый простой из всех вопросов: нет. Но на то он и вошел в русскую историю как выдающийся. Основав в 1108 году в тысяче километрах на северо-восток от Киева на реке Клязьме город своего имени Владимир, второй русский город вслед за Ярославлем в Новгородских славянских землях, он дал направление решению проблемы с будущим русов-киевлян: сохранение духа свободы, основы православия, через спасение чести (как защита женщин от черных глаз степняков-половцев).

И его сын Юрий Долгорукий и внук Андрей Боголюбский доводят эту идею до практического решения. Раскол киевлян на будущих русских и украинцев выразился во вспыхнувшей ненависти к уходящим и уводящим женскую красу. Юрий отравлен. Но за год до этого, в 1156 году по его указанию его сын Андрей превращает маленький городок Москву, стоящий на пути из Киева во Владимир, в военную крепость. А в 1169 году уже посланное Андреем войско уничтожает Киев, взяв его штурмом через сохранившиеся до настоящего времени Золотые Ворота. Дух свободы покидает воды Днепра и, взмахнув крылами над поддерживавшей уходящих Киево-Печерской лаврой, улетает на Север.

Победы – расцвет культуры – поражение? Как мы знаем из истории и видим по сохранившимся во Владимирской земле храмам (чего стоит один только храм Покрова–на–Нерли, построенный на месте захоронения погибшего в бою 17-летнего сына Андрея), все так и происходит. Где поражение – это приход монголо-татар, завоевавших Владимирскую Русь в 1237–1238 годах.

Наступает 240 лет монголо-татарского ига. И здесь, в этот трагический период русской истории, происходят важнейшие события, формирующие философию остающегося до сих пор тайной духа русского староправославия (более молодого, чем византийское православие, сложению которого положило начало спора о “филиокве” в VI веке). В отличие от времени Владимира Мономаха здесь все скрыто туманом политики, на вершине которой восседали монголо-татарские ханы. Но все же кое-что проступает и из этого темного времени. Это – победы светлого умом князя Александра Невского сразу после завоевания русских земель татарами (в 1240 году над шведами и в 1242 над немцами) и затем – постройка его сыном Даниилом в 1282 году каменной крепости-монастыря на южных подступах к Москве (откуда приходила татарская орда и шла к Кремлю по нынешней улице Большая Ордынка). Для этого нужна была *идея* и нужны были деньги.

Мы говорили, что Москва была выбрана местом постройки крепости на пути из Киева во Владимир. Это был перевал с Днепровской водной системы на другую, включающую в себя реки Клязьму (на которой стоит Владимир) и, далее, – Оку и Волгу. И этот путь оказался после 1204 года (год взятия Константинополя в 4-м Крестовом походе) дорогой для товаров из богатой Венеции (позже – Генуи, когда этим заинтересовалась Римская Церковь) в восточную Персию. С чего Москва, похоже, и стала получать те огромные средства, которые до сих пор представляются историкам загадкой. А там потому и была загадка, что просматривается обман: дань (мыт) с провозимых товаров во времена ига собирали в районе нынешнего города Сходня, где была главная дорога и подрезающая ее скрытная (поселок Подрезково). Видимо, со сборов мыта на главной дороге платили денежный “выход” татарам, а с подрезающей ее – нет. Последнее и могло стать той экономической базой, на которой Москва стала столицей России.

Но без *идеи* такое не создать. И мы знаем уже, что таковая существовала: защита чести. А выделило ее как идею самое главное в философии русского староправославия – *чистота* души.

Здесь, в снегах Верхней Волги с XII века время движется по другим законам

Компьютерная живопись, скоростной световой карандаш – см. ниже.
Художник – студентка Тверского государственного университета Инна Химченко (1997).

Познать это можно только через устремленность к *красоте* через *неограниченную свободу* (уникальное сочетание, характерное только для русской души). Но если первое, устремленность к красоте, как мы считаем, была дана русскому духу от Природы, то вторая складывалось исторически. Уход на северо-восток в XII веке отодвигает русских от киевского митрополита и, соответственно, от византийских патриархов на тысячу километров. Связи ослабляются, и во Владимирской Руси падает уровень духовной власти. Затем монголо-татары, оценившие русскую женщину, перерезают путь по Днепру из Владимира в сторону оказавшегося для них непривлекательным Киева – и снова падение власти.

Но главным в формировании русского духа на волне *духовной свободы* с проникновением *в красоту* стало явление пр. Сергия Радонежского (умер в 1391 году), который развивал две идеи:

- *чистоты* души (необходимости "осветления души", как говорили тогда; что выработалось в те трагические времена как путь к пониманию *смысла жизни*, откуда один шаг до чести);

- дисциплины и труда с призывом "воззрением на Св. Троицу" побеждать "страх ненавистной розни мира сего" (это был путь к *открытой* соборности, переходящий сегодня в устремленность к сотрудничеству с Западом и, прежде всего, с его ориентированным на *движение* "мужским духом", в лице протестантских стран и городов, на основе принципа дополнительности культур).

Отказавшись от сана митрополита, который предлагал ему перед уходом из своей жизни московский митрополит Алексий, Сергий – духовный лидер того времени – значительно расширил понятие о *свободе и личной ответственности* в русском духе, поселив в нем сочетание известного с XI–XII веков знания о важности чистоты души с опережающим то время представлением о единстве пространства "женского духа" (устремленности к красоте) и "мужского духа" (труда как проявления энергии).

Выразить это в виде *слова* не было дано до настоящего времени. К тому же "мужской дух", скрытый до XVI века в будущих протестантских странах католической тяжестью римских пап, в то время еще только пробуждался в первых шагах Ренессанса.

Но это не значит, что это невозможно было *ощутить*.

Именно так Сергий Радонежский и вошел в русскую жизнь – через ощущение его святости, и сегодня очередь поклониться его гробу в покрытой золотом Троицкой церкви в Троице-Сергиевой лавре начинается с улицы.

1380 год. Благословление.
Сергий Радонежский и князь Дмитрий Иванович

Далее была победа на Куликовом поле (1380) и был расцвет культуры – иконы Андрея Рублева и других мастеров, полет слова – “Задонщина” и строительство монастырей и Московского Кремля. И было поражение – на этот раз исполнение этого проявления исторической закономерности взяли на себя *свои* – царь Иван IV Грозный, XVI век, и патриарх Никон, XVII век. (Сан патриарха был введен в России в 1589 году, когда Борис Годунов пробирался к царской власти.) И был второй Великий Раскол на Руси, сохранивший понятие о чести и устремленность к свободе.

Никон, чтобы сломить свободный русский дух и повернуть его в сторону послушания, начал с “исправления” религиозных книг “к греческому православию” (как будто оно не было чем-то примитивным по сравнению с русским православием, сложившимся на пути защиты чести и свободы) и введения трехперстного наложения креста вместо двухперстного: трехперстный равновеликий означает католическое признание “филиокве” и, соответственно, возвышение власти патриарха, а двухперстный подчеркивает через неравенство среднего и указательного пальцев приниженное положение Бога Сына. И затем идет на уничтожение епископства в среде сторонников староправославия (их с тех пор называют старообрядцами и раскольниками, внося путаницу в наше сознание). А только епископы могут рукополагать священников.

В результате через 40 лет после реформ Никона в среде старообрядцев (мы будем использовать это ставшее привычным слово) в ряде мест, куда они уходили от преследований,* не оказалось священников. Вследствие этого сложилось *беспоповское* течение в старообрядчестве, где уровень духовной власти понизился до нуля. Человек стал отвечать за все сам, ища через чистоту души ответы “по совести” на все вопросы, которые выдвигала жизнь.

А жизнь – это осторожность и смелость.

Так, на Севере сложилась поморская община старообрядцев-беспоповцев Андрея и Семена Денисовых из рода князей Мышецких (Выговская Пустыня, основана в 1694 году). Они строили заводы и корабли, завели регулярную морскую торговлю. И это к ним после поражения от шведов под Нарвой (1700) обратился царь Петр I с предложением о сотрудничестве, при том что он

---

* Существовала инструкция о том, как мучить старообрядцев. Например, вздернув на дыбу с выворачиванием суставов рук, опускать и давать передохнуть, ибо повторное вздергивание намного мучительнее.

вообще-то не жаловал старообрядцев. И у российского государства появились *новые* мастера, умеющие лить пушки и строить корабли, а в армии прибавился младший командный состав, ведший солдат-никониан на штурм шведских крепостей и кораблей уже не за деньги, как гогочущие при виде крови опричники Ивана Грозного, бежавшие с поля боя вместе с царем при одном только появлении татарского войска (1571), а – во славу России.

Петр I, вошедший в русскую историю под именем Великого, отменяет сан патриарха (его не будет до 20 октября 1917 года) и тем самым дает новый импульс свободе. За ним великая Екатерина II выступает в 1763 году с яркой речью в защиту старообрядцев. К этому же был устремлен и Павел I. И мы видим: Россия одерживает громкие победы и становится империей мирового значения. После чего наступает Золотой Век русской культуры.

А затем пришло поражение. Сначала были свои “умные”. За этим проявились энергия, ум и деньги иудеев, без чего, как стало теперь известно, поражений в войнах начала XX века и революций 1917 года не было бы. А в завершение этого – приход к власти жестокого Сталина, прочитавшего в 1934 году книгу Гитлера “Майн кампф” и уловившего в ней необходимость внесения в русскую жизнь важной поправки – в виде поворота его политики в сторону поддержки талантов из народа (духа свободы). Что и позволило создать главное русское боевое оружие перед началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – танк Т-34, дивизионную 76-мм пушку, истребитель Як-1 и штурмовик Ил-2.

И был контролируемый взлет русской культуры (песни, кино, балет) и науки, а в 1980-х годах пришла – “перестройка”…

***

В изложенном выше, где мы оперировали такими понятиями как энергия и красота, свобода и чистота души, присутствует та космическая тайна, выражаемая через слово *откровение*, которая была отброшена четыре века назад при создании современной науки. Но что мы снова возвращаем в качестве инструмента организации *новой* науки, где опять возникает понятие о *духовности*.

Ощущение необходимости такого поворота возникло около четырех десятилетий назад. Самыми яркими здесь оказались нобелевский лауреат бельгиец Илья Пригожин, выдвинувший идею *начала* как проявление сверхслучайностей с достижением сверхрезультатов (вплоть до возникновения интеллекта) в безграничном пространстве при безграничном времени в нелинейной среде

(подойдя этим к *красоте*, но не введя ее), и немецкий ученый Герман Хакен, создавший теорию Synergetic, построенную на выявлении законов самоорганизации в мире с включением в нее созидательной роли творчества человека и человеческих обществ.

Слабым местом в теориях Пригожина и Хакена было **время**. Оно получалось значительно большим при проведении расчетов, связанных с происхождением жизни в нашей звездной галактике, чем об этом говорят физические исследования. Вводя элементы *духовного* в науку, ориентирующие человека на поиски **красоты** через создание для него условий для "сошествия" *откровения* – а это простые условия, описываемые словами *свобода* и *чистота* души, – мы восполняем указанный недостаток. И приходим к результатам со *сжатием времени* в 10 и более раз, что позволяет говорить о **нелинейности времени**.

Простые условия, однако, не снимают проблему американизированного варианта глобализации, мощного каббалистическими глубиной и одновременно однобоким (откуда – "эффективные" жестокость и цинизм) примитивизмом. Направленного против чистоты души. И здесь мы, работая с молодежью, предлагаем ей не сложное, связанное с изучением духовных начал на безрелигиозной основе (а это поэзия и др.), а совсем простое – получать как минимум вдвое большую зарплату в проникнутом духовностью пространстве *новой* науки. Остальное придет: есть время разбрасывать камни и время складывать камни…

Название нашему методу – B-Synergetic Time Compression, где прослеживается углубление уже христианского взгляда на Природу (включающего в себя оба начала – женское и мужское) до уровня глубины иудаизма (с его ориентацией только на женское начало), – мы выработали вместе со специалистами Института философии Российской академии наук (Москва) и Европейской организации ядерных исследований (Женева).

Переход к *новой* науке

Обратимся к нашему опыту. Созданная в 1946 году Норбертом Винером наука о применении компьютеров – кибернетика шла по заманчивому пути построения искусственного интеллекта. Не все тут получалось, и в 1968 году была рождена система человек–машина (человек–компьютер). По сформулированной при этом философии это был подход "человек в помощь компьютеру".

Но для русской души в этом было *что-то отталкивающее*. Как-то много “спокойнее” было другое направление, возникшее, подобно сошествию откровения, неизвестно откуда: “компьютер в помощь человеку”. И в том же 1968 году в процессе создания первого в СССР сканера, использовавшегося затем для обработки фотоснимков с трековых камер в физике высоких энергий, пишущий эти строки автор встал, идя в науке “против шерсти”, на путь реализации мониторного (зацикленного) режима сканирования, с подключением интеллекта человека к анализу *необработанных* (а только измеренных) результатов на экране дисплея-монитора.

Это был вызов кибернетике: здесь во главу угла ставилась не замена человека на работу компьютера, а – раскрытие потенциала человека с его возможностями в вопросе творчества.

Но что есть интеллект и что есть творчество? Это тайна. И именно путь поддержки интеллекта (а не его “наглая” замена) выглядел *красивым* уже в силу той осторожности, с которой эта задача при этом решалась. Красивым – значит через сердце (иначе – через пространство духа), а не через разум.

И теперь, когда слово “кибернетика” стало чем-то тихо уходящим в прошлое, мы со своим опытом, опередившим на два десятилетия западную мысль, оказались в “выигрыше”. Что не значит – победили и торжествуем: здесь не побеждают, ибо ориентация на поиск *красивого* не заменяет западную *энергию*.

Необходимо сочетание того и другого, чтобы выйти на путь настоящих побед. (Вторая линия в жизни Сергия Радонежского.) И мы, создавая в ЦЕРН на высшем уровне сетевые административно-финансовые системы (электронный документооборот, аналитическое сопровождение проектов и др.), идем именно по пути сочетания. Но не вслед за Западом, а *вместе* начинаем создание сверхсложных систем с человека, а не с компьютера.

***

Тут пришло время углубиться в наше представление о красоте. Она, как это видится, бывает “нисходящая” и “восходящая”.

Нисходящая красота *уже* существует в Природе и проявляется в виде предопределения. Восходящая создается человеком. Так, создаваемые стихи – восходящая красота, а поэзия – нисходящая.

С применением нисходящей красоты мы создаем ядро системы по принципу: не делать ничего, что можно не делать. (Что надо *ощутить и увидеть* как некое красивое решение.) И вводим систему-ядро в рабочую эксплуатацию в кратчайшие сроки.

Затем, уже в процессе эксплуатации, проводим на основе получаемого опыта пошаговое (это важно) наращивание системы до уровня, за которым затраты на дальнейшее развитие становятся неэффективными. Здесь всегда имеет место резкий перелом, это – точка резонанса.

При наращивании ядра идет поиск красивых решений при выборе каждого шага. Этот поиск относится и к отбору того, что уже известно (как бы через излучение заложенной в знания красоты), и к созданию неизвестного, в виде восходящей красоты.

С отысканием нисходящей красоты дело выглядит, на первый взгляд, проще: в нем есть опора на предыдущий опыт. Однако этот опыт хранится не только *там*, где он отыскивается через ощущения (в поисках “излучения”), но и в наборе самих человеческих знаний. А знания не всегда отвечают истине. Как это было, например, с кибернетикой, “совратившей” целое поколение инженеров на поиски искусственного интеллекта.

Поэтому реально создание красоты восходящей, когда ищется *неизвестно что*, оказывается даже проще. К тому же здесь, когда ведется наращивание системы-ядра, на нас действует *настроение* на поднятой уже волне, погружающее нас в такие глубины, где, под влиянием *сложившейся* необходимости, из “ничего” – здесь мы прикасаемся к тайне – может возникать “нечто”.

Но вернемся к исходному: а разве при начале создании ядра не может быть отсутствия опыта? Когда *до этого* не было ничего?..

В этих сводящих с ума рассуждениях прослеживается давний религиозно-философский спор о предопределении и о свободе воли. В котором есть что-то ускользающее. И мы заменяем этот путь безнадежного западного мышления по разуму на русский поиск истины в красоте через откровение.

Будь *чистым*. И все.

Это знакомо и Западу: иначе бы не было западных гениев. Но там, в “мире разума”, это действительно походит на сверхслучайность, которая происходит в силу безграничного движения. И без этого, как начала творчества, возможно, не обойтись.

Но потом все же наступает время красоты, которая сама, без соединения с движением, создать ничего не может. Она – управляет направлением. “Поправляя” то, что создается мужским проявлением “Святого Духа”. В результате наша задача сводится к совсем простому: сотрудничеству с теми, кто понимает цену прямо противоположного – устремленности к *движению*.

Как видим, ничего принципиально нового по сравнению с Сергием Радонежским мы не говорим. Но сегодня это позволяет обратиться на этой основе к науке. Так, мы нашли, что при создании ядра системы надо стремиться к цифре 5% затрат времени по отношению к полному объему затрат для проектируемой системы, а завершение развития ядра должно быть ограничено на уровне 10% затрат. Что и ведет к 10-кратному сжатию времени.

А вот найти указанные “эзотерические” цифры, при которых красота как бы “звенит”, без *откровения* было бы невозможно. И здесь мы говорим прежде всего о пересмотре ролей человека и компьютера, который и сделал возможным этот поиск. Но что мне тогда, в 1960-х годах, когда еще не было никакого опыта, могло подсказать красоту истинного решения? Это *что-то* было, но ведь оно же было *до опыта*! Что наводит на “опасные” мысли о том, что восходящую красоту создает не только человек…

Это здесь, где обрывается нить нашей мысли, входит в свои царственные права красота. И “спасает” через признание тайны.

Сам же поиск “резонирующих” точек может опираться как на движение мысли по нисходящему, так и по восходящему направлениям. При этом получает важное значение движение по шагам, с экспериментальной проверкой каждого шага. Что приводит к возможности, с одной стороны, не погружаться в исследование более, чем только одной новой идеи, а с другой – тонко улавливать наступление резонанса. Чтобы вовремя остановиться. Это то, что мы называем процессом *динамического* творчества.

Но что совсем интересно, так это то, что числа, найденные, как задающие тон в отыскании резонанса красоты в одной из задач, оказываются воспроизводимыми и при решении других подобных же задач. Что наводит на мысли о существовании в Природе *числовых характеристик красоты*. А это означает, что сжатие времени станет “широкошумящим” инструментом инженерии.

***

И так каждый раз: поиск начинается с движения мысли, а уже потом в него включается обращение к ощущениям и поиск красоты. Когда каждый шаг создания систем идет как “оснащение” человека – того, что является великой тайной Природы.

А это и возвращает нас к тому, что человечество потеряло в Новое Время. Это – вера в то, что над нами *что-то есть*.

Мы не возвращаемся в религию, но говорим о той тайне, на которой религия возникла и существует в виде набора догм.

И заявляем: с параллельным нашему миром – а он, судя по всему, действительно существует как мир *нашего* интеллекта – надо научиться общаться. Не только разумом, но и через ощущения. И не на основе одних только застывших знаний-догм, а – творчески, в поиске не “самого лучшего” (как немцы), но – *красивого*.

И тогда *открывается* много удивительного. Где сжатие в 10 и более раз времени выполнения научных разработок, возможно, – только самое первое и простое. Человечество, похоже, подошло к познанию какой-то великой тайны.

И мы в меру своих возможностей делаем то, что можем. Так родился проект “New Old Europe”, приведенный в книге “Нелинейность времени” и подписанный также директором Института философии Российской Академии наук академиком Вячеславом Степиным и помощником генерального директора ЦЕРН (Женева), ответственным за сотрудничество с Россией французом Nicolas Koulberg (имеющим славные русские корни – поэта Капниста из XVIII века и старинного рода Голенищевых-Кутузовых).

Проект “New Old Europe”

Мы вводим понятие b-technologies, в пространстве которых соединены движение и красота – мужское и женское начала в природе. И заявляем о своем намерении строить Новую Европу на основе развития национальных культур, тяготеющих к одному из этих начал, и гармоничного их соединения в процессе динамичного сотрудничества.

Ориентация наших инициатив направлена на поиск и выдвижение талантов, этих редких дарований, с воспитанием молодежи в духе стремления к нравственной красоте и высокому профессионализму.

Сотрудничество, не разрушающее дух национальных культур, предполагает переход к свободным формам объединения интеллекта. Оставляя на первом месте прямое общение между людьми, оно вместе с тем будет опираться на широкое применение сетевых компьютерных технологий.*

Цель нашего движения – поднять в 10–100 раз эффективность использования интеллекта. Во имя чего – на это, по опыту истории, предпочтительно не давать ответа, обозначив границы устремлений символами *свобода* и *красота*. Достичь которые невозможно без смелости и отваги.

* На состоявшемся 12 сентября 2000 года семинаре “Beaty, Time & the Web” (Москва/Середниково) было сообщено о создании Web-системы (технических средств), направленной на построение *коллективного разума*. Философия системы: компьютер в помощь человеку (см. выше). Наряду со сжатием времени на создание системы (затраты – несколько дней, при том что при “западном” подходе это потребовало бы несколько человеко-лет) это означает: модератор в ее составе должен быть не “помощником”, а “дирижером” и даже – “режиссером”. Творцом.
Материалы опубликованы в статье: Р.Кайо (R.Cailliau), Н.Кульберг (N.Koulberg), Р.Титов, В.Шкунденков. A moderated Collaborative Web Community. М., Философские исследования, № 4 (35), 2001.

***

Творец в нашем случае – мы сейчас находимся в пространстве метода B-Synergetic Time Compression – это тот, кто при создании *нового* сначала ищет вечное при создании “ядра” еще не существующей системы, а затем – и в его развитии. И лишь после этого добавляет к этому *нечто*. Вечное воспринимается как предопределение. И оно, по нашему опыту, существует как для ядра-основы (автор), так и для надстраиваемого над ним (“суперклассы” Ростислава Титова в структуре создаваемых сверхсложных систем). “Вечная краса” существует не только в той природе, которую мы видим, но и в технике, которую создаем. И сияет над нами.
В первой книге автора “Москва – старинный город” (Дубна, второе издание – 1997) выделено проявление нисходящей красоты как управляющего инструментария, где “проводником” является – человек. При этом утверждается – на основании опыта создания двух десятков программных комплексов для задач распознавания изображений в области физики высоких энергий, авиации и других, относящихся к “неживой” природе, а также в офтальмологии (“живая” природа), – что существуют *числовые характеристики красоты*. Которые и предопределяют *победы* красоты над движением, этим проявлением мужского начала (энергии).
Особенно интересно, что устойчивые числовые характеристики красоты (пример, относящийся к физике, приведен ниже, в рассказе о создании со сжатием времени программного обеспечения для сканирующей системы АЭЛТ-1) одинаковы и для неживой и для живой природы. Как если бы они создавались *чем-то* одним и тем же. А, может, *Кем-то*?..
Но вот тайна “нечто”, похоже, раскрывается только через *личность*. Это то, что не существует, а возникает. И затем становится частью вечного.
И вся эта *красота* при создании сверхсложных систем еще должна быть погружена в то временное и бесцветное, рожденное суетной мыслью, которое отличает все реальное. Уходящее как в “неповторимое” прошлое, так и в “загадочное” будущее. Главная особенность которого – примитив. Что доказывается тем, что на сопровождение созданной системы в будущем ставят простых инженеров. Это знают все, но *не видят*.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Река Сходня

ФОТОДОКУМЕНТЫ
к истории Москвы: где собирались большие деньги

Какая странная судьба… Пишу в Женеве. Сердце рвется на речку Сходню. Никогда она ко мне уж не вернется.

Вода – тоска. Громада-зверь-тоска в Женеве. Зачем, куда течет вода? Так трудно верить, что не напрасно. Именно туда.

Что жертвы нет, а есть судьба.

***

Это более чем странный текст. Он был написан в виде стихотворения, посвященного Женевскому озеру. Перед этим, за всю свою жизнь, автор написал еще только одно стихотворение, тоже по поводу озера, но другого.

Здесь этот текст, написанный в ночь на 2 февраля 1997 года, представлен в сломанном виде. Не в форме стиха, а в виде прозы.

В нем было зашифровано то, о чем мне не хотелось говорить открыто. А оказалось – в это же время происходило нечто совсем другое, о чем знать тогда я не мог. И текст, как выяснилось через несколько лет, совпал по содержанию с тем событием. Как если бы он писался *под него*. А теперь он используется для третьего…

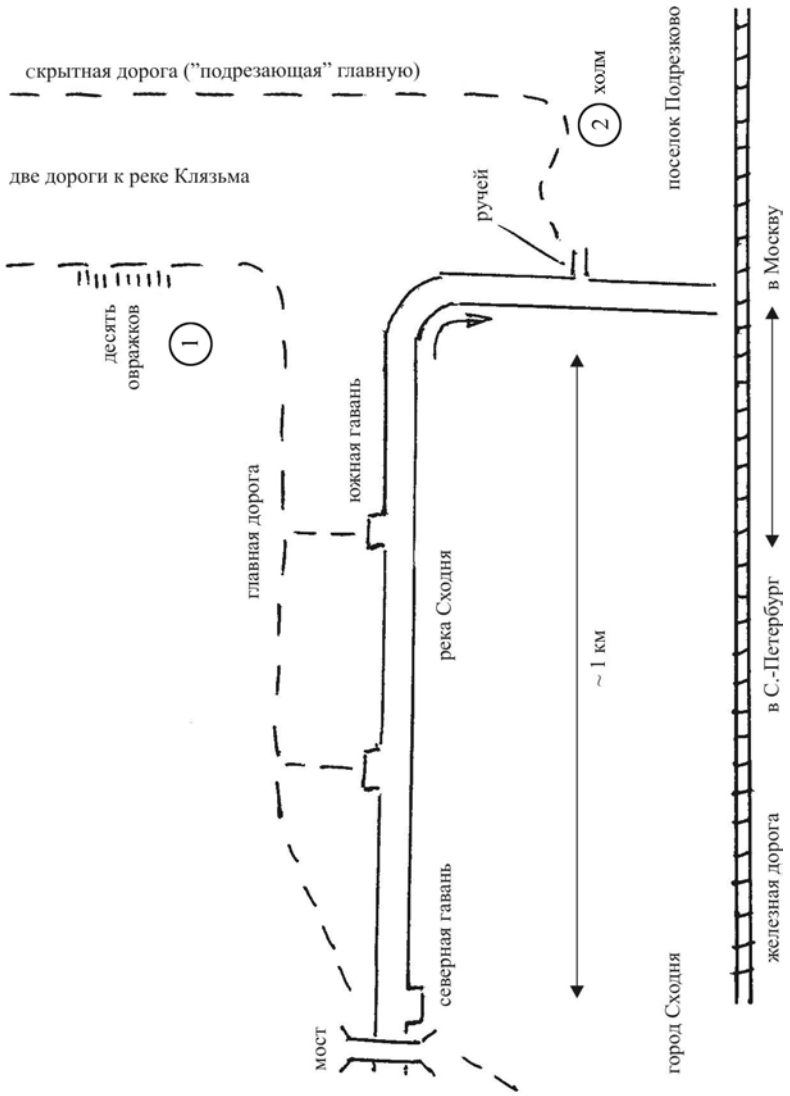
***

Будь *чистым*. И все. – Так сказано в приведенной выше статье при обсуждении подхода к поиску красивых решений. А по существу – к установлению взаимодействия человека с параллельным нам миром-интеллектом, отображаемом в религии как Св. Дух.

Не слишком ли далеко я захожу в смелости своей мысли? Об этом судить не мне. Как на Ваш же суд, мой глубоко уважаемый читатель, я выношу и приводимые ниже фотодокументы, которые связывают написанное в статье о сборе Москвой тайного мыта во времена монголо-татарского ига с моим “географическим открытием” этих мест. Похожем на открытие Трои немцем Шлиманом.

У меня на это ушло 40 лет, в течение которых я все время возвращался в овраг между городом Сходня и поселком Подрезково. Почему-то сердце рвалось туда снова и снова. И однажды *увидел* – эти десять овражков, по которым нас, студентов-спортсменов, гоняли в осеннюю пору на тренировках, эти “гавани”, эту роскошную главную дорогу и, наконец, этот кривой подъем на холм. Наверху которого на меня всегда “находило” *что-то щемящее*…

Река Сходня между городом того же названия (находится слева) и поселком Подрезково (справа).
Фото с железнодорожной насыпи (1997)



План Сходня – Подрезково

1, 2 – предполагаемые места сбора мыта:

1 – открытое место сбора; 2 – скрытное место сбора (эти сборы могли идти на тайную политику Москвы)

Северная «гавань» на реке Сходня. Выход в сторону города Сходня

Южная «гавань» на реке Сходня. Выход в сторону реки Клязьма

Прекрасно сохранившаяся дорога, идущая от южной “гавани” на реке Сходня к реке Клязьма

Место выхода из реки Сходня в сторону поселка Подрезково.
Идущая вправо дорожка пересекает остатки земляного бруствера

Женева

ОТЗЫВ О СТАТЬЕ В.Н. ШКУНДЕНКОВА “ЭКСПЕРИМЕНТ В ЦЕРН, ЖЕНЕВА: 10-КРАТНОЕ СЖАТИЕ ВРЕМЕНИ”

Автор статьи заканчивает свой текст словами о “смелости и отваге”, без которых нельзя достичь высших символов свободы и красоты. Без объединения последних невозможен интеллектуальный прогресс, позволяющий, в частности, по расчетам ученого, увеличить “производительность труда” (в сфере тех же интеллектуальных достижений) в десятки раз. Эта дерзкая мысль исследователя – не плод его индивидуальной фантазии, а отражение современных общих умонастроений в науке, подтвержденных в специальных работах, итоги которых представлены на всемирных конгрессах историков науки. В концепции “трамплинов” (когда одна область знаний “управляет” другими, то есть и выступает трамплином) в последние десятилетия произошла переориентировка ценностей. Казалось бы, неожиданно, но на самом деле вовсе не случайно появилась, получив универсальную поддержку, идея приоритетности микробиологии, молекулярной биологии, а, главное, гуманитарных дисциплин.

Слова нашего автора о содержании русской “Святой Троицы”, а затем о “женской красоте” (“резонанс красоты”), необычайно стимулирующие устремленность в поисках истины, произносятся в самое подходящее историческое время.

Понятно, что не все в талантливой работе может быть принято безоговорочно. Данью неубедительной традиции отдают хвалебные слова о Петре Первом (ему прощено жестокое и часто совершенно бессмысленное кровопролитие); а введение на Руси православия было не свободным, обучение осуществлялось из-под палки, почему русские люди, в том числе цари и вожди вплоть до наших дней не научились стратегическому мышлению. Но все с лихвой покрывается интерпретациями духовности, добра и красоты с точки зрения их влияния на мировоззрение человечества в целом.

В заключение не удержусь от часто приходящей мне в последнее время на ум некоторой историко-художественной аналогии с новейшим временем. На нее указал Ромен Роллан, напомнивший сцену из трагедии Шекспира “Антоний и Клеопатра”. Там в ночь накануне битвы Антония с Октавианом, которая завершит эпоху Антония, в лагере последнего послышались волшебные звуки флейты. Это музы покидали лагерь Антония. Музы всегда покидают лагерь, обреченный на гибель. Это симптоматичное указание на соотношение красоты, душевного добра и общественных и политических и иных форм жизни, на чем в совершенно правильном направлении акцентирует читательское внимание автор этой оригинальной работы.

Небольшие добавления. На одном из недавних серьезных научных заседаний очень одобрительно говорилось о синергетике – слово, которое является одним из опорных в рассмотренной работе. Хотелось бы обратить внимание автора на идеи великого русского ученого А.Л. Чижевского, чье универсальное объединение гуманитарных и естественнонаучных подходов к мирозданию сродни многолетним исканиям В.Н. Шкунденкова.

Заслуженный профессор МГУ,
академик П.А. Николаев

15.09.2003

Из дневника

Вчера, *в среду, 10 сентября 2003 года*, в разговоре за чаем с Петром Алексеевичем Николаевым, ныне заслуженным профессором Московского университета, а когда-то, в 1942 году, в возрасте шестнадцати лет ходившим под Ясной Поляной в атаку на немцев с винтовкой в руке, когда *они* знали, что половина умрет вот сейчас, во время атаки, я узнал: что в это время происходит.

Идущие навстречу своей смерти русские мальчишки в это время кричат матом. Чтобы не сойти с ума.

И Петр Алексеевич сказал мне: это святые слова. Их нельзя произносить *просто так*. К чему наших ребят приучают в сегодняшнее время, через пошлятину повсюду и кровь “просто так”.

И наша задача – вернуть святому его *истинное* назначение.

ПРОБЛЕМА НЕСВОБОДЫ В НАУКЕ

(Вл. Шкунденков: обсуждение комментария профессора П.А. Николаева)

В комментарии профессора П.А. Николаева указано имя всемирно известного русского ученого А.Л.Чижевского (1897–1964) в связи с просматривающейся родственностью его объединения гуманитарных и естественнонаучных подходов к мирозданию с подходом автора этой книги к проблеме *красота–время*. И тотчас была организована встреча автора с внучкой Александра Леонидовича – Мариной Чижевской, которая предоставила автору ряд научных материалов по данному вопросу.

Ниже приводятся два вывода из просмотра этих материалов. *

Первое. А.Л. Чижевский говорит о том, что клетки человека как бы резонируют под воздействием трех факторов:

- заложенных в человека генов;
- внешнего воздействия окружающей среды;
- внутренних химико-физических процессов.

Связь этих научных выводов А.Л. с тем, о чем говорит автор данной книги, просматривается прямая.

Когда А.Л. говорит о роли генов, здесь автор книги указывает на “предрасположенность” каждого человека к ориентации на мужское или женское начала (устремленность к *радости борьбы* или к *красоте*), а также – на коллективизм в организации своей жизни (вторая ветхозаветная заповедь “Не сотвори себе кумира” в иудейском толковании) или индивидуализм (то же, но уже как “павликианская ересь” – где не про народ, а о человеке). Об этом изложено в приведенной выше статье “Время и красота”.

---

* Мы рассматриваем лишь одну из многих проблем, интересовавших А.Л. Чижевского.

Внешнее воздействие (А.Л. Чижевский) – это связь человека с параллельным миром (автор). Здесь важны *свобода* и *чистота*, без которых *нет* этой связи или она направляет человека *не туда*. А путь “туда” указывается через *откровение* (в поисках нового).

Внутренние процессы в человеке (А.Л. Чижевский) – это, по автору, творческий процесс, в котором через устремленность человека вперед и к красоте, опирающиеся на свободу и чистоту души, не только создается нечто новое, направленное на преобразование Вселенной, но и *сжимается время*. Последнее – не цель, а инструмент преобразования. Здесь автором сделан новый шаг.

Второе. Отметив внутреннее единство моделей-схем взгляда на человека со стороны А.Л. Чижевского и автора, вместе с тем разберем и одно важное отличие. Оно заключается в том, что автор не ограничивается *описанием* “устройства” человека, но экспериментирует с его *применением*.

И здесь оказывается, что “западная наука”, в рамках которой выступает А.Л. Чижевский – а любые рамки содержат **несвободу**, – не позволяют решить эту задачу. Созданная в начале Нового Времени база современной науки опирается исключительно на разум, отвергая духовное как условие разрыва с “бетонными стенами” религиозных догм. И, похоже, этот подход уже исчерпал свои ресурсы в решении стоящих перед наукой задач.

Выход из сложившегося тупика возможен в осмыслении тех практических результатов по *сжатию времени*, которые достигнуты в работах автора с западными коллегами в ЦЕРН (Женева). А это – перемещение из пространства классической “западной науки”, опирающейся на разум, через Ничейную Землю (как обозначил место философии бесстрашный Бертран Рассел) на пространство религии, с ее *интересом* к человеку. Но уже без религиозных догм, что позволяет употреблять слово *свобода*.

Сохранив при этом другие понятия, относящиеся к *духовному* в человеке, – такие как красота, чистота души, откровение и др.

На этом и построен переход от рожденной на Западе науки Synergetic к *новой* науке B-Synergetic. Где время течет по другим законам – уже не земным (такое время можно носить на ремешке или вешать на стену), а вселенским. Или “времени интеллекта”, которое может идти вперед и сжиматься, а может – идти назад.

И вот именно на этом пути – перехода к вселенским задачам – видится будущее России в сотрудничестве со “старой” Европой.

В.И. Аршинов
(Институт философии Российской академии наук)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ШКУНДЕНКОВА–ПУРВИСА

(К статье “Эксперимент в ЦЕРН, Женева: 10-кратное сжатие времени”)

Сразу отмечу, что текст статьи, посвященный русско-английскому эксперименту в ЦЕРН, многомерен, открыт, нелинеен и в этом качестве являет собой парадигмальный образец текста действительно заслуживающего комментариев. Но комментировать можно с разных позиций. Мой комментарий – это комментарий человека, занимающегося философскими проблемами междисциплинарных исследований; исследований, в перечне которых одно из центральных мест занимает синергетика, “нелинейная наука” о сложных, самоорганизующихся (саморазвивающихся) системах. Современное “постнеклассическое” понимание таких “синергетических” систем с необходимостью предполагает их рассмотрение как “человекомерных” (В.С.Степин). Таким образом синергетический подход – это и человекомерный подход.

В этом одна из его специфических характеристик. В рамках данного, по необходимости краткого, комментария, я, естественно, не могу в полной мере характеризовать все особенности этого подхода. Я надеюсь лишь показать его сопричастность контексту комментируемой статьи, его эвристический потенциал для осмысления того широкого круга вопросов, которые так или иначе оказались затронутыми.

Поскольку в центре внимания комментируемой статьи находится проблематика коммуникативного взаимодействия в системе “человек-компьютер”, традиционно относящаяся к ведомству кибернетики, имеет смысл сопоставить синергетический подход с кибернетическим.

Синергетика, оформившаяся как направление междисциплинарных исследований в работах И.Пригожина, Г.Хакена, М.Эйгена, У.Матурана и Ф.Варела в течении 70-х и 80-х годов прошлого

столетия, то есть более чем три десятка лет спустя после появления на свет кибернетики Н.Винера и У.Эшби, имеет с последней несколько общих в концептуальном отношении принципов или идей. Это касается в первую очередь самой концепции самоорганизации, с которой по определению имеет дело синергетика, но которая, как отмечает Ф.Капра, возникла уже в первые годы кибернетики, “когда ученые начали разрабатывать математические модели, представляющие логику, свойственную нейронным сетям” (см. Ф.Капра. Паутина жизни. София 2003, с. 100). Далее Ф.Капра приводит перечень существенных отличий кибернетических моделей самоорганизации от более поздних ее синергетических моделей. Эти отличия в принципе имеют парадигмальный характер и сводятся к тому, что в кибернетических моделях самоорганизации нет места для творчества и развития. Эти модели во многом строились в рамках механической картины мира (хотя и с учетом принципа циклической причинности – обратной связи) и не предусматривали возможности “создания новых структур и режимов поведения в процессе развития, обучения и эволюции” (там же, с.102).

Соответственно кибернетическое понимание системы “человек–компьютер” сводило ее к системе обработки информации, то есть системы манипулирования символами, основанном на некотором наборе правил. А отсюда прямо следовал все тот же кибернетический взгляд на эволюцию этой системы, сводящейся к прогрессивно-линейному вытеснению из нее человека и полной заменой его компьютером. Эта полумеханицистская редукционистская парадигма долгое время лежала в основе программы разработок в области искусственного интеллекта.

Правда, еще в конце 40-х годов известный математик Станислав Улам, занятый тогда расчетами на ЭВМ атомной бомбы в рамках Манхеттенского проекта, говорил о синергизме (синергетическом партнерстве) человека и компьютера, в процессе их совместной коммуникативной деятельности как некоего диалога, в которой компьютер не вытесняет человека, но некоторым образом дополняет его. Однако эта его мысль тогда не получила своего “последовательно синергетического” развития. И это, вообще говоря, не удивительно, поскольку такое развитие мысли в качестве поддержанного научным сообществом могло бы “иметь место” в том случае, если бы в те годы существовала уже сформировавшаяся синергетическая парадигма или картина мира.

Однако тогда ее не было. Впрочем ее нет и сейчас. Пока что мы имеем отдельные синергетические модели самоорганизации, синтез которых в новую парадигму или картину мира пока еще не произошел. Хотя некоторые попытки осуществить такой синтез уже предпринимаются – см. цитировавшуюся книгу Ф.Капры, – об успехе пока что говорить рано. О том что дело обстоит именно таким образом, красноречиво свидетельствуют и трудности восприятия новаторской идеи сжатия времени, его “нелинейности”, выдвигаемой В.Н.Шкунденковым

Итак сейчас общенаучной (междисциплинарной) единой картины мира (в смысле самосогласованной целостности), строго говоря, нет. Есть ее отдельные фрагменты, именуемые специальными картинами мира (дисциплинарными онтологиями) – такие, например, как физическая, биологическая, космологическая картины мира, репрезентирующие предметы каждой отдельной науки (В.С.Степин. Теоретическое знание. М., 2000, с. 217– 231).

Сказанное, конечно, не означает, что нам следует отложить теоретическое – философско-мировоззренческое и методологическое – рассмотрения таких проблем, как проблема сжатия времени, его нелинейности, проблема красоты интуитивно угадываемых решений в проектировании современных сверхсложных активных систем коммуникативной поддержки коллективного человеческого интеллекта до тех лучших времен, когда у нас сформируется единая картина естественнонаучной и социогуманитарной реальности и ограничиться констатациями существующего положения дел. Всякое откладывание попыток теоретического осмысления проблемы нелинейности времени в контексте текущего мирового развития “здесь и теперь” непредсказуемо повышает вероятность того, что у нас просто не будет никакого времени вообще. В то же время, сами эти попытки в качестве необходимого ответа на современные цивилизационные вызовы оказывают стимулирующее воздействие на процесс самоорганизации единой картины мирта. Но было бы ошибкой в этой ситуации (как и во всех других аналогичных) полагаться на самоорганизацию как таковую, без активно содействующих и коммуницирующих между собой субъектов или акторов этого процесса.

Здесь существенно замечание В.С.Степина, который подчеркивает, что “переход современной науки к постнеклассической стадии развития создал новые предпосылки формирования единой научной картины мира” (В.С.Степин, указ. соч., с. 641).

Эти новые предпосылки В.С.Степин видит в становлении в современной науке “концепции глобального (универсального) эволюционизма, принципы которого позволяют единообразно описать огромное разнообразие процессов, протекающих в неживой природе, живом веществе, обществе”.

Необходимость выработки нового междисциплинарного (включая и философский) подхода к осмыслению синергетически развивающихся человекомерных систем как совокупности неких целостных коммуникативных по своей природе гештальтов имеет огромное мировоззренческое и практическое значение. Осознание трансцендентально-эмпирической (Ж.Делез), операциональной, когнитивной, процедурной природы этих гештальтов и новая “философская открытость” очевидно взаимообусловлены, порождая вместе новое синергетическое качество “открытой коммуникативной рациональности”, которое становится основным конституирующим синергетическим параметром порядка, посредством которого и строится новая картина мира.

Таким образом, мы имеем дело с весьма характерным для синергетического подхода циклическим движением, порождающим эволюционно-коммуникативную обратную связь, посредством которой (или в которой) конструируется единая научная картина мира и автопоэтически сопряженное с ней междисциплинарное понятие социогуманитарная безопасность…

Конечно, все эти рассуждения о цикличности, эволюционности, синергетике, автопоэзисе и конструировании новой единой картины мира выглядят весьма схематично, упрощенно и в этом качестве несут в себе риск упустить из виду саму природу рассматриваемой нами проблемы, ее конкретный контекст, которая именно в *сложностности* как таковой и состоит.

На этом месте нужно остановиться подробнее. Говоря выше о том, что процесс становления новой картины мира сложен и синергетичен, я не имел ввиду , что она может быть буквально *сложена* из фрагментов прежних картин, какими бы фундаментальными они нам не представлялись. Имелось в виду другое. И это другое связано скорее с понятием парадигмы, чем с понятием картины мира. Как известно, понятие парадигмы было введено в контекст современной философии, истории и методологии науки американским исследователем Т.Куном в 60-х годах прошлого века с целью зафиксировать феномен научных революций, феномен дискретности, прерывности в динамике роста научного зна-

ния и коррелятивный ему социально-психологический феномен согласия или несогласия научного сообщества по поводу признаваемых в качестве научных проблем и интерпретации наблюдаемых в эксперименте явлений. Понятие парадигмы в системе научного знания функционально сходно с понятием научной картины мира. И парадигма, и научная картина мира выполняют в системе научного познания, понимаемого, если говорить современным языком, как мультиагентная саморазвивающаяся интеллектуальная сеть, интегрирующую коммуникативную функцию.

Однако между парадигмой и научной картиной мира есть и отличия. Как пишет один из крупнейших современных французских мыслителей Эдгар Морэн, “парадигма играет роль одновременно и глубинного слоя, и верховного уровня во всякой теории, доктрине или идеологии. Парадигма является *бессознательной* (курсив мой – В.А.), но она питает сознательное мышление, контролирует его, и в этом смысле она является также сверхсознательной” (Морэн Э. Образование в будущем: семь неотложных задач).

Согласно Морэну, “парадигма устанавливает те первичные отношения, в соответствии с которыми формулируются аксиомы, определяются понятия, протекают размышления и строятся теории”. Парадигма есть то, что “организует их организацию и порождает их рождение или возрождение”, она “осуществляет отбор, детерминирует построение концепций и логические операции”.

И далее Морэн рассматривает пример двух “противоположных парадигм”, важный как сам по себе, так и для понимания сходства и различия понятий “картина мира” и “парадигма”. Противоположные парадигмы Морэна выстраиваются в контексте отношения *человек–природа*.

“Первая парадигма включает человека в природу, и всякое рассуждение, развернутое в ее рамках, превращает человека в природное существо и видит “человеческую природу”.

Вторая парадигма исходит из разделения этих двух терминов и, определяя специфику человека, исключает идею природы.

Обе эти противоположные парадигмы сходны в том, что они, по сути, развертываются в рамках некоторой более широкой парадигмы – парадигмы упрощения, которая перед лицом всей концептуальной сложности предписывает или редукцию (человека к природному), или разделение (между человеком и природным).

Обе эти парадигмы препятствуют пониманию *двойственного единства* (природное – культурное, мозговое – психическое) человеческого бытия, а также мешают осознанию отношения одновременно причастности человека к природе и разделения человека и природы.

Только сложная парадигма причастности/различения/соединения позволяет построить такую концепцию". Но, констатирует Морэн, "она еще не вписана в научную культуру" (Э.Морэн. Указ. Соч.)

Итак, новая единая картина мира может и должна строиться в контексте парадигмы **сложностности** мира и человека, природы и укорененного в ней, причастного к ней, а потому и соразмерного ей человеческого бытия, конструирующего в своем коллективном становлении вторую, "искусственную" природу техники и социальных институтов. Согласно Эриху Янчу возникает целостный динамический образ самоорганизующейся Вселенной с включенным в нее человеком, причастным к тому, что в ней происходит (Э.Янч).

Концепция Э.Янча, использовавшего результаты научных исследований И.Пригожина в области нелинейной термодинамики неравновесных процессов и распространившего принцип самоорганизации на всю совокупность природных и социальных явлений, является, по мнению В.С.Степина, "плодотворной попыткой создать эскиз современной общенаучной картины мира на основе идей глобального эволюционизма" (В.С.Степин, указ. соч., с. 655).

Несколько дальше в этом направлении идет сравнительно недавно предпринятая попытка Ф.Капры, но она еще ждет своего обсуждения, хотя в современных моделях самообучающихся организаций работа Капры уже активно используется.

Теперь, в контексте обозначенной выше парадигмы **сложностности**, вернемся к синергетике как инструменту построения новой общенаучной картины мира. Заметим, что в своем широком истолковании синергетика, как междисциплинарное направление исследований, естественно включает в себя также и исследования И.Пригожина и его школы, на которых строится концепция самоорганизующейся Вселенной Э.Янча. Однако контекст парадигмы **сложностности** (контекст постнеклассической науки) сам по себе предполагает многообразие путей и средств формирования синергетического мировидения.

Вот что пишет в этой связи один из основоположников синергетики немецкий ученый Г.Хакен: “...Синергетику можно рассматривать как науку о коллективном поведении, организованном и самоорганизованном, причем поведение это подчинено общим законам. Когда какая-нибудь наука заявляет об универсальности своих законов, это тотчас же вызывает весьма важные последствия. Синергетика опирается на очень разные дисциплины, среди которых не только физика, химия и биология, но также социология и экономика; можно поэтому ожидать, что открытые и описанные синергетикой закономерности уже так или иначе будут представлены в различных областях науки, и у нас появится возможность *увидеть возникновение в свете синергетики новой, единой картины мира (*курсив мой – В.А.), составленной, подобно мозаике, из множества отдельных, собранной наукой фактов”. (Г.Хакен. Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. Москва–Ижевск. 2003, с. 25)

В контексте вышесказанного есть основания полагать, что предлагаемая В.Н.Шкунденковым личностно ориентированная интуиция нелинейности времени и резонанса красоты получит свое оправдание и дальнейшее развитие именно в рамках становления новой постнеклассической парадигмы **сложностности** и синергетически сопряженной с ней единой человекомерной картины мира. Повторюсь: новая картина, человекомерная картина мира только становится и синергетика выступает в этом процессе инструментом развертывания этого процесса. Поэтому дальнейшие соображения относительно “встраивания” интуиции нелинейности времени В.Н.Шкунденкова (как она представлена в его книге “Нелинейность времени”, М., 2003) в “синергетически становящуюся человекомерную картину” имеют во многом предположительный характер.

При этом нижеприводимые соображения ставят одной из своих задач дать набросок (эскиз) объяснения возможности феномена *сжатия времени* – назовем его “Синергетическим эффектом Шкунденкова–Purvis” * – в контексте конструирования сложных информационно-коммуникативных систем с позиций синергетически-человекомерной картины реальности.

---

* Если роль Шкунденкова заключена в том, что он выразил словами то, что в России ощущают многие и даже применяют на интуитивном уровне, то роль Purvis’а как англичанина видится сложнее: он был первым.

Чтобы эти соображения были более понятными в их связи с синергетикой, подчеркну, что традиционного понимания синергетики как методологии междисциплинарного исследования нелинейных процессов в данном случае особенно недостаточно. Синергетика – это еще и методология конструирования реальности, а потому она где-то близка дискурсу коммуникативного конструктивизма Пола Ватцлавика, а отчасти и философскому конструктивизму Эрнста фон Глазарфельда. Дело в том, что синергетика эмистемологически позиционируется (В.И.Аршинов. Синергетика как феномен постнеклассической науки, М., 1999) как методология “срединного пути”, в чем-то напоминающая даосистскую философию Пути (Дао), а в чем-то совпадающая с познавательной позицией личностного знания Полани-Маслоу.

Эту особую “срединность” синергетики необходимо понимать как динамически сбалансированный процесс самоконструирования субъектом так называемой “реальности второго порядка”, становящейся реальности пути как “Дао”, которой и определяет себя вполне синергетически между предельностями миров детерминизма и индетерминизма, локальной причинности и телеологичности, необходимости и случайности, стабильности и нестабильности, рациональности и интуиции.

Используя наглядные физические образы И.Пригожина, можно также говорить о мирах идеальных маятников, изначально находящихся в верхней точке неустойчивого равновесия и, соответственно, в нижней точке устойчивого равновесия. Этим физическим образам можно, в свою очередь, сопоставить образы математические, но также в некотором смысле наглядные (по крайней мере визуализированные), а именно: образы бифуркаций и аттракторов как ключевых характеристик фазовых портретов, описывающих динамические системы в абстрактных математических пространствах их конфигуративных состояний.

Наконец, помятуя о человекомерности современной постнеклассической науки и, в частности, синергетики, вполне уместно в этом ряду физико-математических соответствий воспользоваться юнгианскими образами-архетипами мужского и женского начал или миров (которыми оперирует В.Шкунденков), что опять-таки возвращает нас к понятию дао.

В западной культуре дао традиционно воспринималось как нечто неизменное статичное, ставшее, пространственное, но в последние годы дао стало все более осознаваться как динамическое,

темпоральное, в рамках некоторого нелинейного представления о времени как особом кругообороте во вселенной.

Этому пониманию нелинейности, темпоральности и динамичности дао способствовал начавшийся в XX веке диалог культур Востока и Запада, метафорически названный известным отечественным востоковедом Т.Григорьевой “встречей дао с логосом”.

Можно пойти еще дальше по пути использования интуиции дао, как инструмента, вводя в контекст рассуждений метафору процесса “дао-встречается-с-логосом-в-синергетике” и говорить о мужском мире бифуркаций, нестабильностей, о мире маятников, где исходным и фундаментальным состоянием мира считается его (мира) неустойчивое состояние, моделируемое (символизируемое) идеальным маятником в верхнем положении, и о женском мире аттракторов, стабильностей, о мире маятников, где исходным и фундаментальным состоянием считается устойчивое состояние мира, моделируемое маятником в нижнем положении, плюс колебания в его линейной окрестности.

Тогда мир синергетики выступает как путь преодоления разделенности, односторонности “альтруистически-женского” и “эгоистически-мужского” миров. Эта преодоленность по самой своей природе имеет символически-коммуникативный характер, и для ее осмысленного нелинейного представления необходимо достаточно богатое многообразие различных взаимодополняющих друг друга языков и метафор. Здесь уместен и антропософский язык с использованием древних архетипов миров дарения и денег как миров, сопряженных с женским и мужским началами, а также метафоры “синергетической встречи” двух идеальных начал в мире эйдосов Платона, а именно: мира бифуркаций и мира аттракторов в общем мире теоретизаций физики и математики. Этот последний образ является настолько доминирующим, что до сих пор многим представляется, что вся синергетика “живет” в детерминированном мире физико-математических идеализаций, моделей и абстракций.

Но это не так, хотя бы уже потому, что все так называемые “синергетические встречи” – это коммуникативные взаимодействия разных субъектов, укорененных в разных контекстах и имеющих по самой своей сути рефлексивно-креативный, эмерджентный характер. Так, даже если оставаться в контексте языка представления мира физико-математического естествознания, их итогом оказывается “третий мир” динамического хаоса, откры-

тый или, скорее, междисциплинарно сконструированный исследователями во второй половине прошлого столетия. Этот мир можно также назвать миром “странных, хаотических аттракторов”, или, что будет так же правильно – миром фракталов, фрактальных аттракторов…

Не углубляясь в детали, я ограничусь лишь некоторыми необходимыми в данном случае пояснениями.

Третий мир как в качестве “нового”, сконструированного мира, так и старого, “переоткрытого” не сводится к первым двум в том смысле, что он не есть продукт их исторического сложения или математического (топологического) умножения. Это нелинейный мир самоорганизующихся процессов и “человекомерных систем”, а, тем самым, и мир состояний сознания. (Кстати, уже этим мир динамического хаоса отличается от рационалистической конструкции третьего мира К.Поппера). Здесь важно подчеркнуть, что необходимость включения в нелинейный мир самоорганизующихся процессов состояний сознания следует из соображений, имеющих уже скорее междисциплинарный, чем собственно философский характер.

Первый ряд таких соображений достаточно хорошо известен и связан с продолжающейся уже более двух третей века полемикой вокруг концептуальных проблем квантовой механики, интерпретации ее онтологического статуса. Одним из фокусов этой полемики являются вопросы теории квантовомеханического измерения, “проистекающие из невозможности естественным образом включить в нее процедуру выбора альтернативного результата измерения, которая технически описывается как редукция состояния измеряемой системы. Это ведет к необходимости явным образом включить в рассмотрение сознание наблюдателя и является мотивом для принятия многомировой интерпретации квантовой механики (интерпретация Эверетта)”. (М.Б.Менский. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами. ВФ, в печати.)

Второй ряд соображений по поводу включения состояний сознания в нелинейный мир самоорганизующихся процессов известен в меньшей степени, поскольку связан со сравнительно недавними работами в области синергетики познания, синергетического анализа сознания и моделирования когнитивных процессов. Здесь обращают на себя внимание последние работы Г.Хакена и его сотрудника Дж.Португали, а также Алана Комбса.

Для Г.Хакена “синергетика – это междисциплинарная исследовательская область, которая имеет дело с системами, составленными из многих подсистем. Посредством взаимодействия подсистемы могут спонтанно воспроизводить пространственные, временные или функциональные структуры. Синергетика фокусирует свое внимание на ситуациях, в которых развиваются новые структуры”. Переход к синергетике познания (синергетике 2, как я ее называл в некоторых своих статьях) проще всего демонстрируется посредством аналогии между процессом распознавания образа ассоциативной памятью и процессом формирования динамических паттернов в жидкости, нагреваемой снизу. (Эффект образования ячеек Бенара.)

Эта аналогия сравнивает два процесса: (1) некоторые части системы… находятся в упорядоченном состоянии, они могут генерировать параметр порядка, который, в свою очередь, подчиняет остальную часть системы так, чтобы вся система была приведена в упорядоченное состояние; (2) когда даны некоторые особенности образа …, они генерируют свой параметр порядка, который, в свою очередь, подчиняет общую систему (человеческий мозг или компьютер) и вынуждает дополнять остальную часть оставшимися деталями.

Предложенный Г.Хакеном синергетический подход к процессу распознавания образа открыл интересные возможности для конструирования концептуальной рамки для изучения так называемых когнитивных карт. Эта концепция была сначала реализована Дж.Португали и далее разработана им совместно с Г.Хакеном. Суть ее в том, что когнитивная система, связанная с когнитивными картами, конструирует или формирует целый образ/карту на основе неполного, только частичного набора его особенностей.

На языке синергетики можно сказать, что неполный набор особенностей окружения, предъявленный когнитивной системе, вызывает соревнование между несколькими возможными конфигурациями особенностей и их параметрами порядка, продолжающееся до победы одного из них и подчинения системы с созданием новой когнитивной карты

Между процессами распознавания образа и построением когнитивной карты существует важное отличие. При распознавании, например, лица цель состоит в том, чтобы использовать частичный набор некоторых особенностей, данных системе для

его распознавания, из репертуара известных и сохраненных лиц. В когнитивных картах цель состоит в том, чтобы создать первоначально неизвестный образ/карту из неполного набора особенностей некоторого окружения. При распознавании образа мы обычно имеем дело с одной модальностью. При распознавании лица, например, это – зрительная система. В когнитивных картах мы обычно имеем дело с несколькими модальностями …

Человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена некоторым параметрам порядка, образующим (в некотором смысле) тот параллельный мир идеальных сущностей и предопределенностей, о котором говорится в работе В.Н.Шкунденкова. Так что очень вероятно, что индивидуум создает когнитивную карту не только на основе конкуренции внутренних параметров порядка данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров или более глобальным представлениям. Такое синергетическое представление когнитивных карт придает больший вес внешней среде и внешней когнитивной памяти, чем это традиционно признается в когнитивных науках, хотя у таких ученых как Выготский или Гибсон идея о том, что когнитивная система человека есть внутренне-внешняя сеть, где некоторые из элементов представлены или хранятся внутри психики (мозга), а некоторые во внешней среде, всегда занимала ведущее место.

Таким образом, вместо обычного процесса формирования (самоорганизации) паттерна (структуры), при котором параметры порядка подчиняют некоторые внешние подсистемы (синергетика 1), и обычного процесса распознавания образа, при котором параметр порядка подчиняет некоторые внутренние детали образа (синергетика 2), мы имеем здесь конструктивно-интеграционный процесс – параметры порядка подчиняют и внешне представленные подсистемы и внутренне представленные особенности.

Здесь мы имеем дело с тем, что я предлагаю называть синергетикой 3 * – синергетикой процессов конструирования человеком окружающей его среды на основе общих закономерностей само-

---

* Вскоре после написания статьи в обсуждениях В.Н.Шкунденкова, В.И.Аршинова, R.Cailliau (CERN, Geneva, соавтор интернет-системы WWW) и В.С.Степина (академик, директор ИФ РАН, Москва) появился термин B-Synergetic, где “B” означает “Beauty” (красота)

организации космоса. Я полагаю, что взгляд синергетики 3 на назначение человека во вселенских процессах как совокупности процессов самоорганизации человекомерных, наделенных сознанием систем, подчиненных своим параметрам порядка, позволяет подойти с более общих теоретико-методологических позиций к осмыслению практики применения концепции нелинейности времени как своего рода функциональной подсистемы интегративно-когнитивной системы человека по Хакену-Португали. Здесь предстоит еще большая работа, в частности, связанная с пониманием сознания как самопорождающей (автопоэтической) системой, находящейся в процессе создания самой себя и стабилизированной нагрузкой – некоторой продуктивной деятельностью, направленной вовне.

В заключение отметим нечто, имеющее особо важное значение: в данном случае речь идет о связи синергетического подхода в теории с *практикой* выполнения научных работ.

С точки зрения самой возможности общего, практического и одновременно философско-синергетического взгляда, представляется чрезвычайно важным то обстоятельство, что, как это следует из текста комментируемой статьи, концепция *нелинейности времени* выведена из эксперимента (задача распознавания изображений – В.Шкунденков), и ее применение оказалось воспроизводимым в смежных областях научных разработок (создание сверхсложных информационных систем в ЦЕРН, Женева, – электронного документооборота и др. – J.Purvis).

P.S. В дополнение к приведенной выше статье В.И. Аршинова, автор данной книги стал искать “что-нибудь о красоте” у русских специалистов. И нашел в работе Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова “Антропный признак в синергетике”. (Опубликовано в сокращении как статья “Синергетическое расширение антропного принципа” // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., Пр.-Традиция, 2000.)

“Разрушить уходящий в глубокую древность стереотип страха перед хаосом, увидеть красоту и конструктивность хаоса – это tour de force, настоящий подвиг синергетики. Малое и хаотическое прекрасны, ибо открывают возможность рождения нового.

Красота с синергетической точки зрения может быть рассмотрена как некий промежуточный феномен между хаосом и порядком. Красота – это не полная симметрия, а некоторое нарушение симметрии (порядка)”.

Джеймс Пурвис (ЦЕРН, Женева, ноябрь 2002)

СТРАНА ЦЕРН И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Журнал “Business Match”, № 4, 2002. Отрывок из репортажа Анны Бердичевской, главного редактора журнала
(Интервью с англичанином Джеймсом Пурвисом и автором)

Джеймс Пурвис (James Purvis) – начальник группы “Разработки приложений для Интернета” отдела административной поддержки ЦЕРН.
Группой была разработана система электронного документооборота в ЦЕРН, которая в 2001 году получила высшую оценку со стороны известных американских компаний SUN и ORACLE.

БМ (Бизнес Матч) – Была наслышана о созданной вами системе еще в Москве. Электронный документооборот – тема для физики, возможно, не главная, но для делового журнала и его читателей крайне актуальная. Расскажите о том, как система создавалась.

Д. Пурвис – Цель была сформулирована так: создать систему, автоматизирующую все бизнес-процессы внутри ЦЕРН. Простая постановка задачи не делала таким уж простым ее решение. ЦЕРН – огромная и сложная организация с семью тысячами сотрудников, живущих в разных странах, с огромным промышленным размахом производства, всевозможных поставок, с разнообразнейшей хозяйственной деятельностью… Нам удалось разобраться во всем этом и создать систему электронного документооборота благодаря прекрасной многонациональной и молодой команде. Во многом – благодаря сотрудничеству с дубненским Центром исследований и разработок информационных систем (ОИЯИ). Прежде я никогда не встречался с такими подходами, в том числе и философскими, которые продемонстрировали наши русские коллеги, и прежде всего – Владимир Шкунденков. Это касалось обоснования красоты решений и совершенно своеобразного отношения к системе “человек–компьютер”, вообще к творческому научному процессу. Таким образом, нам действительно

удалось значительно быстрее, чем предполагалось, создать и запустить сначала систему контроля финансов, а затем и более развернутую – Web-версию электронного документооборота.

БМ – Как она работает?

Д. Пурвис – Допустим, моей группе понадобилось новое оборудование, производимое в Англии. Вхожу в компьютер, делаю запрос. Через 24 часа получаю оборудование. Не думая ни о том, кто этот запрос должен рассматривать, подписывать, ни о том, куда будут переведены деньги или как товар будет доставляться, какие проблемы надо решать на таможне… Все это делается автоматически и самым оптимальным образом. Вот эта ручка, эта тетрадь, этот компьютер куплены таким образом.

БМ – Ваша система для любой крупной компании – мечта. Подобные системы существуют в мире?

Д. Пурвис – Начали появляться. Но и год назад наша система признавалась лучшей в мире. Кроме того, благодаря “красивым решениям” нашего молодого сотрудника из Дубны Ростислава Титова она стала вполне универсальной, то есть легко включает в себя практически любые административные процедуры реальной жизни… Сейчас я работаю над новым проектом, который очень меня занимает. Суть новой системы состоит в использовании сводных таблиц, для того чтобы не только обрабатывать разнообразную и неоднородную информацию, но и анализировать ее, получать отчеты и рекомендации к оптимизации всех процессов.

БМ – А как у вас решаются вопросы защиты? Ведь умельцев, взламывающих Интернет, сейчас хоть отбавляй.

Д. Пурвис – Не забывайте, мы в Швейцарии. Наша система безопасности информации – на уровне швейцарских банков, как минимум.

БМ – Можно ли применить “философию”, которой вы пользовались при разработке ваших продуктов, для создания империи, подобной, например, “Микрософту”?

Д. Пурвис – “Микрософт” – это огромная специализированная организация с десятками тысяч сотрудников, сотнями программных продуктов и мировым господством во многих областях. Тем не менее, я верю в то, что именно творческое мышление и внедрение философии “красивых решений” позволит не столь большим фирмам-“давидам” одолевать существующих гигантов-“голиафов”. Вместе с нашими русскими коллегами мы увеличили продуктивность в 10 раз.

***

Владимир Шкунденков
(Ответы на вопросы со стороны Бизнес Матч)

БМ – Владимир Николаевич, рассказывая о вкладе русских сотрудников в разработку системы электронного документооборота в ЦЕРН, Джеймс Пурвис говорил о специфических подходах к задачам, о своеобразном “русском методе”, основанном на понятии “красота решения”. При этом ссылался на вас. Не могли бы пояснить?

В. Шкунденков – В 1995 году я предложил Джеймсу, тогда 27-летнему молодому специалисту, применить “русский метод” для выполнения нашей первой совместной разработки – системы контроля над бюджетом. В планах стояло: сделать за 1,5–2 года, мы сделали за 2 месяца. Потом были выполнены еще ряд разработок, в том числе последняя, очень удачная, версия электронного документооборота.

Основой этих успехов было использование эффекта нелинейности времени, что базируется на введении в научные разработки хорошо известного, особенно в России, подхода с поиском “красивых” решений. Наше отличие – мы используем не просто интуитивный поиск красивых решений, нам в какой-то мере удалось формализовать основные принципы.

БМ – Нелинейность времени. Что это такое?

В. Шкунденков – Через поиск “красивых” решений скорость “распознавания законов Вселенной”, а значит – и скорость ее преобразования можно увеличить в 10 раз, и в 100 раз, и даже, возможно, в 1000… Что эквивалентно сжатию времени. Основываясь именно на этом, Россия в своей истории не раз выходила из кризисов. В моей жизни инженера это тоже было.

В 1967 году мы построили первый в СССР сканер для обработки фотоизображений (он предназначался для измерения и распознавания ядерных событий на снимках с трековых камер в физике высоких энергий). Но программы распознавания никак не удавалось создать.

Прошло 5 лет, и меня назначили ответственным за создание этих программ. Я нашел “красивое” решение, и через два месяца сканирующая система была запущена в эксплуатацию.

БМ – Любопытно. А можно вкратце описать этот путь?

В. Шкунденков – Я *увидел*, что наблюдаемое явление содержит 70% простой, 20% – средней сложности и 5–10% очень сложной информации. Именно последние 5–10% и оставляют для человека. И еще увидел, что сложность создания программ для простой и средней сложности информации различается чуть ли не в 100 раз! Тогда я передал компьютеру только 70% простой информации, а человеку оставил остальные 30%. В результате сложность создания программы распознавания уменьшилась сразу в 100 раз. Возникшее при этом трехкратное увеличение нагрузки на человека мы стали компенсировать применением простых в исполнении скоростных средств диалога.*

……..…

…….

---

* В состав комплекса средств диалога сканера АЭЛТ-1, созданного под руководством автора, в 1973 году входили:

- оптический вывод стоящего на измерении фотоснимка;
- монитор на визуальной электронно-лучевой трубке, позволяющий подключать человека-оператора к анализу результатов измерений непосредственно в процессе измерений (что спасало “утонувшие” в шумах слабые по контрастности ядерные треки); здесь был реализован подход “компьютер в помощь человеку” (противоположный кибернетике);
- скоростной световой карандаш, использующий обратную связь для дополнительного подсвечивания “схваченной” точки на экране визуального графического дисплея, что исключало “промахи” в его работе; его быстродействие как указателя в 5–10 раз выше, чем у “мыши”;
- скоростная функциональная клавиатура (применено расположение клавиш с подходом, заимствованным у клавиатуры рояля).

Часть II.

ЗВЕЗДНАЯ БЕЗДНА

Летом 1997 года мой друг кимрский художник Петр Савельевич Гусев познакомил меня с самым интересным художником Верхней Волги Владимиром Владимировичем Масловым. Маслов и его жена Наталья Алексеевна жили в Белом Городке, в простом деревянном доме поселкового типа, стоящем прямо на берегу реки. “Как вам нравятся мои картины?” – сразу приступил к выяснению наших отношений Маслов. “Вы – гений”, – ответил я. “Ты слышишь, Наташа? Умного человека сразу видно, – отреагировал художник. – Я тоже вижу вас, Владимир. Мне непременно хочется написать ваш портрет. Я изображу на нем не вас, а ваш дух. Вот увидите, это будет необыкновенный портрет”.
Написанный в середине декабря того, 1997 года, в морозный солнечный день, когда я сидел на табуретке в доме Маслова и пил чай с Натальей Алексеевной, болтая о том о сём, этот портрет был представлен в мае следующего, 1998 года на выставке Маслова в Большом театре, когда его руководителем был Владимир Васильев. Знаменитый болеро и тоже художник. После чего он (портрет) был вручен мне в качестве подарка.

СМЕШНОЕ В БИОГРАФИИ АВТОРА

Автор книги родился 27 марта 1938 года в городе Красноярске. Поскольку книга, как предполагается, будет читаться за границей, то сообщу, что город расположен в Сибири, на реке Енисей. Кругом тайга – почти непроходимый для человека лес.

В июне того же года отец был репрессирован, и вскоре матери как жене “врага народа” пришла повестка – явиться в НКВД. Что это означало, знали все: высылка в 24 часа за 100 километров от города. В данном случае – в тайгу с грудным ребенком.

Мать (и будущего автора этой книги) спас начальник военного стола, которому, видимо, была симпатична моя молодая красивая мать. “Бери сейчас же отпуск и уезжай на месяц из города. Может, о тебе просто забудут”, – было сказано ей. Видимо, она немного задержалась со сборами и пропустила назначенное ей время явки в НКВД. И когда спускалась по лестнице нашего деревянного дома, держа меня завернутым в одеяло, навстречу ей входили двое. “Здесь живет Шкоденкова?” – спросили ее. Она молча показала пальцем наверх. Так мы сбежали. А через месяц о ней и в самом деле “просто забыли”.

Из группы в семь человек арестованных, в которую попал мой отец, первых пятерых (по алфавиту) расстреляли. А отец поехал строить Комсомольск–на–Амуре. Выкинув перед этим, во время “суда”, доносчика-свидетеля в окно со второго этажа. Бежал из лагеря в октябре, переплыв Амур. Но не выдержал холодной воды и простудился, пришлось сдаться охране моста. Началась война с немцами. Штрафбат как освобождение от лагеря. Вперед, в атаку без оружия. Немцы победили. Удалось остаться живым и уйти в партизаны. После войны сначала снова посадили, но потом, поразмышляв, даже сделали директором кирпичного завода где-то в Енисейском районе. Но конец вскоре наступил – на 41-м году жизни. У меня сохранилось его последнее письмо. *

Чтобы спастись, у матери имелась только одна возможность: согласиться на роль “стукача”. В 1951 году, когда она, переезжая из города в город, жила в Уфе, ей и ее “подруге” дали задание: пригласить домой “на вечеринку” одного мужика-железнодорожника и во время “гулянья” с вином разорвать портрет наркома путей сообщения Кагановича. Чтобы потом сообщить “органам” его реакцию. Портрет разорвали, мужик выразил удовлетворение и получил за это 25 лет лагерей. А мать судили за то, что она пришла с доносом не первая, а вторая. Но отпустили: у нее начался туберкулез. К тому же и рассмешила: избила скалкой “связного”.

И тут произошло чудо: она выиграла по облигации 10000 рублей (при зарплате около 1000). Это позволило ей на время улучшить питание, и она выкарабкалась. Но деньги имеют известную особенность, и когда это произошло, то она, не иначе как в отчаянии, попробовала получать с отца (которого выпустили из лагеря) алименты – об этом в последнем письме отца. Получала ли она эти алименты, я не знаю. Но отец умирает, а еще через год я заканчиваю среднюю школу и поступаю учиться в Московский энергетический институт. В связи с окончанием его в 1961 году работаю сначала в Москве на “почтовом ящике”, а с 1962 года – в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна).

В это время мир был увлечен появлением компьютеров и их применением. В середине 1950-х годов в Массачузетском технологическом институте профессор Мартин Дойч (Martin Deutch, 1917–2002), иммигрировавший в 1930-х годах в США из Австрии еврей, предложил идею построения сканирующей системы – на основе соединения телевизионного устройства “бегущий луч” (устройство на электронно-лучевой трубке, ЭЛТ, для передачи кино по телевидению) и компьютера. Особый интерес к этому направлению работ проявился вследствие того, что в них входила задача распознавания изображений, и здесь просматривался путь построения искусственного интеллекта. Мир заговорил о конце эры человека и переходе к “машинному мышлению”.

Однако прошли годы, а Дойч, предложивший идею, создать саму систему так и не смог. Слишком сложно оказалось для того времени решить задачи с достижением высоких разрешающей способности ЭЛТ и точности измерений координат, требуемых для потенциального заказчика – физика, фотографировавшего ядерные события в виде разлетающихся треков в пузырьковых и искровых камерах-детекторах.

Математики-программисты (они тогда еще не разделялись) начинали уже нервничать. Их толстенные книги по теории распознавания и искусственному интеллекту требовали практического подтверждения, а технических средств все нет и нет.

И вот наступил 1959 год. В ЦЕРН приезжает американский профессор P.V. Hough и вместе со студентом-дипломником из, кажется, Оксфордского университета B.W. Powell создает в кратчайшие сроки оптико-механическое сканирующее устройство Hough–Powell–Device – сокращенно HPD. Это был разумный "возврат к старой доброй механике", который позволил без проблем решить задачи с разрешающей способностью и точностью измерений. И с 1961 года исследования по созданию искусственного интеллекта перешли в стадию практических разработок.

Это было на Западе. А что в СССР? Как мы знаем, вначале ни компьютеры, ни кибернетика "народной советской властью" не признавались. Это все было "буржуазной лженаукой". Что, как ни парадоксально, сегодня звучит не настолько безумно, как об этом говорилось в течение, например, 1960-х и 1970-х годов. Во всяком случае, в отношении кибернетики доля истины в заявлениях "народной" власти была. В то время как тем, кто возглавлял науку в СССР, после официального признания кибернетики было "все ясно". Вокруг этого вопроса у нас будет самый большой разговор. К сожалению, и сегодня не до конца откровенный.

Так что же – СССР? Уже в 1957 году Объединенный институт ядерных исследований заключает договор с телевизионным "почтовым ящиком" в Москве на создание сканера на основе ЭЛТ типа того, что предложил Мартин Дойч. Фантастика! Практически без отставания от Запада. И никто, кроме автора этой книги, об этом сегодня не знает. Здесь была одна из тех странных случайностей, которые для самих участников событий выглядят почему-то не совсем случайностями. Хотя доказать это невозможно.

Так уж получилось, что автор проходил дипломную практику и затем еще работал больше года именно на том самом "почтовом ящике" в Москве, с которым был заключен указанный договор. А потом, уже в 1965 году получил в свои руки выполненную по этому заданию разработку "сканера". Пишу слово сканер в кавычках, ибо у него (сканера), включающего измерительную установку на основе ЭЛТ с репродукционным объективом и измерительной рамкой для фотоснимка, а также – блоки управления развертками, видеоусилитель и, наконец, компьютер, не оказалось:

- самого главного – ЭЛТ, а также катушек к ней;
- репродукционного объектива (самый большой дефицит);
- рамки для фотоснимка;
- видеоусилителя;
- питания накала ламп блоков разверток (хотя блоки были);
- управляющего компьютера (их в СССР не было вообще);
- программного обеспечения (сначала нужен компьютер).

Зато был представлен доклад на Рочестерской конференции по физике высоких энергий (Дубна, 1964) с результатами исследований достигнутых (высоких) измерительных характеристик (публикация в труды конференции “разумно” не была включена). И была защита кандидатской диссертации. По поводу последнего автору, назначенному ответственным за внедрение этой “разработки”, было сказано “уж извините” и в качестве компенсации были предложены фокусирующая и отклоняющие катушки для ЭЛТ.

Понимая уже тогда, в середине 1960-х годов, что СССР может так и погибнуть, автор решил не сдаваться и спасать Родину. И таки построил первый в стране сканер и запустил его в производственную эксплуатацию (1973). Однако задачу со спасением, как это знаем, такие, как я, решить не смогли. Но так ли уж бессмысленны прожитые нами, начиная с 1960-х годов, наши жизни?

***

Вернемся в 1960-е годы. Созданный в ЦЕРН сканер HPD “накладывал” на фотоснимок телевизионный растр из 2000 строк и передавал всю считываемую при этом информацию о координатах треков (координаты точек пересечения сканирующего светового пятна с линиями ядерных треков) в компьютер на обработку.

Всего лишь годом позже, в 1961 году, в Массачузетском технологическом институте (США) еще один профессор, L. Pless, предложил создание сканера на основе ЭЛТ под названием PEPR. Это была “чудо-идея”, в ней сканирующий световой луч был не простым круглым пятном (как у всех других, в том числе и у автора), а представлял собой вытянутый отрезок – “штрих”. Штрих мог перемещаться и вращаться, что позволяло, по замыслу профессора Pless’а, не только находить координаты трека, но и сразу указывать его направление. А это повышало производительность системы и, как считалось, открывало реальную возможность построения искусственного интеллекта на пути “ассоциативного метода распознавания” – через реализацию быстрого просмотра коротким штрихом (как элементом трека) всего длинного трека.

Здесь мы имеем дело с классическим примером типичного *механистического* мышления, характерного для того времени, когда очень хотелось построить искусственный интеллект. И что поразительно, так это то, что все были с этим тогда согласны.

Говоря так, я, однако, исключил из этого “все” себя. И на этом надо остановиться: с этого начинается то, о чем, собственно, мы и собираемся говорить как о главном. А это – существование двух путей в науке, пути проявления разума и пути поиска красоты. Мужском и женском по своей природе путях. Где первый мыслит (*движение* мысли), а второй – видит (и *управляет*).

Ноябрь 1964 года. Международная Рочестерская конференция по физике высоких энергий в Объединенном институте ядерных исследований (Дубна). В программе доклад L. Pless’a о сканере PEPR. Вход в здание Лаборатории теоретической физики строго по пропускам. Контроль – два охранника из КГБ на площадке перед тяжелой парадной дверью, которые следят за порядком.

У меня пропуска нет, но попасть на доклад очень хочется. Наблюдаю издалека за происходящим. Вижу: если кто-то пытается проскочить “зайцем”, то *оба* охранника набрасываются на него и что-то там выясняют. В это время идущие спокойно и с достоинством проходят без контроля. Я прошел.

Доклад Pless’a был принят блестяще. Заполнившие зал физики рукоплещут. А автору что-то *не нравится*…

Ведь сразу *виден* один маленький, но каверзный вопрос: как штрих можно использовать при распознавании трека в месте его пересечения с другим треком? Но ведь *весь* зал аплодирует…

(Система PEPR была закрыта в 1974 году, так как разработчики программ за десять лет так и не справились с указанным “маленьким” вопросом.)

Там же, на конференции, автор впервые услышал в одном из докладов о возможности расщепления света с помощью полупрозрачных зеркал. И *вдруг ощутил*, что вот сейчас найдет необычное решение с созданием “своего” сканера. Надо было только искать, искать… И *оно* “пришло”, здесь же в зале: расщепить световой луч от ЭЛТ, с помощью которого ведется сканирование фотоснимка, на три параллельных оптических канала и поставить в первом канале измеряемый фотоснимок, во втором – дифракционную оптическую решетку для отсчета координаты X вдоль строки по подсчету числа пройденных реперных линий решетки, а в третий канал – новое! – наклонную диагональную линию, что

позволяло измерять координату строки Y также с помощью дифракционной решетки. Такое решение снимало проблему обеспечения высокой точности измерений координат при нелинейных и нестабильных развертках. Что было, казалось, неодолимой трудностью в создании прецизионного сканера в СССР, отстававшему от Запада в вопросах качества элементов электронной базы.

Идея была представлена на конкурс и победила. А автор задумался: почему он *увидел* ошибку в идеях Pless'а, а после другого доклада вдруг *ощутил предчувствие* успеха? С этих вопросов и началось исследование того, о чем пишется сейчас в этой книге.

1966 год. Создание сканера, которому предстоит стать первым запущенным в производственную эксплуатацию в СССР под названием АЭЛТ-1, идет полным ходом. И тут автор вдруг *увидел*, что предложенная им система решеток в оптическом канале позволяет управлять номером строки и на этой основе в будущем использовать не сплошной телевизионный растр, а – управляемое сканирование, с возможностью распознавать изображения не математической обработкой "намеренных" баз данных, а на основе простого "ощупывания" измеряемых образов (точка за точкой) на самом фотоснимке. И никакой *сложной* математики не надо.

Программисты-профессионалы к идее распознавания через "ощупывание" отнеслись с презрением: как будто у них не хватает интеллекта решать такие задачи чисто математически! Но они не смогли решить ее и за пять лет работы, гордо покачивая своими рогами над стремительной рекой времени. И когда автору пришлось решать эту задачу за них, то восхитительная простота метода "ощупывания" (с поиском кончиков реперных крестов, этих характерных точек данного образа, и др.) сыграла большую роль в том, что программы распознавания "всего что просто" были разработаны легко и быстро. (А остальное не потребуется.)

Все так просто! Но почему-то другие этого не видели. Именно *не видели*. И создавали программы распознавания с соблазнительными в своем великолепии формулами сверток-разверток математических функций, дававших надежды на скорое решение, но из-за "мелочей" все как-то остававшихся только в учебниках…

1968 год. Чтобы можно было правильно настраивать уровень дискриминации выходных сигналов в измерительном канале, автор создает средство диалога – монитор. Измеренные данные выдаются на визуальный экран *без обработки* компьютером. Тем самым тогда был обозначен путь: компьютер в помощь человеку.

Нет, это не было созданием системы человек–компьютер. Она была создана в этом же **1968 году** двумя англичанами, электронщиком и программистом, D. Hodges и J. Loken, построившим в Аргонской национальной лаборатории (США) сканирующую систему на основе электронно-лучевой трубки POLLY.

Это была реакция на неудачи с созданием искусственного интеллекта на основе сканирующей системы HPD и еще одной, созданной на несколько лет позже и тоже оптико-механической, системы Spiral Reader. При этом был ясно сформулирован принцип построения системы человек–компьютер: все, что возможно, надо передать компьютеру, а что невозможно – оставить для человека-помощника. По существу это был путь, ориентированный на стремление к созданию искусственного интеллекта. И это, будем утверждать, является путем, не отвечающим *истинному*. Что ведет, как показывает наш опыт, к неоправданно большим затратам на создание программ распознавания.

Истинный путь – компьютер в помощь человеку. Это он был “обозначен” автором в том же 1968 году. Но это еще нельзя было назвать законченной системой (в отличие от разработки POLLY). Автор построит полноценную систему позже, в 1973 году (систему АЭЛТ–1), заимствовав от POLLY идею человек–компьютер, но уже с иным подходом: компьютер в помощь человеку.

Для нас важно отметить на этом этапе повествования, что в этих двух подходах нашли проявление мужской западный дух (движение мысли) и женский русский дух (видит красоту).

При этом имело место заимствование идей русским духом у западного, а наоборот – нет. Здесь есть загадка: Запад не хочет ничего заимствовать у России, разве что только на войне, как это было в истории с танком Т-34. И тогда приходится говорить о загадке русской души. А само “снисхождение”, как показал опыт Второй мировой войны, к разгадке все равно не приводит.

Однако об этом – дальше, в главе об оружии, а мы обратимся снова к концу 1960-х – началу 1970-х годов, когда еще только складывался альтернативный западному русский подход со сжатием времени при решении задач с созданием сложных информационных систем.

Так что же дает этот “русский подход”? При западном подходе к построению системы человек–компьютер движение мысли разработчика охватывает все, что требуется для создания полностью автоматической системы. После чего разрабатывается *весь* комп-

лекс программного обеспечения с экспериментальной проверкой реальности реализации спланированного. Что и позволяет проводить границу разделения функций человека и компьютера.

Но дело в том, что Природа устроена не так просто, как выглядит этот “такой очевидный” подход. Она имеет своего рода “ловушки” для проявлений мужского начала (чистого движения). И в данном случае, при разработке сложных информационных систем, это относится к тому, что создание большой части программ на пути стремления к построению автоматической системы хотя и возможно, но на практике – неоправданно дорого.

А самое интересное здесь то, что все это можно искать не путем механического перебора, а – увидеть. Для этого достаточно перейти с позиции создания системы “для компьютера” на другую – “для человека”. В этом случае открывается возможность не охватывать в планах работ *все*, а смотреть: что бы надо было сделать для человека? И начинается поиск *в начале*. Когда делается творческий отбор, а человек не только мыслит, но и *сразу* видит.

И вот тут оказывается – всегда оказывается, – что на практике достаточно создать в 10–100 раз меньше (речь идет о разработке программ), чем при западном подходе, чтобы запустить систему в эксплуатацию. Такая система оказывается медленнее, но это для короткоживущих задач все равно оказывается оправданно, а для “долгоиграющих” есть и то же время, и появляется – *настроение*, позволяющее находить *красивую* компенсацию (см. об АЭЛТ–1).

Наиболее ярко, можно сказать – на высшем уровне, западный дух проявился в ЦЕРН при разработке сканирующей системы ERASME (**1972**), созданной для обработки фотоизображений с Большой европейской пузырьковой камеры.

Это была самая мощная из всех созданных и находившихся в производственной эксплуатации сканирующих систем. Построенная на основе применения ЭЛТ, система обладала уникально высокими техническими характеристиками: разрешающей способностью ЭЛТ на уровне 7000 линий, ошибкой измерений координат X,Y – всего 2 мкм на поле с диагональю 160 мм, и др.

За основу была взята система POLLY: человек в помощь компьютеру, что потребовало разработки “выдающегося” программного обеспечения. Но на то ЦЕРН и является крупнейшим в мире научным центром: задача была решена. Созданные в количестве шести штук, системы эксплуатировались до 1986 года. Были обработаны несколько миллионов фотоизображений.

1973 год. Сканирующая система АЭЛТ-1 (Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, СССР). Первый сканер, созданный автором. Его философия отличалась от западной и выражала подход: компьютер в помощь человеку. Что позволило, пересмотрев границу разделения функций между человеком и компьютером в сторону увеличения нагрузки на человека с одновременным созданием простых в исполнении скоростных средств диалога, найти точку *резонанса красоты* и на этой основе сразу в 100 раз снизить затраты (сжать время) при создании программ распознавания изображений.

При создании сканера в него была заложена возможность организации мониторного (зацикленного) режима считывания информации, с подключением интеллекта человека к исследованию на изображениях “заранее неизвестного”.

Технические характеристики были сравнительно невысокими, но достаточными для простых задач. Сканер эксплуатировался до 1978 года, а его аналог применялся в Центральном аэрогидродинамическом институте для расшифровки записей на кинопленках графиков полетной информации (“черные ящики” на самолетах).

1978 год. Сканирующая система АЭЛТ-2/160 (ОИЯИ, Дубна, СССР). Вторая мониторная сканирующая система автора.

Созданный в сотрудничестве со специалистами ЦЕРН, где автор работал в течение шести месяцев зимой 1969–1970 годов, и с использованием в основе той же элементной базы, что и в системе ERASME, сканер обладает лучшими в мире техническими характеристиками. В том числе – *красивое* техническое решение – возможностью сканировать фотоизображения отдельными световыми точками и при этом измерять оптическую плотность – третью координату Z. Последнее позволяет решать задачу распознавания путем “ощупывания” образов в трехмерном пространстве, а также, в сочетании с мониторным режимом сканирования, эффективно искать и видеть “невидимое на видимом” (см. ниже).

Созданные для систем АЭЛТ–1 и АЭЛТ– 2/160 около двадцати программных комплексов с применение подхода “компьютер в помощь человеку” позволили исследовать проблему “сжатия времени” на основе введения в научные работы поиска *резонанса красоты* решений. И разработать метод, получивший название после его применения с 1995 года в ЦЕРН для создания информационных систем – B-Synergetic Time Compression. Отметим, что в нем имеет место сочетание западного и русского подходов.

Из других разработок выделим еще сканирующую систему МЭЛАС, запущенную в производственную эксплуатацию в **1983** году (Институт физики высоких энергий – ИФВЭ, Протвино, СССР). Это была сканирующая система на ЭЛТ с оригинальным наложением на изображение ядерного трека моделирующей световой линии от ЭЛТ (вместо обычного поперечного сканирования). Другой тоже по-настоящему интересной разработкой стало применение в составе системы электронного устройства визуализации всех процессов, происходящих при измерении и распознавании. Как видим, здесь человек тоже – главный.

***

В заключение отметим: из 200 разработок, выполнявшихся в различных центрах мира на рубеже 1970-х годов, оригинальными и доведенными до эксплуатации в задачах обработки фотоизображений оказались не более 10 систем. Из них 3 были созданы русскими специалистами. А в таких странах как Германия, Франция, Италия и Япония – я называю самые главные в области науки – не удалось создать ничего.

Второе не менее важное замечание, которое также позволит нам исследовать поднятую в этой книге тему о *русском духе*, заключается в том, что:

во-первых, первыми в данном крупном научном направлении исследований и разработок – а на них было затрачено около полумиллиарда долларов в период 1960–1980-х годов – были представители Запада (носители энергии, “мужского” начала в Природе);

во-вторых, созданное с запозданием на основе поиска *красоты* (как проявление русским духом “женского” начала) оказалось не только иным, но – и это важнее всего – опережающим во времени созданное до этого на Западе.

***

Остается только надеяться, что изложенное здесь – интересно. Как интересно на уровне чуть ли не смешного, что если бы моя мать стала спускаться по лестнице нашего дома в Красноярске всего на минуту позже, то ничего этого мне рассказать бы уже не удалось. Но теперь мы знаем, почему это происходит: *красота* переставляет события во времени.

Надо только, чтобы ты *лично* попал в число “избранных”. Как когда-то в этот разряд попал целый народ. И ведь живет, каналья!

И потерять это качество, свойственное России, видимо, нельзя.

* Привожу ниже последнее письмо моего отца, умершего в июле 1954 года, всего за две недели до его реабилитации (попал в первую волну). Орфографию не меняю.

Последнее письмо отца, адресованное сестре Елене Михайловне (Лёле):

Здравствуйте, Лёля, Борис и Людмила.

Я нехотел беспокоить Вас, но жизнь все складывается так, как как расбы нехотелось.

Вообщим коротко о нашей жизни.

Ты знаешь, что в 1952г я снова попал в лагерь, был срок 3 года, когда был в тюрьме и в Лагере, Лидия (*вторая жена отца*) все время следовала за мной и все время меня поддерживала и материально и морально, в 1953г по амнисти я освободился в г. Красноярске.

Был в нашем доме, кой кто еще там живет, но город после 15 лет я не узнал, все перестроилось, был у товарищей, но к виликому сожалению, многии погибли на фронте, был у отца Бориса и даже я который привык, вернея приучала в течений 15 лет, к беспожадному унижению собственного достоинства и то вздрогнул, как это могло случится что он воспитал (отец Бориса) стольких детей и сечас находится в очень тяжелом состоянии. Это Ольга, у меня нет слов охорактиризовать эту сволочь, вообщим старик работает, я был в депо, мой бывший товарищ Слава работает, теперь инженер-мастер тяги н-к депо, сказал мне что просто держу, не погибать-же человеку, который проработал 55 лет на ж. дороги, он добивается пенсии, но ему ее недают почему-то, оглох и почти что ничего не слышит. Мы с ним попили чаю, Ольга постаралась сразу-же уйти и я больше туда не заходил, мне просто было очень жаль смотреть на эту обстановку, а каким я его помню орлом.

Квартиру там мы ненашли, в общежитии Лидия не захотела жить, да и материально мы были сней очень слабы, поэтому уехали в Енисейский р-н пос. Маклаково, до Августа я поработал, Лидия старалась подлечить меня, ты видь знаешь что у меня язва желудка, а потом пошел работать, стал получать оклад 690 руб.

В Январе 1954г “уважаемая” Евдокия Федоровна (*моя мать*) поднила чуть-ли Всесоюзный розыск, я читал ее заявление, что я неплачу ей алименты с Февраля 1952г и мне сейчас прижужели 50% Это просто получается; мой оклад 690р в м-ц значит ей 345р а с моих 345 удержат налоги из расчета 690р и я получу ~ 240р на руки.

Но все это было бы пустяк, если бы Лидия сечас не училась, жалко ее срывать с учебы, сели бы и уехали Союз велик и концы в воду, но мне и ей любой ценой нужно продержаться один год и это связывает.

Если ты сней разговариваешь, то скажи ей что тот кто приносит несчастья другим, всегда будет окружен им и погибнет от него.

Особенно попрошу тебя Лёля устрой мне переписку с Володей, чтобы незнала его “уважаемая” мать, мне кажется что он какой-бы небыл но все-же сын и за счет моей жизни откажется от таких действий матери.
В Красноярске я узнал что Петя погиб
(*Петр Михайлович – брат отца, мой дядя, воевал в пехоте, получил тяжелое пулевое ранение на фронте и умер.*)
Попрошу тебя срочно ответить
Мой адрес. Красноярский Край Енисейский р-н
Пос. Маклаково, ул. Первомайская №1 кв 1.
Передай привет Юрию и Володи
С приветом (подпись – Николай) и Лидия (*конец письма*).

***

Мое родословное дерево не знаменито, но все же и в нем есть нечто занимательное. Мать была из семьи помещика на южном Урале, куда судьба занесла в XVIII веке ее (и моих) предков – бежавших из Польши во время восстания Костюшко шляхтичей Кавыль-Кашковских.
По линии отца мое происхождение связано со Смоленскими землями и Псковом, так что, скорее всего, мне надо считать себя не русским, а славянином. Дед Михаил Фомич участвовал в русско-японской войне 1904–1905 годов и получил два солдатских георгиевских креста. Один – за отличие в сражении под Ляояном, где русские войска под руководством генерала Мартынова (стал красным командиром, расстрелян органами НКВД в 1937 году) одержали крупную и единственную победу.
А история с получением второго креста относится к последнему этапу войны, в котором дед оказался в числе защитников Порт-Артура. Он с семью товарищами три дня оборонял какой-то рубеж на подступах. Патронов не хватало, ждали помощи. Но она так и не пришла. Расстреляв весь запас, бежали безоружные через болота, сняв с себя всю одежду.
Из солдат был повышен до унтер-офицера. Попал в японский плен. Потом в числе героев был отправлен на пароходе в Одессу и там от имени царя получил 5000 рублей золотом. Поделил деньги с братом, который на свою долю завел постоялый двор в Новосибирске.
Дед погиб в 1946 году в возрасте 82 лет в схватке с бандитами, грабившими склад, где он был сторожем. Дело было в подмосковной Коломне.
Во время революционных событий 1905 года дед оказался замечен в связях с большевиками и за это сослан в Сибирь. Там, в Новосибирске, в 1913 году родился мой отец. Жили на улице Красной, на месте нашего дома построен театр. Попадая по делам в Новосибирск, я заходил в ресторан в старинном красном же доме напротив театра и заказывал сто грамм водки. Но сам город мне не нравится. И Академгородок тоже.
Так, волею судеб я и оказался сибиряком, родившись в Красноярске. Откуда мать увезла меня в возрасте шести лет обратно на запад. Когда наш поезд летом 1944 года шел мимо белорусских болот с желтыми водяными цветами, я ощутил, что мне все это давно знакомо. И нравится.

Профессор Михаил Григорьевич Мещеряков

МГ (февраль 1980)

С именем Михаила Григорьевича Мещерякова (1910–1994), заменившим автору в некотором роде отца, связаны главные его (автора) работы в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна). В 1939 году, будучи аспирантом у Игоря Васильевича Курчатова, будущего создателя советской атомной бомбы (была взорвана в августе 1949 года), М.Г. предложил один научный эксперимент. Поддержки не получил, но согласие на его собственное проведение ему дали. Результаты этих исследований были опубликованы в журнале Доклады Академии наук СССР.

В 1946 году однажды утром Курчатов встречает его словами: “Мишель, я тебя поздравляю”. Оказывается, американцы провели аналогичные исследования и при опубликовании результатов сослались на Мещерякова как на пионера в этой области науки.

Курчатов за этот успех назначает М.Г. своим заместителем по науке и делает его директором строительства первого советского ускорителя – синхроциклотрона в Дубне. Ускоритель был построен и сдан в эксплуатацию в декабре 1949 года. После чего он в течение ряда лет был самым мощным в мире.

Автор работал на синхроциклотроне инженером по электронике в одной из научных физических групп в 1962–1964 годах, пока не выиграл конкурс на создание сканера, будущего АЭЛТ-1.

В 1966–1988 годах М.Г. Мещеряков был директором Лаборатории вычислительной техники и автоматизации в составе ОИЯИ и все эти годы покровительствовал работам автора. В последние пять лет жизни он вместе с автором руководил научной темой по созданию сканирующих систем. Однажды, в 1989 году, обсуждая проблему связи между красотой и временем, он сказал, что меня, скорее всего, не поймут *никогда* и что есть только один выход – пока не поздно, создать научный центр и стать в нем директором.

В день смерти М.Г., 24 мая 1994 года, я был в Женеве. В тот день мне стало так плохо, что я не мог даже подняться в автобус. О его смерти мне не говорили три дня, пока я не “поправился”.

А потом, в течение всего двух месяцев, мной в каком-то *необычном* состоянии, когда было даже немного страшно, были написаны четыре эссе, составившие большую часть моей первой книги – “Москва – старинный город”. Одно из них – “Русское боевое оружие во Второй мировой войне” – приведено ниже.

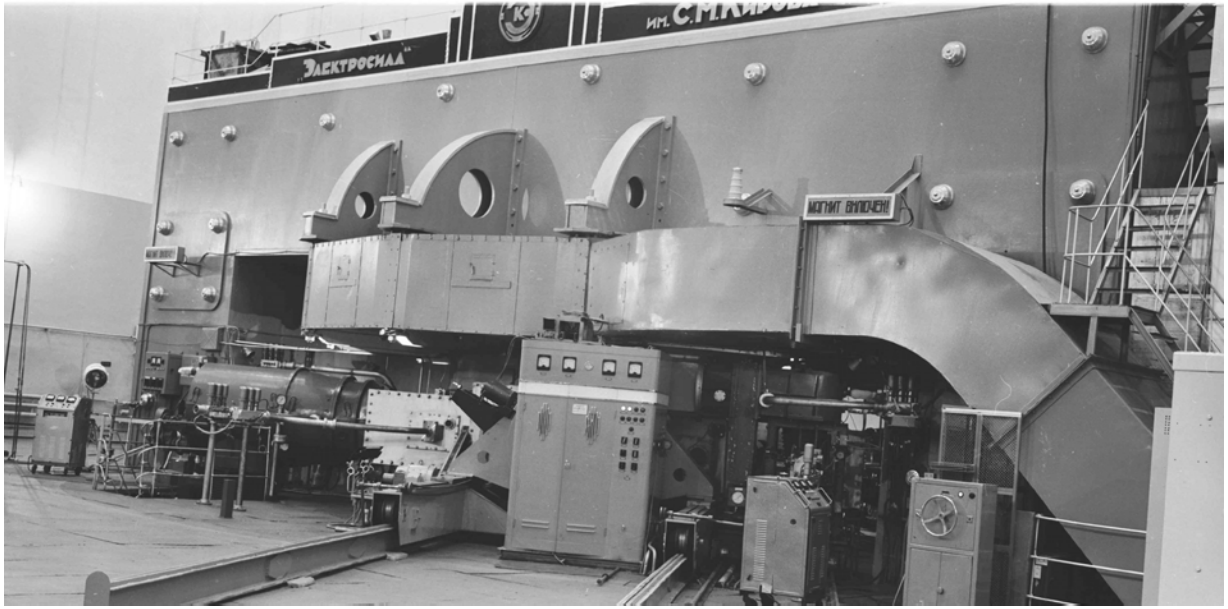
Под влиянием указанного выше разговора с М.Г. автор и стал в 2000 году директором научного центра. Для этого оказалось достаточно тридцать лет назад оцифровать красоту.

Здание синхроциклотрона в Дубне, построенного под научным руководством М.Г. Мещерякова в 1947–1949 годах (фото 1959 года)

В здании три зала. В первом зале, главном, расположен сам ускоритель, во втором – облучаемые пучками разогнанных частиц детекторы, в третьем – регистрирующая электронная аппаратура и дежурный персонал.

Находиться в первых двух залах во время работы ускорителя нельзя: получишь облучение (в первом зале – однозначно смертельное). Во втором зале, если знать, где проходят пучки, и не передвигаться, можно остаться живым при условии недолгого пребывания в нем (что мы и делали, чтобы экономить время при настройке детекторов).

Из-за опасности облучения в ночное время в здании дежурил только один человек (в третьем зале). Ночью, один, в огромном гудящем здании, где совсем рядом гуляет смерть и где в бетонной стене, согласно легенде, замурован заживо один из жестоких надсмотрщиков над узниками ГУЛАГа, строившими это здание, – это было немного жутко…

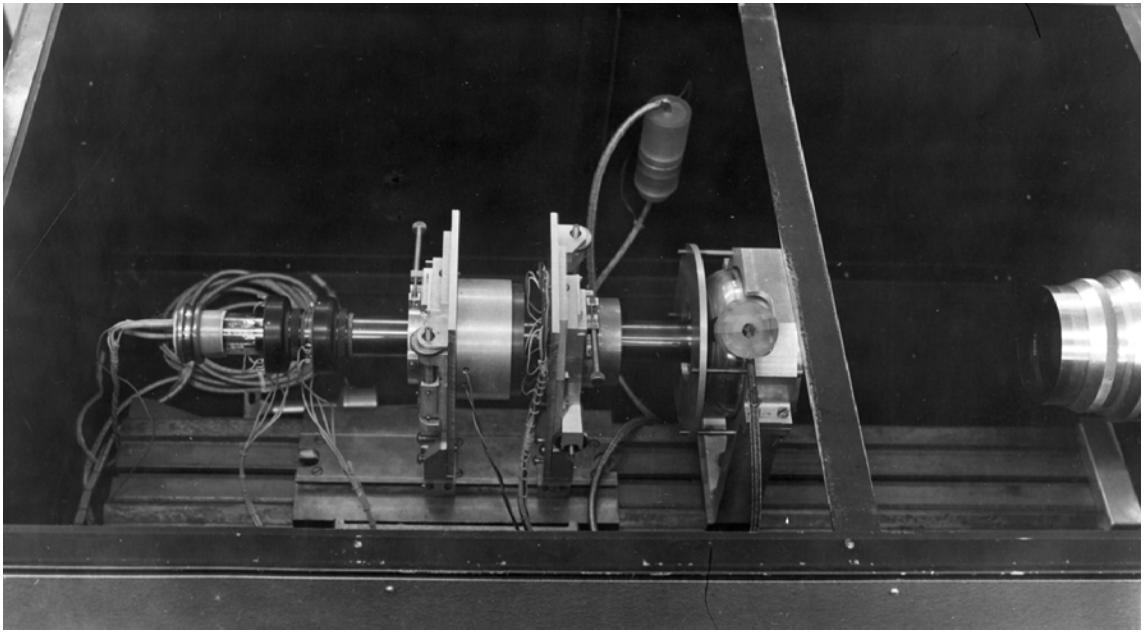


Зал ускорителя (синхроциклотрона)

Свой первый сканер АЭЛТ-1 автор построил для обработки фотоснимков с широкозазорной искровой камеры (название физической установки), установленной в соседнем с ускорителем зале.

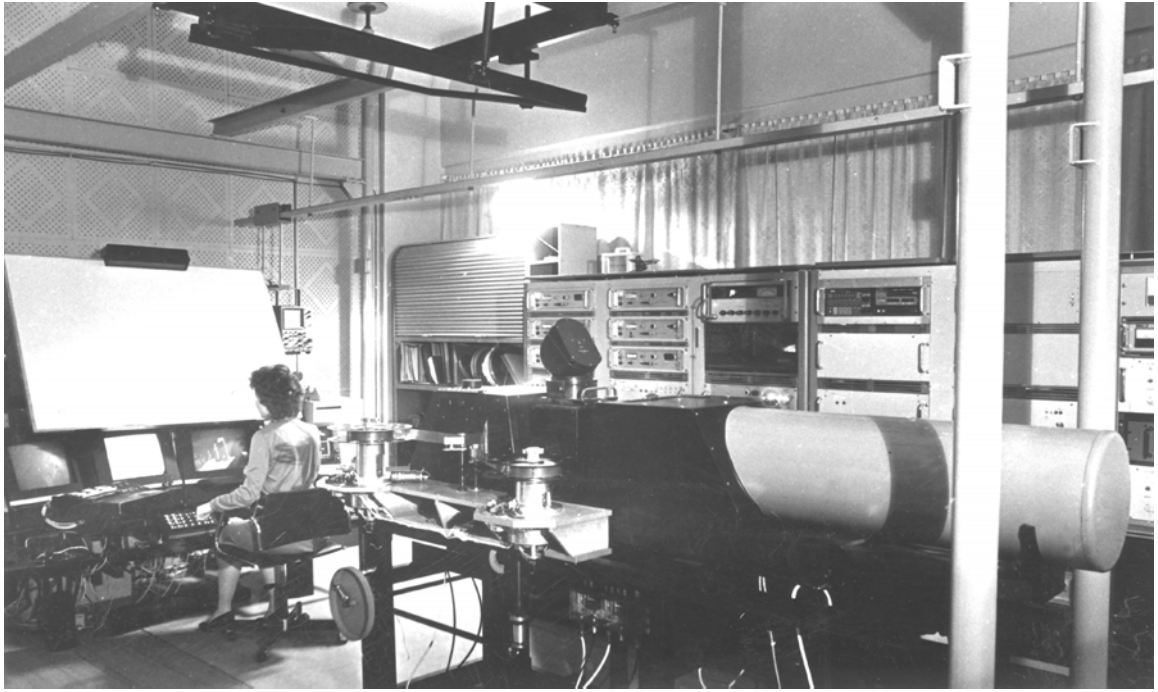
Сканер АЭЛТ–1 в 1968 году

Осциллограф с тубусом (справа) – это монитор. По нему человек может видеть процессы, происходящие при измерениях. Других средств диалога еще нет – они появятся в 1973 году, при запуске системы в эксплуатацию.



Фрагмент измерительного канала сканера АЭЛТ-1 с прецизионной электронно-лучевой трубкой и репродукционным объективом

Чтобы получить ЭЛТ, применявшуюся в задачах оборонного характера по космическому направлению, автор дошел до 2-го секретаря Центрального комитета комсомола. А объектив удалось достать только потому, что в это время к 50-летию Советской власти в Москве строили Останкинскую телебашню и ряд оборонных заказов был сокращен.



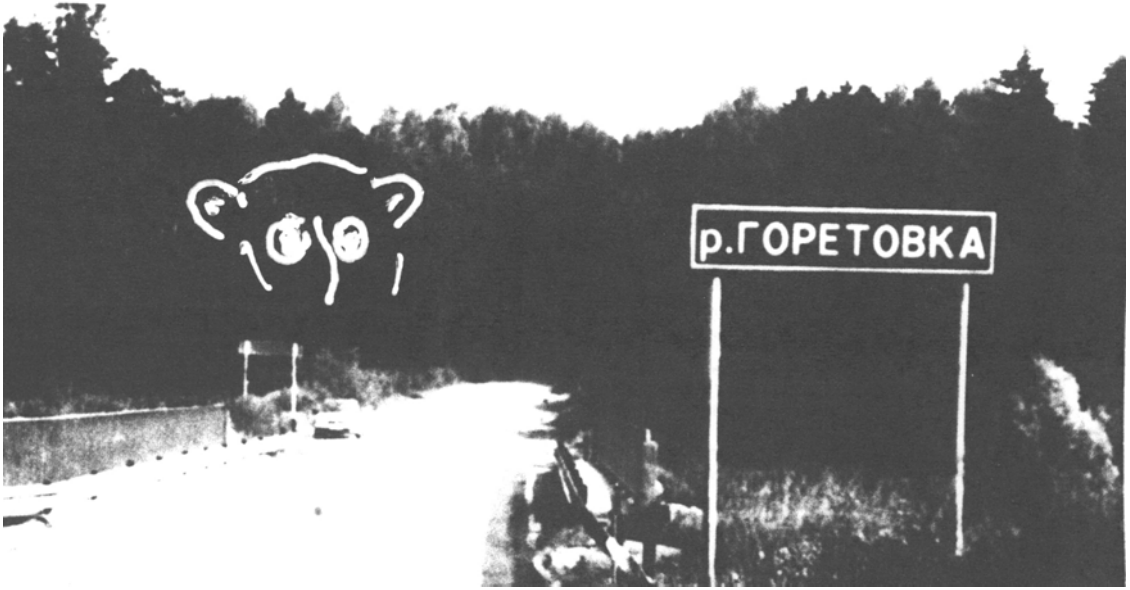
Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160

Пульт системы АЭЛТ-2/160

Оптический экран (вывод увеличенного изображения стоящего в измерительной рамке снимка); под ним слева направо: монитор системы, дисплей-монитор-телевизор, монитор компьютера, символьный дисплей; под левой рукой оператора – скоростная многофункциональная клавиатура, в правой руке – скоростной световой карандаш.

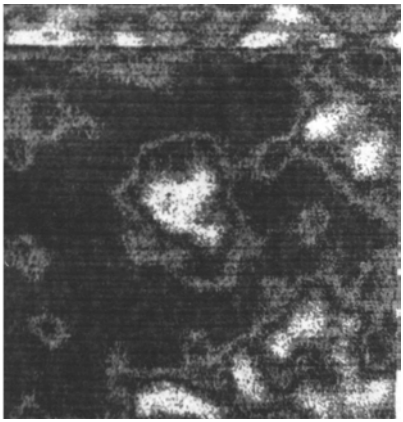
2000 год. В Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина (Звездный Городок) автору было сказано, что около человека существует некий иной (параллельный) мир, который он не видит. Но который можно было бы увидеть, имея в руках мониторный сканер. Для этого надо сделать снимок какого-либо “странного” места и исследовать его в поисках “невидимого на видимом”.

Автор знал такое “странное место”, где происходили необычные события (описаны в книгах “Москва – старинный город” и “Нелинейность времени”), сделал там снимок и обнаружил на нем в зелени деревьев образ “лесного чудища”. Ниже приведены результаты исследований этого снимка на сканере АЭЛТ–2/160.



Контур “лесного чудища” в зелени деревьев

Увеличенный снимок “лесного чудища”

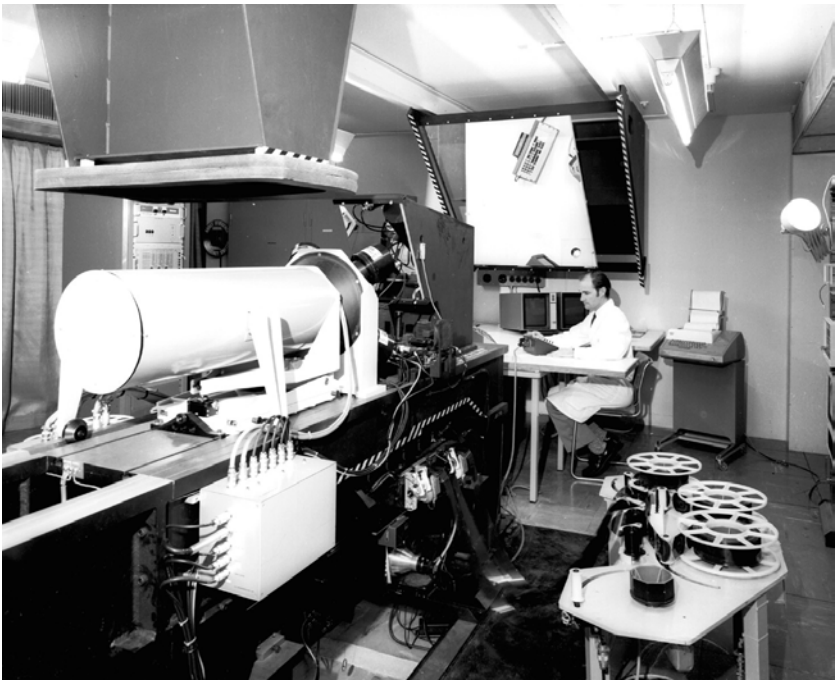


Результаты сканирования на АЭЛТ–2/160 круглого глаза “лесного чудища”, при ручном управлении уровнем дискриминации сигналов на выходе измерительного канала и под контролем (по изображению на мониторе компьютера) со стороны человека-оператора (аналитика). Можно видеть, что глаз имеет объемную структуру (объемное ядро).

Не означает ли это, что мы реально увидели существование параллельного с нами мира? Который *смотрит* на нас?

Так это или нет – ответить, по меньшей мере, непросто.

Для нас результаты этих измерений важны с другой стороны: они демонстрируют возможности мониторного сканера, построенного на основе подхода *компьютер в помощь человеку*, искать “невидимое на видимом”. И открывать (человек) неизвестное.



Сканер ERASME, созданный в ЦЕРН (Женева) для обработки фотоизображений с Большой европейской пузырьковой камеры

Пульт оператора сканирующей системы ERASME (ЦЕРН)

В составе пульта: оптический экран (при проецировании снимок выдвигается из измерительного канала, а потом возвращается обратно, что делает проблематичным повторные обращения к нему), запоминающие дисплеи, трек-бол (шар-целеуказатель координат) и функциональная клавиатура. Этот набор средств диалога мог бы быть назван как “кибернетический”, то есть такой, когда делается ставка на создание мощного программного обеспечения для автоматического распознавания образов. С точки зрения автора, такой подход нельзя назвать “красивым”. Что не значит, что он не имел успеха. В первой половине 1970-х годов были построены 6 систем ERASME, которые эксплуатировались до 1986 года. Сравнивая сканеры АЭЛТ-2/160 и ERASME под углом затрат на их создание и применение, можно отметить следующее: техника АЭЛТ несколько дороже, чем ERASME, – это видно из сравнения их пультов, – однако программное обеспечение (а его стоимость, да еще при условии применения сканеров для разных задач, может быть на порядок выше), наоборот, для АЭЛТ может создаваться при затратах в 10–100 раз ниже.

Автор, как создатель первого в СССР сканера на основе электронно-лучевой трубки (сканер АЭЛТ-1), был приглашен в 1969 году в ЦЕРН и принял участие в разработке блока динамической коррекции фокусировки и астигматизма электронного пучка прецизионной электронно-лучевой трубки системы ERASME, применение которого (блока) позволило достичь “невероятной” разрешающей способности – 7000 линий.
За успехи в этих работах автору было предоставлено право работать на запрещенной для поставок в СССР западной элементной базе. С условием не передавать “секреты” созданного при этом прецизионного сканера – этот сканер получил название АЭЛТ-2/160 – советским военным. Последнее, в отличие от договора на поставку элементной базы, было оговорено в устной форме – как имеющей *наибольшую силу*… И это было далеко не самым драматическим из сопровождавшего эти работы. А у меня возникла мысль – набросать еще и другие воспоминания.
Первое. В 1960-х годах шла борьба двух направлений в вопросе создания сканирующих систем: механического и электронного. Механические сканеры создать много проще, но они из-за инерционности движущихся узлов могли работать только в режиме “слепого” считывания информации, что значительно повышало сложность разработки программ распознавания. А электронные (на основе ЭЛТ) было трудно создать.
Последняя точка в этом соперничестве была поставлена, когда достигли разрешающей способности ЭЛТ в 7000 линий. В ЦЕРН эта победа в 1970 году привела к тому, что проигравшая сторона (около 70 человек) при переводе на “электронное направление” выдвинула одно условие: убрать шефа победителей. И условие было принято. Но шеф проигравшей стороны от перехода отказался и вскоре тронулся умом.
Второе. В 1974 году на конференции в Оксфорде (Англия) доклады о механических сканерах уже не принимались. А в СССР только наступала эра расцвета этих работ. И когда на них были истрачены все средства, которые могли выделить Госкомитет по атомной энергии и наука “содружества социалистических стран”, а результат так и остался там, где он за полтора десятка лет до этого застрял в “странах капитала”, М.Г.Мещеряков, отвечавший тогда за автоматизацию в Отделении ядерной физики АН СССР, так объяснил мне, как такое смогло произойти.
“1978 год. Мы летим в самолете на конференцию в Алма-Ату. Что делаете вы, Владимир Николаевич? Думаете. И не видите ничего вокруг. А что делает ваш оппонент (*М.Г. называет нашего инициатора создания механических сканеров в СССР*)? Подходит ко мне и говорит: “Михаил Григорьевич, угадайте, что у меня вот здесь, на моей жопе?” И хлопает по заду брюк. Я, – рассказывает дальше М.Г., – сначала просто онемел от наглости сказанных слов. А тот: “Здесь, в кармане на моей жопе, приготовлена для вас бутылочка прекрасного армянского коньяка”.
Если это все – “хитрость мирового разума”, то Россию и в самом деле ждут великие времена: время можно сжимать не в 10–100, а в 1000 раз...

Подводя итоги сказанному выше, отметим в этих работах то *главное*, что породило со временем метод B-Synergetic Time Compression, а вместе с тем и эту книгу. Это была мысль о том, что человек не может рассматриваться как “помощник” для компьютера (путь кибернетики). Все наоборот: компьютер для человека.

Это не было найдено как результат работы “чистого разума”, но именно – *увидено*. И, конечно, не глазами, а через ощущение (то есть как бы внутри себя) некоей *чистоты* этой мысли, когда она пришла неизвестно откуда. И в нее надо было поверить.

А это, возможно, было самое трудное. Ибо “все лучшие” тогда были захвачены идеей создания искусственного интеллекта.

В это время в США, в Лоуренсовской лаборатории под руководством нобелевского лауреата по физике Л. Альвареца создали и запустили в эксплуатацию сканирующую систему Spiral Reader, которая “вот-вот” должна была решить эту задачу. В Массачузетском технологическом институте профессор Л. Плесс, создатель сканирующего устройства PEPR, как все считали, не только догонит “спиральщиков”, но и перегонит их. А в Англии, в Оксфордском университете система Oxford PEPR, запущенная, правда, для простых событий, уже творила чудеса. В Кембридже тоже строилась “обнадеживающая” сканирующая система – Sweepnik, и в ее основе были – применение модного лазера и идеи Плесса.

1968 год. Рождение системы “человек-машина” (POLLY), подход: человек – помощник компьютера. Это принимается в ЦЕРН.

Тогда же, около 1970 года, академик В.М. Глушков создает в Киеве Институт кибернетики, в Московском государственном университете академик А.Н. Тихонов открывает факультет Вычислительной математики и кибернетики, Московский инженерно-физический институт также открывает двери факультета “К”…

А ты – кто? Что ты, уж не Фома ли, из себя представляешь?

Наверное можно сказать: *верующий*? Но не “оцерковленный”, а – *свободный*. А тогда как к этому приходят?

Непростой вопрос. Помню войну, зиму 1941-го года. Голод. Соседка по коммунальной квартире, заведующая детским садом, приносит миску застывшего топленого масла. Миска стоит в прихожей, никого нет, можно потрогать масло пальцем и потом облизать его. Но я не делаю этого. *Что-то* останавливает. Это было время, когда на фронте каждый день погибали несколько тысяч солдат-мальчишек. Без слез, без жалоб. Я этого не знал.

Один против бездны

Как рассказать миру о русском человеке? Почему, стремясь к свободе, он покинул в XII веке богатые киевские земли, а в XVIII веке, получив немного свободы из рук царей, дошел до Тихого океана? И в XX веке поднялся в космос?

Но уже не один, а рука об руку со своим извечным врагом – немцем. Про которого на Руси говорят: “То, что хорошо для русского, то для немца – смерть”. И наоборот.

Какая страшная тайна космической бездны существует над нами? И грозит нам сегодня горьким смехом над нашим великим прошлым?

В чем мы *виноваты*? А может, от нас *ждут* чего-то?

Современная классическая наука все задачи решить не может. Уже хотя бы из-за того, что, похоже, никогда не сможет ответить на вопрос о том, что же это такое – *бесконечность*?

И потому для ответов на сложные вопросы существует поэзия. Которая должна стать частью *новой* науки.

В этом – суть подхода с B-Synergetic Time Compression. Его основа – одиночество. Истинный аристократизм. Путь *свободы*.

Это то, о чем говорил историк Ключевский в споре о русской жизни с Достоевским, который отметил в русском человеке только соборность. Хотя в его записной книжке было: “Подпольный человек – главный человек в русской жизни”.

В России, устремленной к свободе и красоте, все перевернуто, как в изображениях русских икон (где книги в руках святых сходятся “наоборот”): здесь вся истинная аристократия – внизу.

Но где еще, как не внизу, с ее возможностью независимости, и может существовать неограниченная свобода? Достигнутая нередко неимоверной ценой, подчас даже перевернутая.

“Призванье мое – измена, имя мое – Марина, я пена морская прибоя…” (Марина Цветаева).

Если, читая эти строки, Вы плачете, значит Вы – русский аристократ. И можете идти в бой – один против темной бездны.

Поэзия – вся неправда. И нет большей правды, чем в поэзии.

*Из дневника за 1972 год: **

Я, как в старые времена, построю опутанный тонкими вантами корабль, и однажды, выйдя из гавани, он отдаст ей прощальный салют. Закричат испуганно птицы, и эхо ударит о скалы, а он – развернется на рейде и уйдет в открытое море. В поисках *нового* счастья.

Он будет такой белый-белый. И очень смелый. Но осторожный: он будет умный. И – всегда – готовый к новому бою. За светлое завтра, к которому путь – по звездам.

И пусть мой прокладывающий дорогу под грохот пушек корабль плывет и не знает границ. Бушует море Сомнений, кричат какие-то птицы, а он плывет себе по волнам, положившись на небо и ветер, в туманный океан Неизвестности.

Под ним глубина, над ним бесконечная бездна. И – звезды. Какие звезды! Эй вы, птицы, перевернитесь когда-нибудь и взгляните, вы поймете, что мы живем *только раз*. И это так недолго… Так в чем же – счастье?

Но вызов брошен. И пути назад больше – нет. Так поставить все паруса!

*Из дневника за 1978 год: ***

И так каждый раз, когда я оставался один, мой корабль выходил в открытое море. Когда никто уже над тобой не кружится. Только небо и море – плыви, куда хочешь. Хочешь – налево, хочешь – направо, а хочешь – по звездам – прямо.

Не склоняться и выдержать все. Чего нет – не жалеть. И служить *неземному*. Чтобы – сабля в руке!..

А там, в этой сверкающей дали, где разбиваются корабли смелых, я знаю: там на небе сияют звезды. И рука, доставшая саблю в последний раз, – не дрожит…

---

* Написано за год до первого применения метода Time Compression при создании программ распознавания изображений для сканера АЭЛТ-1. Любопытна реакция научной общественности после создания АЭЛТ-1: запрет автору иметь программистов в руководимом им тогда секторе.

** Год создания мониторной сканирующей системы АЭЛТ-2/160. Чтобы достать деньги для программистов, автор построил по договору с Центральным аэрогидродинамическим институтом сканирующую систему АЭЛТ-1/ЦАГИ (для обработки графиков полетной информации).

РУССКОЕ БОЕВОЕ ОРУЖИЕ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(Глава из книги, статья в журнале)*

“Не мир пришел Я принести, но меч” – “Святость терпения” – “Белокурые бестии, с наслаждением блуждающие в поисках добычи и победы” – “Сильные духом молодые звери” – “Радость борьбы на заре весны человечества” – между этими поэтическими выражениями пролегло без малого 2000 лет. А за это время можно увидеть многое. Или понять, что “всякая истина крива” (Ницше).

Эти слова выражают *дух* протестантской философии.

***

Протестантская философия – это ориентация человека *под контролем законов* на прямую связь с Богом-совестью и на “радость борьбы” (движение).

Это – мужская сила в Природе (энергия, проявляющаяся через движение). И когда Адольф Гитлер, стремившийся узурпировать законы, в своей книге “Майн кампф” (“Моя борьба”), написанной в тюрьме в 1923–1924 годах, предложил на уровне государственной политики поддерживать молодые таланты (независимо от их происхождения), то это, с учетом направленности протестантской философии, означало гигантский технический и экономический рывок вперед. Позволявший Германии – правда, уже не в первый раз – поставить вопрос о ее мировом господстве.

---

* Глава в книге “Москва – старинный город”. ОИЯИ, Дубна, 1997; статья в журнале “Философские исследования”, № 4 (29), 2000.

На этом пути Гитлер предлагал уничтожить евреев и завоевать Россию. Потом, уже во время войны, у него возникали еще и другие идеи, “поменьше”, как, например, стереть с лица Земли Москву и Петербург.

Остановить эту “силу” могла только “красота”.

***

Сталин прочитал книгу Гитлера в русском переводе, изданную – как это можно понять по ссылкам – для него в единичном экземпляре, в 1934 году (через год после прихода Гитлера к власти). И обнаружил в ней нечто, имеющее исключительное значение: идею поддержки *народных талантов*. И эту линию в его (Сталина) поведении, входящую в противоречие с ленинской идеей “партия – совесть”, которая в ее “неискаженном” применении если что и позволяет, так это организовать террор против народа силами самого народа – используя его по-молодецки самоуверенную (опричную в XVI веке) и одновременно глуповатую (никонианскую) часть, – можно проследить с середины 1930-х годов.

Злоба и гений – возможно ли это? А почему бы и нет?

Народ, да еще воспитанный не на философии “святости терпения” (Лютер, Германия, XVI век) и прилежания в труде, а на восприятии “красоты”, требовалось заставить энергично работать. Талант – этот редчайший дар – надо было поддержать, но здесь – именно потому, что этот дар встречается редко, – можно было проявить *персональную* поддержку, для тех, кто сумел “показать себя”.

А для Провидения, как можно предположить, интересен прежде всего конечный результат...

Отсюда Советский Союз 1930-х годов – это концентрационные лагеря и персональная поддержка талантов. Причем, приди к власти Троцкий с его теорией перевода всей страны на казарменный принудительный труд, русский народ получил бы в “подарок”, по-видимому, только лагеря.

И куда бы тогда дошел Гитлер, не имей мы во время войны танка Т-34, противотанковой дивизионной 76-мм пушки, истребителя Як и штурмовика Ил-2, ставших тем основным тяжелым вооружением, с которым русская армия (тогда она называлась советской) пришла в Берлин, – никому не известно.

Ставшие проявлением “злобы и гения” Сталина, эти два фактора нашей жизни – “сталинские” концлагеря и остающаяся до сих пор в тени разница между линией Сталина и несостоявшейся

линией Троцкого – и оказались, быть может, той единственной реальностью, которая и привела Россию к победе над гитлеровской Германией.

***

О концентрационных лагерях лучше Солженицына не расскажет уже никто. Мне хотелось бы только высказать одну мысль. Солженицын – это огромный талант. И этот талант, которому нет жизни без света и свободы, сам попадает в лагерь. А потому и описывает его именно с позиции самого несчастного из людей – заточенного в рабство таланта.

Но я знаю другого человека, который просидел в лагере восемь лет и строил все эти годы печи в зэковских бараках. Он клал мне печку в моем подмосковном доме, и я специально попросил его сделать “как в лагере”. И однажды задал ему вопрос: как там было? Ответ поразил: это были лучшие годы его жизни.

“Там был порядок”, – сказал он.

В этих двух людях – вся Россия. И мы, возможно, имеем право сказать: Провидение, остановившее однажды свой выбор на Сталине, не ошибается.

А России предстоит испытать еще очень многое.

***

Кто такой Солженицын – понятно. Это совесть. И больная душа. Он весь, как на ладошке. Гораздо сложнее понять печника.

Это и есть, в том числе и для меня, “загадочная русская душа”. Если он кладет печку, то кладет ее плохо. Если делает дорогу, то – не лучше. Он пьет водку и часто на чем-нибудь играет – ему нужна музыка, его душа страдает. А когда он выпьет, то ему обязательно надо поговорить. (Анекдот. Выпили на троих. Один собирается тут же уйти. Ему: “Ты куда? А попиздеть?!”)

Он говорит убежденно и много, но в основном это критика на “плохой” – человеческий – окружающий мир и обязательно критика “наверх”. Однако ничего, чтобы изменить и улучшить существующее, он не предлагает. Он считает, что это должны делать “они”, наверху. А они не делают.

Но у “них” при этом “есть все”. А потому они в его понимании все – воры. Но он считает себя нисколько не хуже их. А так как “достать” их он не может, то не так уж и редко сам становится вором. Но не обыкновенным, а вором-философом. Здесь смелость переплетается с умом, отверженностью и отторгнутой или просто неразделенной любовью. И страдания рождают блатную поэзию.

Но сами страдания здесь – чисты. И поэзия такая же высокая и прекрасная (“Глазенки карие и желтые ботиночки зажгли в душе моей пылающий костер...”). И это, конечно же, *не случайность*…

Ну а если “что-то такое” заведется в кармане у соседа, то он будет желать ему это потерять: чтобы все было по справедливости. Как в анекдоте: “Выбирай – чего хочешь? – Пусть у соседа сдохнет корова”. Или, что еще хуже, придет вместе с такими же и потребует: “Поделись!..”

И совсем уже плохо, если ему внушить, что “это нужно для партии и народа”. Тогда, получив приказ, он придет, с остекленевшими глазами и револьвером в руке, перепоясанный скрепящими ремнями, к своему чего-то сболтнувшему другу и скажет твердым революционным голосом: “Вы арестованы!”

Но он не виноват – таким его сделало окружение. Он или князь, или раб. Он никонианец. А его природа – это женщина.

И потому он умеет любить. Это его главная сила. Он *чувствует* своим сердцем то, о чем умный еще и не догадывается. Он наблюдателен и достаточно хитер. И делает то, что нужно для *его* жизни, – разведет огород, украдет со стройки, построит сарайчик. Все вокруг его уважают. Его зовут “дядя Ваня” или “Володька”. И ему хорошо.

Он готов все это защищать. Сломить в борьбе его невозможно – он не пессимист. Но для того, чтобы он мог еще и выигрывать сраженья, над ним должен стоять *умный* унтер-офицер. Каким и был (чуть повыше “унтера”) на войне Александр Солженицын.

А когда в России появлялся умный царь, то зарубежный мир замирал на время от страха.

Именно в этом загадочном феминистском океане российской жизни, в никонианской среде больших и маленьких хищников, предпочитающих столичные или губернские города, и встречаются самые красивые русские женщины. Пройдите в Москве по Тверской и – посмотрите.

Но осторожно, мой читатель! Они и сами ищут умных и хороших. И если Вы еще молоды и неопытны, то в Вашей жизни, состоящей из надежд и идеалов, скоро, очень скоро может появиться небольшой “порядок”. И, возможно, – счастье. Под охраной.

А может, через любовь и страдания Вы станете – гением.

Но здесь уже вмешивается еще одно слово: *свобода*.

Сталин и Гитлер. Танк Т-34

Вообще-то Сталин, занятый в то время строительством счастливой жизни для “семьи народов”, мог бы обойтись и без “Майн кампф” Гитлера. Для этого достаточно было понять русскую историю времен Ивана Грозного и Петра Великого. И он это, как мы знаем, чувствовал и совсем не случайно ими обоими особенно интересовался. Однако понять их можно только через их философию. Но где в нашей исторической науке рассказано о философских направлениях в староправославной и никонианской Церквях, с которыми были связаны как неудачи, так и успехи в управлении русским народом? Что было *главным* в периоды падений и взлетов Российского государства?

Кто должен бы был на все это отвечать? “Русь... Дай ответ! Не дает ответа”.

***

Так бы оно, может быть, и катилось. И “прикатилось”... Но, к счастью для России, Сталин нашел необходимое для победы у Гитлера, называвшего, между прочим, русский народ великим. Который, как он об этом пишет, правда, нуждается – после уничтожения большевиками русской интеллигенции (несшей, по его мнению, элементы организующего германского духа) – в германском руководстве.

В этом последнем есть доля истины, если говорить не о безапелляционных претензиях на руководство, а о сотрудничестве. Но еще больше проявила себя здесь его, Гитлера, известная всему миру немецкая прямолинейная ограниченность. Чему подтверждение – проигранная война.

***

Лучшим танком Второй мировой войны считается русский танк Т-34. Это хорошо известно. Но когда предлагаешь кому-либо объяснить – в чем конкретно это превосходство выражалось, то выясняется, что толком никто ответить не может. За исключением тех немногих остающихся до поры в живых солдат-танкистов, которые на нем воевали.

Мне повезло – я видел Т-34 летом 1944 года, когда был мальчишкой. Тогда же я побывал внутри него и запомнил какое-то ощущение детского страха, объяснить который не мог.

Наша армия тогда наступала в Белоруссии, и моя мама в составе железнодорожного отряда участвовала в работах по восста-

новлению движения в 30 километрах от линии фронта. На фронт шли составы с оружием, и однажды на нашей маленькой станции недалеко от Молодечно остановился эшелон с Т-34 – я их тогда хорошо запомнил (наклонная передняя броня и на ней – люк водителя). Танки стояли на открытых платформах, и рядом с ними ехали экипажи – веселые ребята в военной форме. Я, шестилетний, вертелся около, и они затащили меня к себе. Мне очень хотелось посмотреть: что там внутри? И мне разрешили. Внутри после яркого солнечного света оказалось очень темно. Позвавший меня танкист включил тумблером, слева от люка, маленькую электрическую лампочку от карманного фонаря. Я попросил разрешения и тоже пощелкал тумблером. И тут на меня “нашло”...

“Куда же ты? Смотри еще”, – удивился мальчишка-солдат, когда я вдруг забеспокоился и попросился обратно. Мне почему-то показалось, что в его голосе была тоска. И что отсюда, из темноты этой прокаленной солнцем стальной коробки, уже не выбраться…

***

Так в чем же было преимущество Т-34 перед немецкими танками? И в чем заключается в данном случае та самая “красота”, воплощенная в техническую мысль, которой было предназначено остановить немецкую “силу”?

Красивое решение предполагает, прежде всего, выделение главного и усиление его. В танке можно выделить как наиболее важные следующие четыре характеристики – скорость, маневренность, прочность брони и мощность пушки. Одна из них – главная. Какая?

Должен сказать, что задача с танком – самая простая. Но решить ее, назвав правильно главную характеристику и объяснив, что дает ее усиление, почти никто не может. Если хотите, попробуйте решить эту задачу и Вы, уважаемый читатель, прежде чем прочтете ответ ниже.

“Броня крепка, и танки наши быстры...” – пелось в известной песне конца 1930-х годов. Но у нас, как мы знаем, все контролировалось – в том числе и слова песен. А потому они не могли быть написаны “просто так”.

Они и не были “простыми” – это была *официальная* точка зрения на танк наших главных “танковых светил” – как гражданских (“Уважаемые коллеги! Мы собрались, чтобы обсудить совместно концепцию создания...”), так и военных, которые считали

себя во всех подобных вопросах выше и умнее гражданских (за что и заслужили анекдот: “А раз уж говорите, что вы, на гражданке, такие умные, то почему же вы не ходите строем?”). Тогда самой популярной теорией был взгляд на танк как на “механизированную кавалерию” – это шло еще от Гражданской войны. А потому считалось, что танки должны носиться в атаку или по тылам противника на огромной скорости и “поливать огнем”.

Возможно, однако, что это было связано и с господствовавшими тогда коммунистическими идеями распространения мировой революции на всю Европу, с захватом ее оснащенной *быстрыми* танковыми соединениями Красной армией, – как считают некоторые современные исследователи.

Так или иначе, но только подобные взгляды проявились и в решениях немецких конструкторов, и их основной танк начала Второй мировой войны, средний по характеристикам, Т-III (1936 год) таким и был в своих основных чертах – с легкими “быстроходными” гусеницами, предназначенными для движения по хорошим (!) дорогам, скорострельной 37- или (позже) 50-мм короткоствольной пушкой и двумя пулеметами.

Однако ни броня, ни скорость главными в танке, как это показала война, не являются. Главное – пушка. Сконструировав в 1939 году (когда военное “общественное мнение” развивало теорию в другом направлении) башню Т-34 так, что в нее можно было устанавливать мощную длинноствольную пушку калибра 76 мм (или даже больше), создатель танка Кошкин заложил в него то основное преимущество, которое и сделало его решение выдающимся. А “заодно”, как это обычно бывает с талантливыми людьми, применил наклонную переднюю броню (это была идея другого конструктора из этой же команды), поставил танк на широкие гусеницы-вездеходы и использовал мощный (400-500 л.с. против 300 у немцев) и “не горящий” дизельный двигатель.

В результате оказалось, что немецкий Т-III, чтобы поразить Т-34, должен был приблизиться к нему на 500 метров. А Т-34, используя свою могучую пушку, пробивал броню “немца” с дистанции в 1500-2000 метров. Эта “мертвая зона” размером в километр позволяла Т-34 просто-напросто расстреливать в танковом бою машины противника с недоступного для них расстояния. Реально, как рассказывал мне один танкист, участвовавший в боях, русский танк начинал стрелять по Т-III не с 1500, а всего с 800 метров – “чтобы не расходовать зря снаряды”.

Более красивое по простоте и изяществу решение представить трудно. Немцы, для которых появление Т-34 в начале войны стало “откровением”, были потрясены. Они были сильнее и быстро продвигались в глубь объявленного ими “колоссом на глиняных ногах” Советского Союза, но уже не потому, что теория Гитлера о полном превосходстве немецкой расы над славянами была верна, а по другим, не столь долговременным, причинам.

Однако перестроиться немцам оказалось не так просто, и до конца 1941 года они еще ничего не предпринимали. (Правда, набросок “тигра” уже был.) К тому же у них был разработан еще и тяжелый танк T-IV с короткоствольной 75-мм пушкой. Но даже когда его пушку удлинили, он с его неправильно выбранными броней, гусеницами и мотором, как оказалось при его широком использовании в 1942 году, значительно уступал нашему Т-34.

Наконец, спустя полгода после начала войны, в конце ноября 1941 года, немцы приступили к активным работам над проектами своих новых танков. А надо было начинать немедленно, в июле или августе. В результате было упущено драгоценное время, что стало для них одной из роковых ошибок. Может быть, самой первой с начала боевых действий против Советского Союза.

***

Танки в Германии создавались под личным контролем Гитлера, считавшего, что немцы как “нация вождей” должны все решения принимать *решительно и быстро*. Одним из примеров проявления этой привлекательной мысли была история с танковой пушкой.

Мало кто знает, что кроме двух русских конструкторов, Кошкина (танк) и Грабина (пушка), был еще один, третий, человек, который в это же время, в 1940 году, предлагал оснастить танки мощной длинноствольной пушкой. Этим человеком был сам Гитлер. Однако теперь уже “танковые светила” Германии оказались не согласны с этим предложением. Тогда он издал приказ. Но для его проведения в жизнь надо было обладать достаточной *решительностью*. А у Гитлера в этот раз ее почему-то не хватило. Возможно, он помнил или же ему напомнили, что он не профессор, а простой ефрейтор. Но мне видится, что было *нечто еще*…

***

Кошкин создавал Т-34 не по заданию, а – инициативно. Перед ним, главным конструктором Харьковского паровозостроительного завода (куда он был переведен в 1937 году из Ленинграда,

после работы на Кировском заводе), была поставлена задача – создание *быстроходного* (на колесно-гусеничном ходу) среднего танка. А он, имея свою – идущую вразрез с официальной – точку зрения на танк, предложил за те же, отведенные планом, время и средства создать не один, а сразу два танка. И сравнить их.

Сначала, в процессе обсуждений с военными заказчиками, понимания и поддержки Кошкину получить не удалось. Но потом оба проекта по совету одного из “знающих” людей были представлены им в Главный военный совет Наркомата машиностроения, “рядовым” членом которого был Сталин. И только тогда, после поддержки “одного из членов Совета”, в ситуации, когда *все* остальные “члены” занимали отрицательную позицию, работам удалось дать ход.

Это было время, когда в Испании коммунистические силы потерпели поражение. Оно совпало с периодом наиболее жестоких репрессий в Советском Союзе (1937–1938 годы). По-видимому, Сталин сделал некоторые выводы, сопоставляя эти два события. Во всяком случае, именно с конца 1938 года отмечается изменение “режима” в сторону его “смягчения”, а в 1939 году он проявляет наибольшую гибкость и активность в отношении выдвижения талантливых людей – не по формальным признакам (ученые степени и так далее), а по практическим результатам, через смотры и конкурсы с его (Сталина) личным участием в качестве “одного из членов” создаваемых для этого “советов”.

Что сыграло большую роль в таком повороте взглядов Сталина в сторону поддержки свободно мыслящей интеллигенции – идеи “терпимости” в отношении старообрядцев-интеллектуалов, приведшие к победам Петра Великого, или “майнкампфовские” идеи Гитлера, построенные на сочетании “объединения” нации (с помощью тайной государственной полиции и пропаганды соблазнительной расовой идеологии) при одновременной поддержке “народных талантов”, однозначно сказать трудно. Возможно, и то и другое. Но все же мне кажется, что Гитлер был ему ближе и понятнее царя Петра.

Так или иначе, но именно в 1939 году Кошкин выполнил работы по созданию Т-34 и построил два образца к намеченному в марте 1940 года смотру новой боевой техники в Москве, а также была создана (Грабиным) предназначенная для него 76-миллиметровая пушка. Тогда же взлетел штурмовик Ил-2 (Ильюшин) и

начал разрабатываться истребитель Як-1 (Яковлев) – о чем разговор будет ниже.

***

В это же время взошла и военная звезда Георгия Жукова, бывшего унтер-офицера царской армии и дважды георгиевского кавалера. Выдвинутый какой-то “легкой рукой” на роль командующего войсками в боях с японцами на реке Халхин-Гол (лето 1939 года), он показал там себя так, что потом, в 1945-м, уже брал Берлин.

Воспринимая Жукова через написанную им книгу “Воспоминания и размышления”, мне хотелось бы выделить в нем часто отрицаемую в русских способность все ясно видеть и организовать. И чисто русское умение выделять *главное*, сочетаемое с обидной для противника унтер-офицерской “хитростью”.

В боях на Халхин-Голе русская сторона имела большое преимущество в танках, и Жуков построил на этом главную стратегию своих действий. Вместо привычных боев “фронт против фронта”, он принимает решение по нанесению удара танковыми клиньями с флангов – для окружения армии противника. А в добавление к этому учитывает еще одно *маленькое* обстоятельство: по донесениям разведки, японское командование разрешало своим генералам и старшим офицерам покидать на воскресные дни свои части, чтобы они могли “отдохнуть” в расположенных в тылу китайских городках. Поэтому удар был назначен на воскресенье.

Но, как известно, “бог – в мелочах”, и две встречные танковые лавины отсекают многих японских командиров от их солдат. А с окруженными и “потерявшими голову” солдатами “разговаривать” можно было уже по-иному. Несмотря на их доблесть, отмеченную самим Жуковым, победа была ошеломляющей. Так что Япония после этого, вопреки воле Гитлера, уже не решилась выступить против СССР.

Сталин и Лев Троцкий. “Шарашки”

Обсуждая вопрос о гениальности Сталина, мы не можем не заметить, что как философ-стратег он не высказал ни одной личной идеи. Он был лишь исполнителем чужих идей. Но в тактической гибкости и в умении увидеть то, что никто больше не видел, он, похоже, не имел равных.

Именно так, используя идеи Троцкого, он начал с 1928 года загонять талантливых специалистов в предприятия-тюрьмы системы ОГПУ-НКВД, получившие названия “шарашек”.

Его страстью была авиация. И, видимо, потому первым в шарашку сел создатель первого серийного советского истребителя (1925 год) Дмитрий Григорович. А через год к нему присоединился создатель широко известного самолета-биплана У-2 Николай Поликарпов. Там, в шарашке, они построили в 1930 году совместный истребитель И-5, а затем Поликарпов построил И-15 (“Чайка”) и И-16 (1933 год). Последний стал даже лучшим истребителем в мире. Но в 1934 году Вилли Мессершмитт создает в Германии Bf 108, прототип своего будущего знаменитого Bf 109, и судьба Поликарпова постепенно отодвигается в тень.

Следом за Поликарповым пришла очередь Андрея Туполева, известного как разработчик тяжелых бомбардировщиков, которого засадили в шарашку в 1937 году. Вместе с ним сел и Владимир Петляков, вышедший из фирмы Туполева и создавший в 1936–1939 годах самый интересный из самолетов-бомбардировщиков предвоенного времени – огромный 35-тонный ТБ-7 (Пе-8). На этот самолет обратил мое внимание Виктор Суворов, который в своей книге “День М” (1994) отстаивает идею подготовки Сталиным нападения на Германию, что, по его мнению, оправдывает упреждающую агрессию Гитлера против Советского Союза.

Тяжелый стратегический бомбардировщик ТБ-7 имел четыре мотора и летал на недоступной в то время для бомбардировщиков высоте – до 11000 метров. Чтобы поднять такую махину на эту высоту, где воздух был настолько разрежен, что моторы уже задыхались, Петляков поставил еще пятый мотор, спрятав его в фюзеляже, который осуществлял наддув воздуха в основные двигатели. В результате ТБ-7 исправно гудел моторами там, где у всех других самолетов это не получалось.

Как оказалось, применение наддува позволило также довести скорость ТБ-7 (440 км/час) до скорости лучших истребителей того времени, и он, обладая к тому же мощным вооружением (три пулемета калибра 12,7 мм и две 20-мм пушки), был практически неуязвим.

Такие самолеты, подобно стратегическим ракетам нашего времени, построенные в количестве нескольких тысяч штук, могли бы, по мнению В. Суворова, создать серьезный заслон агрессии со стороны Германии. Но Сталин, четыре раза принимая решение

о развертывании их серийного производства и столько же раз закрывая его, в конце концов выбрал *неправильное* решение. И запретил их производство. Что и говорит, как считает В. Суворов, о существовании у него агрессивных намерений: ибо такие самолеты, летая на большой высоте, могли и бомбить только по большим площадям, разрушая то, что можно было бы захватить и затем использовать при внезапном нападении на Германию.

К началу войны было построено всего 11 самолетов ТБ-7, которые уже в 1941 году бомбили Берлин. А в 1942 году Молотов летал на одном из них над оккупированной немцами Европой, для дипломатических переговоров. Немцы эти полеты не смогли даже засечь.

Рассуждения В. Суворова представляются интересными. Но прежде всего я бы отметил многочисленные колебания Сталина в вопросе развертывания производства этих самолетов. И если, действительно, согласиться с тем, что ориентация на отказ от их серийного производства может рассматриваться как проявление агрессивных настроений, а серийное производство (так и не состоявшееся) могло бы служить доказательством его объявленного миролюбия, то сами колебания в этом вопросе указывают на отсутствие у него твердой линии, направленной на какую-либо ясную цель. Что, правда, не может говорить и о его “неагрессивности”. Они *там* все были агрессоры.

И тем не менее, Сталин, как я его вижу, в большой политике скорее похож на человека, который пробирается *на ощупь* в темноте. Однако для победы этого оказалось достаточно.

Ибо хотя историю и делают люди, но они ею не управляют. Управляет историей не колесо и не кнут. Управляет дорога. И тот, кто прокладывает ее.

Сталин, похоже, понимал это. И что это означает. Провозглашая тост на обеде в честь Парада Победы 24 июня 1945 года, он предложил его – “за великий русский народ”.

***

Что я мог бы сказать еще о гениальности Сталина? Прежде чем одержать победу над Германией, он столкнулся с неудачами в войне в Испании (1936–1939 годы), которая показала превосходство немецкой военной техники и прежде всего – самолетов. Наш истребитель И-16 уступал почти по всем статьям модернизированному “мессершмитту” – Bf 109, а вместо тяжелых бомбардировщиков немцы применили, и очень эффективно, самолет

“поля боя” – легкий пикирующий бомбардировщик “Юнкерс-87”. Но все наши *неудачные* самолеты были созданы теми, кто уже отсидел свое или еще сидел в шарашках. И Сталин, видимо, *увидел* это и заменил идею Троцкого на идею Гитлера, после чего вместо тюрем-шарашек ведущим конструкторам, которые чаще всего становились таковыми после *личной* поддержки Сталина, стали давать дачу, автомобиль и охрану. Последняя и выполняла с этого времени роль “контрольного органа”, не мешая, например, ездить отдыхать в санатории или лазить по горам, но присутствуя при этом постоянно на расстоянии нескольких десятков шагов.

С присутствием личного охранника, как я слышал, не только мирились, но это даже считалось престижным. И отдыхающие в “закрытых” санаториях делились на две категории – тех, кто имел охрану, и тех, кому она не полагалась. Вторые и кушали хуже.

Так что компромисс между свободой и *полезным* присутствием в жизни русского человека “государственной власти” был найден. И найден, похоже, чуть ли не гениально – во всяком случае, для того времени. Но именно в этом варианте отношений власти и “талантов из народа” и были созданы наши основные боевые самолеты периода Второй мировой войны – истребитель Яковлева, штурмовик Ильюшина и появившийся уже во время войны (1942) истребитель Лавочкина.

“Везло”, однако, не всем конструкторам. Ибо пробиться к Сталину было непросто.

А те, кто пытался пробиться, делали это все же не за “два кусочечка колбаски” – как поется в одном современном шлягере. Хотя и это тоже было (история с “катюшей”, см. ниже). Но, как показывает опыт истории, на “колбасе” далеко не уедешь.

Тогда это был страх перед Сталиным, наводившим “своими” методами *чистоту* среди талантов. И страна пришла – к победе.

А потом, с отменой расстрелов политиков (Хрущев), закреплением прижизненных привилегий за “лучшими людьми” из власти (Брежнев) и “перестройкой” с ее целью – сохранения привилегий теперь уже за детьми (Горбачев) мы и пришли к тому, что еще чуть ли не в 1945 году было задумано в секретных службах США, – “колбасному” ходу нашей истории. Вырваться из которого можно будет только через использование так дорого нам доставшегося опыта истории. В котором ключевым было слово *чистота* (души человека).

В старое время эту задачу решала религия (здесь, однако, надо разбираться в двух направлениях – староправославия и никонианства, не отрицая ни одно из них) и русские цари, а затем, перед войной – гений жестокого атеиста Сталина. Что следующее?

Только не “колбаса”, которую нам показывают из-за океана.

Михаил Кошкин. Танк Т-34

(Продолжение)

И мы теперь снова вернемся к Кошкину, создавшему на Харьковском паровозостроительном заводе два Т-34 для показа их на смотре в Москве. Танки были построены при огромном напряжении сил зимой 1939–1940 года, но оказалось, что создать у себя на заводе – это еще не значит получить также право делать все и дальше так, как ты – главный конструктор – хочешь.

А Кошкин хотел привести свои танки на смотр в Москву по 700-километровому заснеженному бездорожью. Чтобы проверить и доказать. Но на это он разрешение военного заказчика (который был настроен против создания этого танка) получить не смог.

И тогда ранним зимним утром 1940 года из ворот завода вышли две зачехленные брезентом машины и сопровождавший их тягач “Ворошиловец”. Выйдя за город, машины свернули с дороги и пошли напрямую по засыпанным снегом полям. Последовал приказ: найти и остановить. Но с помощью чего? Не было тогда такой силы, которая могла бы остановить построенный на крыльях будущих побед лучший в мире боевой танк. И только уже около Тулы, когда были пройдены 500 километров пути, там, где был единственный в этих местах железнодорожный переезд, танки были все же “подловлены”.

И здесь происходит невероятное. “Захвативший” их чекист оказался бывшим танкистом. Это решило все. Он влюбляется с первого взгляда в невиданные машины и даже пробует управлять одной из них. Но – неловкий – ломает что-то в ее ходовой части. Остается второй, единственный исправный, танк.

Тогда чекист отказывается от выполнения порученного ему задания (!) и сам возглавляет дальнейший поход в Москву. На состоявшемся смотре по решению “компетентного совета” этот танк и стал победителем.

Кошкин, участвовавший в этом “прорыве” в Москву по русской земле, не выдержал трудностей походной солдатской жизни, простудился и заболел. И через полгода умер.

Вместо Кошкина главным конструктором стал Александр Морозов, который, продолжая ту же линию поведения на “непослушание”, за оставшийся до войны год коренным образом и тоже “инициативно” (что не на советском, а на русском языке означает – подпольно) переделал техническую документацию на танк, с целью упрощения технологии его изготовления и эксплуатации в условиях военных действий.

“Все преимущество вашей военной техники заключалось лишь в том, – сказал мне по поводу моего рассказа о поиске русскими инженерами “красивых” решений мой ЦЕРНовский друг немец Курт, участвовавший в боях под Ленинградом с “другой” стороны, – что она была настолько примитивна, что даже не ломалась”.

Но, видимо, так думали не все немцы. В сентябре 1941 года, когда война шла уже на востоке Украины, был отмечен один странный случай: немцы устроили авиационный налет и разбомбили тот участок кладбища в Харькове, где был похоронен Кошкин. От участка ничего не осталось.

Вместе с Кошкиным в том походе, где решалась судьба танка Т-34, была одна, оставшаяся неизвестной, женщина. Возможно, она оказалась “женщиной на корабле”.

Женщина – это всегда опасность.

Но по военным меркам тех лет поход удался: погиб всего один человек. А “незаменимых у нас нет”. Кто это говорил, мы знаем.

Василий Грабин. Дивизионная пушка ЗИС-3

Грабин был первым из ставших затем знаменитыми – что, однако, не означало быть “известным” – конструкторов, получивших непосредственную поддержку со стороны Сталина. Его работа была связана с Горьковским (Нижний Новгород) артиллерийским заводом. Разрабатывая с 1934 года по заданию Главного артиллерийского управления дивизионную 76-миллиметровую пушку, которая должна была заменить известную русскую трехдюймовку, Грабин – инициативно – предложил создать “мощную и легкую” новую пушку, принеся в жертву ради уменьшения веса – и в этом именно и заключалась скрытая *красота* его решения – точность стрельбы.

Хорошо известна “артиллерийская вилка” – два прицелочных выстрела и затем третий, сделанный с учетом двух поправок (вносились по взрывам), точный выстрел. Но для того, чтобы иметь возможность делать поправки, требуется выполнить одно условие – пушка должна оставаться в процессе стрельбы неподвижной. Однако такая пушка, чтобы ее не разрушила отдача, должна быть сделана достаточно прочной, а это, как следствие, ведет к увеличению ее веса. Но тяжелую пушку трудно перевозить по дорогам и разворачивать во время боя.

Нашу самую главную артиллерийскую систему, дивизионную 76-миллиметровую пушку, прошедшую войну с первого до последнего дня, Грабин создал в 1940 году. Да простят меня историки военной техники, но у меня сложилось впечатление, что он и сам не понял, как она у него получилась. Мне кажется – так же, как у Пушкина складывались стихи. Просто по смутному ощущению уже существующего *где-то*, но которого еще нет. Сделал и... растерялся.

Растерялись все. Пушка уже была, а задания на нее – еще не было. А значит, ее не должно было быть. И хотя Грабин еще в 1935 году – первым – “попал” в поле зрения Сталина и все знали об особой “симпатии”, которой он после этого неизменно пользовался, опасность подпасть под ответственность была слишком велика.

А уже наступил 1941 год. Что же делает Грабин? Он начинает производство “несуществующей” пушки. И с ним эту опасную роль берут на себя директор завода и военпреды.

Начинается война, и пушки идут на фронт. А фронт все ближе – немцы, как это нам теперь известно, вначале быстро наступали. И вся тяжелая техника, которую у нас таскали весело ржавшие шесть лошадиных сил, в первые же месяцы (когда всех, кто ржал, немцы отправили на небо) осталась по ту сторону фронта. Кроме пушек Грабина.

Это их на фотографиях осени 1941 года тащат по грязи военных дорог наши солдаты. Их небольшой вес (1100 килограммов) позволял это. И это они в кадрах кинохроники бьют, подпрыгивая, по немецким танкам. Для уменьшения отдачи и снижения веса Грабин поставил пружинный дульный тормоз и сделал выгибающиеся при выстреле станины.

Да, они были не очень точными, эти прыгающие грабинские пушки, но зато их можно было таскать за собой. И когда, рыча

моторами, появлялись немецкие танки, на них, единственных, была – последняя надежда. Только с помощью них еще и можно было отбиваться. А когда до танка оставалось всего 30–50 метров, то и из них можно было бить без промаха. Правда, как рассказывал мне один “очевидец”, в это время уже дрожат руки и ноги. Но и у немцев в танке – тоже.

Именно пушки Грабина, выпущенные к зиме 1941 года уже в количестве около тысячи штук, и примерно шесть с половиной сотен танков Т-34 сыграли важнейшую роль в разгроме немецких войск под Москвой. Но Сталин о пушках все еще ничего не слышал. А когда 5 января 1942 года ему решились доложить, то – соблюдая “правила игры” – велел провести все необходимые испытания, которые должны были разрешить их поставку на фронт.

Немедленно, в январе–феврале, эти испытания, вызывавшие у всех участников чувство неловкости, были проведены, и пушка получила свое официальное название – ЗИС-3.

***

Немного менее “затянувшейся” была история другой грабинской пушки, тоже 76-миллиметровой и тоже сделанной инициативно, для установки на танк Т-34. Сначала ее первый образец послали для фронтовых испытаний на Финскую войну (завершившуюся в марте 1940 года). Но она куда-то исчезла. Потом, с началом войны с Германией в июне 1941 года, она стала использоваться на Т-34 в боевых условиях. Как и о дивизионной, о ней уже знал Гитлер, а Сталину сказать о ее существовании все еще боялись. Но “отзывы” первых пленных немцев о Т-34 с мощной длинноствольной (что было непривычно для того времени) пушкой были с самого начала настолько “громкими”, что докладывать пришлось. В августе *такой* танк был “узаконен”.

***

В рассказе об этих “своеобразных” историях мне осталось затронуть еще одну, и тоже “историю”. Пушки Грабина изготавливались с двойным запасом металла в стволе, что нарушало строжайший запрет на нерациональное использование дефицитной легированной стали. Этот “запас прочности” Грабин заложил во все свои пушки еще в 1935 году и вначале даже говорил о нем. А потом об этом все словно забыли. Но не тот у нас был трудяга-стукач, чтобы поверить в такую его “забывчивость”. И вот здесь – в решении этого запутанного вопроса – мне однажды крупно

повезло. Я рассказывал одному своему знакомому о своем взгляде на Т-34 и стоявшую на нем грабинскую пушку. И вдруг оказалось, что его отец имел отношение к созданию этой пушки. Я, конечно, стал расспрашивать о том, что он от него слышал. Но разговора не получилось. Мне было только сказано, что его отец лично знал Грабина и считал его успехи связанными исключительно с тем, что тот “открывал ногой дверь в кабинет Сталина”. А это надо было понимать с двух сторон: во-первых, видимо, ему очень завидовали, а во-вторых, еще больше – боялись. Последним я и объясняю необычную даже для мужественного человека грабинскую смелость – с использованием двойного запаса металла в стволах создаваемых им пушек и с “незаконным” разворачиванием их производства.

А уходит это непонятное “открывал ногой” – что в отношении любого главы государства совершенно недопустимо – в упоминавшийся уже 1935-й год. Но только мы, не будучи такими же завистливыми, будем говорить лишь о проявлении самой необходимой поддержки со стороны Сталина в отношении Грабина как талантливого конструктора, которому он дал возможность проявить себя.

Грабин описал это в своей книге “Оружие победы”. В то время в среде военных специалистов самого высокого уровня была популярной идея создания универсальной пушки, способной вести борьбу как с танками, так и с самолетами. Это должно было стать “чудом техники”, правда весьма сложным и тяжелым. Но последнее никого не смущало. А Грабин стал отстаивать в одиночку противоположное мнение – пушку надо делать простой (предназначенной только для борьбы против танков), мощной и легкой. И, проявив немало энергии, сумел изготовить и представить на проводившийся в том 1935-м году смотр опытные образцы такой пушки. Где неожиданно получил поддержку самого Сталина (и только его одного), который тогда его и запомнил.

Однако военные заказчики, ссылавшиеся на американцев (которые потом сами отказались от идеи создания универсальной пушки), не смирились. И началась многолетняя борьба, где Грабина вынуждали идти на уступки в споре между мощностью, весом и точностью стрельбы создаваемых им пушек. Тогда-то он, вынужденный отступать, и заложил в конструкцию своей пушки возможность применения дульного тормоза и – не обсуждая это

уже ни с кем из “чужих” – тот самый двойной запас металла в ее ствол и казенную часть. Последнее позволяло, не переходя к разработке новой пушки, очень просто переводить уже имеющиеся на более мощный калибр.

В этой “человеческой” борьбе, по-видимому, учитывалось все. В том числе и расположение Сталина к “нахальному”, как они, похоже, его воспринимали, конструктору. Что-то приходилось и “не замечать”. Не замечали то, по поводу чего уже просто не хватало духа с ним спорить. Так, скорее всего, и остался “незамеченным” двойной запас металла в стволе, без чего – как об этом будет рассказано ниже – нам почти нечего было бы противопоставить танкам “Тигр” и “Пантера”, впервые примененным немцами в Курской битве (1943 год).

А когда он “дошел” до того, что начал самовольно выпускать танковые орудия для Т-34 и дивизионную пушку, будущую ЗИС-3, то тут уж “всем” окончательно “стало ясно”, куда он и как ходит. Непонятным в этом случае (когда стоило только пнуть дверь ногой) остается разве что одно – почему же тогда Сталин узнавал о его новейших разработках после Гитлера?

Мой друг немец Курт, видевший шедшие всегда прямо в атаке и стрелявшие Т-34, называл его пушки с уважением – “die Kanonen von General Grabin” (“пушки генерала Грабина”).

Александр Яковлев. Истребитель Як

В мае 1939 года Сталин вызвал к себе авиаконструктора Яковлева, чтобы “обсудить” с ним возможность создания истребителя, способного противостоять вооруженному 20-мм пушкой “мессершмитту”, появившемуся в небе Испании в 1938 году.

Первый “сто девятый” был построен Вилли Мессершмиттом в 1935 году, а в декабре 1936 года 10 опытных машин Bf 109, имевшие на вооружении пулеметы и летавшие со скоростью меньше 400 километров в час, были отправлены на испанскую войну. В течение двух лет самолет был доведен до серийного. Оснащенные 700-сильным мотором и четырьмя пулеметами, Bf 109B летали со скоростью 470 километров в час и в целом были примерно равны нашему И-16. Разгорелась борьба равных.

Этот опыт и привел к появлению Bf 109E, вооруженному пушкой и двумя пулеметами, летавшему со скоростью 545–570 километров в час (мотор 1100 лошадиных сил). Ситуация сразу

изменилась. Дело доходило до того, что немецкого летчика, если он возвращался на аэродром, не сбив ни одного русского самолета, тут же, после заправки самолета, отсылали обратно.

Сталин предложил Яковлеву, который был известен как создатель быстроходных учебно-тренировочных самолетов, построить в сжатые сроки скоростной истребитель, вооруженный также 20-мм пушкой. И менее чем через год остроносый Як-1 с пушкой и двумя пулеметами уже летал в небе.

Имея хорошую аэродинамику (чем славились русские самолеты военного времени, хорошо рассчитанные и “продуваемые” в аэродинамических трубах в Москве на улице Радио и в подмосковном Жуковском) и используя мотор, примерно равный по мощности мотору на Bf 109E, Як-1 развивал при проверке даже более высокую скорость (580 км/час). Но одно дело – искусственно организованные испытания с полетом по прямой и совсем другое – воздушный бой, ведущийся на виражах и с перепадом высот. В бою моторы наших “яков”, как оказалось, “немножко” перегревались, и их заклинивало. Поэтому летчики заранее открывали специально предусмотренные заслонки для дополнительного охлаждения мотора потоком воздуха. Что резко снижало качество аэродинамики самолета, и его скорость падала.

Требовалось, чтобы не отставать от “мессершмитта”, идти по пути создания более мощных моторов. И эта задача шаг за шагом решалась в течение войны. Но у Bf 109E было еще одно важное преимущество: меньший вес. Что позволяло немецкому пилоту “ходить” на более крутых виражах. А это в бою, особенно при уходе от атакующего противника, было очень важно. И Яковлев начинает работать над снижением веса самолета.

А Мессершмитт, пережив однажды счастье побед за счет преимущества в скорости и вооружении, начинает усиливать как скорость, так и вооружение своего “мессера”.

В результате в середине войны, в 1943 году, мы уже имеем, с одной стороны, самый легкий истребитель Як-3 (2650 кг), несущий 20-мм пушку и два пулемета калибром 7,62 мм, а с другой – весящий больше на целую тонну Bf 109K, вооруженный 37-мм пушкой и двумя крупнокалиберными (13 мм) пулеметами. Скорость Як-3 была 660 км/час (мотор 1240 л.с.), а Bf 109K – 730 км/час (мотор 1800 л.с.).

По существу, единственное преимущество, которое имел Як-3 в бою один на один против Bf 109K, заключалось в том, что лет-

чик на русском самолете мог теперь уходить на крутых виражах от атакующего врага. Однако истребители создаются в первую очередь все же не для спасения жизни летчика, а для уничтожения самолетов противника. Но как решить эту задачу, если со скоростью к этому времени еще не получалось, а об установке на более легкий самолет более тяжелого вооружения нечего было и думать?

Что же тогда оставалось? Задача была, казалось бы, нерешаемой.

Но Яковлев тем не менее решил ее. И решил настолько изящно и просто, что я даже хочу предложить Вам, мой глубокоуважаемый читатель, попробовать сделать то же самое. Если вы – русский, то, возможно, эту задачу решите.

Немцев же ее решение, по моему опыту, совершенно выводит из себя.

А пока, делая паузу в разговоре о “яках”, я расскажу об истории создания самого массового самолета Второй мировой войны – ильюшинского штурмовика Ил-2.

Сергей Ильюшин. Штурмовик Ил-2

Идея создания “летающего танка”, самолета-штурмовика, способного принимать непосредственное участие в сражениях на поле боя, была известна. Но поскольку по такому “танку”, летящему на высоте всего в несколько десятков метров, стреляют изо всех видов оружия, то возникала острая проблема ограждения летчика и всех жизненно важных частей – мотора, бензосистемы и маслосистемы – с помощью броневой защиты. Однако установка на самолет требуемого количества броневых листов не позволяла решить эту задачу – такой (слишком утяжеленный) самолет ползал по земле, но взлетать уже не хотел.

И вот в январе 1938 года, когда по стране гуляло черное воронье, начальник главка Наркомата авиапрома Ильюшин пишет в правительство письмо, где предлагает поручить ему создание самолета-штурмовика. И дает личные гарантии в успехе дела.

Вот в сокращении это письмо:

“При современной глубине обороны и организованности войск, огромности их огня (который будет направлен на штурмовую авиацию) штурмовая авиация будет нести очень крупные потери.

...Поэтому назрела необходимость создания *бронированного штурмовика* или, иначе говоря, *летающего танка*, у которого все жизненные части забронированы.

Сознавая потребность в таком самолете, мною в течение нескольких месяцев велась работа над решением этой трудной проблемы, результатом которой явился проект бронированного самолета-штурмовика.

Для осуществления этого выдающегося самолета, который неизмеримо повысит наступательные способности нашей штурмовой авиации, сделав ее могущей наносить сокрушительные удары врагу без потерь или с очень малыми потерями с ее стороны, прошу освободить меня от должности начальника Главка, поручив мне выпустить самолет на Государственные испытания в ноябре 1938 года.

Задача создания бронированного штурмовика исключительно трудна и сопряжена с большим техническим риском, но я с энтузиазмом и полной уверенностью за успех берусь за это дело.

Сер. Ильюшин".

***

В моем представлении, это был подвиг. Так уж случилось, что в жизни мне приходилось выходить с ножом один на один против преследовавшего меня человека (примитивные криминальные истории). И я знаю "правило победы" – не думать! Только вперед. Иначе – погиб.

И потому (зная "правило") преклоняюсь перед Ильюшиным. Не думать, работая над проектом по созданию самолета, – невозможно. А "думать" могло означать – конец. Поэтому в этой истории со штурмовиком есть какая-то ускользающая тайна.

У меня такое ощущение, что он принимал окончательное решение не на основе анализа и расчетов, положенных в разработанный им проект штурмовика, а – почти подсознательно и в каком-то порыве.

***

Сотрудничая в течение полутора десятков лет со специалистами Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), я услышал там однажды историю создания Ильюшиным другого самолета – красавца Ил–62. Он его "увидел" во сне. Утром пришел на службу, нарисовал и сказал: рассчитайте! И самолет взлетел в небо.

Чтобы тяжелый бронированный штурмовик все же мог взлетать, Ильюшин придумал две идеи.

Во-первых, вместо того, чтобы ставить на него дополнительные броневые щиты, он предложил делать из брони саму носовую часть самолета. Правда, это потребовало сообразить, как изготавливать “профильную” броню, в то время как во всем мире ее “катали” в виде плоских листов.

Но на то он и жил в России. Что может немец, то русский часто не может. И, как известно, наоборот.

Прошло около года, и ильюшинские конусообразные броневые “носы” завертели пропеллерами и – полетели.

А уже во время войны Ильюшин предложил еще одну, вторую из двух главных, идею. Увидев, что “наносить сокрушительные удары по врагу без потерь или с очень малыми потерями” не получилось и что срок службы его штурмовика из-за “поведения” немцев вообще оказался ниже низкого, равным всего 11 часам боевых вылетов, он перевел двигатель в форсированный режим. Срок службы такого двигателя сократился до 20 часов, но это, по понятным причинам, ничему уже не мешало. Зато штурмовики стали взлетать теперь даже с раскисших от затяжных осенних дождей полевых аэродромов.

***

Всего, считая Ил-2 и его модификацию Ил-10, за годы войны была выпущена 41 тысяча этих, оказавшихся очень эффективными и летавших только с востока на запад и обратно, необычных боевых машин – больше, чем любых других типов самолетов.

Немцы называли их “черной смертью” – во время атаки, пролетая над самой головой и стреляя из пушек и пулеметов или реактивными снарядами, они закрывали небо.

Истребители Як

(Продолжение)

И снова наш разговор – об истребителях Яковлева. Рассказывая о штурмовике Ил-2, я уже коснулся невольно ответа на предложенную задачу – как с помощью более легкого по весу самолета-истребителя противостоять более хорошо вооруженному и быстроходному “мессершмитту”. И не только противостоять, но и одержать в небе победу.

Для этого Яковлев стал строить свои истребители фактически как самолеты смертников. Он учел жестокий опыт предыдущих войн, где самолет-истребитель в среднем сбивали через 3 месяца после начала боевых вылетов. И тогда он сделал его дешевым, рассчитанным всего на 6 месяцев службы (два раза по 3 месяца, что соответствовало 120–130 часам вылетов). В то время как срок службы “мессершмиттов” Bf 109 равнялся 10–15 годам (по оценке, 2000–3000 часам полетов). Эта чудовищная, 20-кратная, разница в заложенных ресурсах привела к тому, что в Советском Союзе к середине войны было налажено производство в 3–4 раза большего количества самолетов-истребителей, чем в Германии. И с учетом того, что *реальные* “сроки службы” тех и других, как это показала война, особенно не различались, в небе оказалось в несколько раз больше русского оружия, чем немецкого.

“Спитфайр” Реджинальда Митчелла

Аналогичная задача по борьбе с “мессершмиттами” возникла и перед англичанами. Предотвратить возможную высадку десанта немецких войск на Британские острова можно было, только имея превосходство в авиации. Поэтому вопрос об истребителе стоял перед английской нацией, быть может, как самый главный. Его решение связано с именем авиаконструктора Митчелла.

В 1927 году Митчелл построил гидроплан, установивший мировой рекорд скорости (453 км/час). Но этого оказалось недостаточно, чтобы пробиться в английскую элиту “видных” конструкторов самолетов. А он, по-видимому, знал *что-то такое*, что заставляло его, не жалея собственной жизни, идти к своей единственной цели – истребителю, который должен был стать украшением Королевских вооруженных сил Великобритании. И он его создал.

Имея опыт создания рекордных самолетов, Митчелл построил свой истребитель как очень маневренную машину. Это была непростая задача – сочетать скоростные качества гоночной машины с маневренностью хорошего истребителя. Но она была решена – путем тщательной отработки рулей и придания крыльям аэродинамически выгодных очертаний, потребовавших заметного увеличения их размера. При равных с “мессершмиттом” Bf 109E скоростях это оказалось важным преимуществом в воздушных боях 1940 года. Его вооружение состояло из восьми пулеметов.

Но сам конструктор не увидел “спитфайр” летающим в воздухе в составе английской авиации. Он умер в 1938 году, истощенный борьбой за средства на его создание.

В 1943 году на “спитфайре” был установлен самый мощный из применявшихся на истребителях мотор (2000 л.с., фирма “Роллс-Ройс”), и его скорость возросла до 635 км/час. А вместо пулеметов были поставлены две 20-мм пушки.

Наверное, скорость “спитфайра” могла бы возрасти и больше, но, видимо, сказалась увеличенная площадь крыльев. Однако к этому времени самолет уже сделал свое дело.

Как и Bf 109, “спитфайр” был дорогой машиной. Поэтому их было произведено не очень много (летом 1940 года их было около 350 штук) – во всяком случае, не столько, сколько требовалось для защиты английского неба от самолетов немецкого люфтваффе, который мог поднять в воздух восемьсот Bf 109. И здесь англичане нашли оригинальное решение.

В это время были созданы радары, позволявшие издалека обнаруживать в небе самолеты противника. Лучшие радары, как мне рассказал об этом в ЦЕРНе один шотландец, были созданы немцами. Но немцы распределяли их поштучно, в отдельные воинские части. Что позволяло этим частям следить только за своим участком неба. Англичане же, расположив свои радары по побережью, организовали единый центр сбора и обработки информации. Это давало им возможность “видеть” все небо над “каналом”, и они, когда началась “Битва за Англию”, обнаружив очередную атакующую группу немецких самолетов, собирали по команде из центрального штабного пункта все имеющиеся у них в наличии истребители, и прежде всего “спитфайры”, именно там, где их надо было собрать. И бросали их в бой.

В конце концов у немцев сложилось ложное впечатление, что этих самых “спитфайров” у англичан видимо-невидимо. Сколько хочешь. И они отменили высадку десанта.

***

А для того, чтобы немцы не добрались до истинного состояния дел, в правительстве Уинстона Черчилля при назначении руководителя “радарной программы”, как я услышал об этом на лекции в Московском энергетическом институте (где я учился в 1955-1961 годах на радиотехническом факультете и у нас был

курс по радарам), было принято два важных решения: он (руководитель) должен был быть лордом и не должен был иметь жены.

Не забывая о мужестве британских солдат и выдающихся способностях Митчелла, мы отдадим должное также интеллектуальному уровню и профессиональным знаниям членов английского правительства. И самого Черчилля. Приравняв его к Оливеру Кромвелю (XVII век), ему даже поставили памятник на площади у здания парламента в Лондоне: без *таких* решений Британию, возможно, не удалось бы спасти.

Однако перед Сталиным стояла иная задача – войти в Берлин.

Злодей или гений?

Кем же он все-таки был – гением или злодеем? Ответить на этот вопрос, быть может, помогут нам Яковлев и Ильюшин.

Если снова обратиться к истории создания истребителей типа Як и штурмовика Ил-2, то из изложенного выше можно заметить, что Яковлев в отличие от Ильюшина стоял на позиции создания “самолета с философией смертника” с самого начала (он свои истребители всегда делал как “примитивы”, из сибирской сосны и пропитанной лаком ткани), а Ильюшина в необходимости перехода на эту же “философию” (когда он перевел мотор в форсированный режим, поскольку “жалеть” его оказалось “незачем”) убедил только опыт начавшейся войны.

После чего их подходы к созданию самолетов в самом главном совпали: в обоих решениях стало возможным выделить элементы “истинной” – направленной на достижение победы – “красоты”.

Но можем ли мы говорить о том, что эта способность к *поиску* “красивых” решений была в них, Яковлеве и Ильюшине, заложена, как в русских, еще от рождения?

Если судить по тому письму, которое написал Ильюшин и где он говорит о создании “неуязвимого” самолета-штурмовика, то ответ на этот вопрос в отношении него должен быть отрицательным. Ибо предположение, что он все понимал уже тогда (по поводу массовой гибели летчиков на любых боевых самолетах), но побоялся сказать там правду, исключается. Во-первых, потому, что он был человеком бесстрашным. А во-вторых, бояться ему по тем временам отправить на тот свет несколько десятков

тысяч таких же отважных мальчишек-летчиков было, как мы это знаем, совершенно незачем.

Тем не менее, он *увидел* то, что могли бы увидеть и немцы. Но немцы возможность “красивого” решения, которое – как знать? – быть может, позволило бы им заставить взлетать даже самолеты с бронированными плитами, – проморгали. (И строили уступавшие штурмовикам “нырявшие” в атаке с леденящим воем пикирующие бомбардировщики Ю-87.)

А мы, в свою очередь, можем, по-видимому, говорить о том, что русский гений не рождается как нечто законченное от природы, а *проявляется* уже в процессе начавшегося движения и борьбы. И только на русской земле.

К тому же он должен быть смелым.

***

Относится ли это и к Яковлеву? То, что Яковлев был тоже смелым, у меня сомнений не вызывает – он был пилотом, а потом заместителем наркома авиапромышленности в правительстве Сталина.

Но был ли он авиационным гением от рождения? Или он тоже – сначала “начал”, а уже потом к нему – “пришло”?

В 1964 году я купил его книгу – “Записки авиаконструктора” (во втором издании название ухудшилось – “Цель жизни”). Из этой книги можно сделать вывод на поставленный вопрос. Когда он “начинал”, в нем *что-то* уже было, но он это выразить не мог. А когда оно – его гениальное решение с созданием *массового* самолета-истребителя, позволявшее “забросить” в небо огромное количество оружия, – к нему “пришло”, он сам до конца этого своего решения, по-моему, так никогда и *не понял*.

Почему я так говорю? Из написанной им книги выносишь впечатление, что он старается доказать преимущество созданных им “яков” перед “мессершмиттами” с позиции “один против одного”. Но о чем здесь можно говорить, когда на “яке” самые лучшие летчики сбивали за время войны десяток-другой немецких самолетов, а рекорд сбитых “мессершмиттами” Bf 109 наших самолетов составляет около 350? Он что, не знал об этом?

И зачем тогда уже во время войны потребовалось создавать еще и “самолет для асов” – истребитель Лавочкина, летавший со скоростью до 680 км/час и имевший сначала две (в 1942 году), а затем даже три 20-мм пушки?

В 1991 году в Московском авиационном институте прошли юбилейные торжества по случаю 85-летия со дня рождения Яковлева. Я прочитал об этом на одной из афиш, расклеенных по городу, и пришел послушать. Ни о чем таком, связанном с “философией” создания его самолетов времен войны – о чем я здесь пишу, – там не говорилось. Рассказывали и показывали в виде кинохроники современные достижения его “фирмы” – истребитель с вертикальным взлетом и посадкой и другое. Когда все закончилось, я подошел к руководителю торжеств и попросил его уделить мне немного времени. Это был заместитель главного конструктора. Он с интересом выслушал мои рассуждения о соперничестве “яков” с Bf 109 при завоевании во время войны господства в воздухе, но сказал на это, что сам Яковлев никогда им ничего подобного не говорил.

Выходит, делал и – не понимал? И Ильюшин тоже? Гений вообще не понимает, *что* он творит?

А чтобы *стать* гением, надо не только родиться талантливым, но еще и – “включиться в игру”?

Хотя бы и через злобу?

***

В 1977 году на научном семинаре в Центральном аэрогидродинамическом институте я познакомился с заместителем начальника этого института Андреем Федоровичем Селиховым, отвечавшим за прочность всех самолетов в Советском Союзе. Я попал на этот семинар случайно, но именно тогда, когда на нем обсуждалась наша работа. “А вот и он!” – объявил мой друг-физик, перешедший работать в ЦАГИ из Института теоретической и экспериментальной физики. Андрей Федорович в это время что-то говорил, стоя у доски с мелом в руке. Я увидел его и почему-то сразу понял, что судьба свяжет нас надолго.

Через два года мне удалось уговорить его поехать теперь уже на наш научный семинар по обработке физической информации, который традиционно проводился в Армении. Это была также возможность немного отдохнуть, и я сыграл на этом. Участники семинара летели до Еревана одним самолетом, а затем автобус отвез нас в горный Цахкадзор. Этим же автобусом ехал и Селихов, но в самолете его не было: он боялся летать и потому ехал из Москвы поездом.

Наконец мы имели достаточно времени, чтобы обсудить предлагаемые мной идеи. Но вот странно: проходит два дня, а у нас словно наступило какое-то охлаждение... Наконец на третий день мы под вечер пошли “прогуляться”. Идем по горной дороге, кругом снег, не сойти, не свернуть в сторону. Разговор – как-то ни то ни се. И вдруг слышим, что в стоящей в сотне шагов от дороги церквушке, построенной над ущельем в традиционном армянском стиле с заостренной крышей, поет хор.

Эти старинные армянские гимны, исполняемые хором в церквях без музыкального сопровождения, обладают какой-то магической силой. Услышать их можно только в Армении и только вот в таких полузаброшенных церквях. Но они производят, пожалуй, самое сильное впечатление из всего, что можно узнать об этой удивительной стране.

Мы остановились, послушали, потом полезли по протоптанной в снегу тропинке. В это время хор перестал петь, и из церквушки навстречу нам вышло несколько молодых людей. Увидев нас, также остановившихся, они замахали руками и стали звать нас. “Идите к нам! Мы споем специально для вас!” – кричали они. Пришлось идти.

А поздно вечером, продолжая начатый после церквушки разговор, мы пошли в ночное кафе. В Советском Союзе тех времен все рестораны и кафе закрывались в 23 часа. Но это была Армения, к тому же кафе принадлежало привилегированному Дому литераторов. Мы пришли около полуночи, но оно действительно было открыто, и нас (нелитераторов) к тому же в него впустили.

За стойкой бара была очередь из трех человек. Мы встали за ними. Разговор у нас в это время шел о роли “красоты” в научных разработках. И вдруг стоящий перед нами армянин оборачивается и говорит: “Разрешите, я угощу вас коньяком?”

Никто никогда меня вот так не угощал. Но и отказываться было как-то невозможно. Андрей Федорович тоже смущен. “Но, может, вы хотя бы объясните – за что хотите нас угостить?” – спрашиваем мы.

“Просто так, – отвечает он. И добавил, немного помедлив: – За то, что вы – русские. И еще – я слышал ваш разговор”.

Было уже часа два ночи, когда мы в конце концов решили идти спать. “Я так и не понял до конца все, что вы говорите о связи между вашим методом создания *красивых* компьютерных систем и научным доказательством существования “Бога”, – сказал он. –

Но договор с вами мы заключим. И деньги, полтора миллиона рублей, дадим. Просто так”.

Я бывал потом у него в ЦАГИ, в подмосковном Жуковском, много раз. Мы дружили. Но чтобы выкроить время для наших разговоров, приходилось по несколько часов сидеть у него в кабинете, ловя случайные перерывы. Он свою работу сравнивал с катком, которым утрамбовывают строящиеся дороги. И говорил, что чувствует себя все время бегущим перед таким катящимся катком.

Из разговоров по телефону, которые мне пришлось слышать в его кабинете, я вынес впечатление, что главное, чем он должен был заниматься, заключалось в том, чтобы убедить звонивших ему специалистов не бояться принимать собственные решения.

Несколько раз мы обедали в зале столовой ЦАГИ, предназначенном для руководства и полковников-военпредов. Это была не очень большая, по-своему уютная комната с большим, овальным по форме, столом посередине. Все садились около этого стола на свободные места. Обед всегда был очень хороший, включая прекрасно приготовленные русские щи или супы. На столе стоял, украшая его, огромный заварной чайник. Было как-то невозможно не выпить несколько чашек чая, посидеть и поговорить.

Заканчивался обед в три часа. А минут за двадцать до трех в зал входили какие-то сумрачные личности, большинство “в возрасте”, которые, не поднимая глаз, доедали то, что не съело начальство. Картина, достойная пера Феллини.

“А все, что сделано, – сделано подлецами!” – сказал однажды Андрей Федорович, отвечая (как объяснил мне потом) кому-то на “доносик” по телефону. Чем мы и закончим эту главу.

“Катюша”

В 1937 году по приказу Сталина был расстрелян маршал Тухачевский. А вслед за ним полетели головы начальника Ракетного научно-исследовательского института Клейменова и главного конструктора многозарядного реактивного миномета (будущей “катюши”) Лангемака. Они “ходили” не под Сталиным, а под Тухачевским, и этим, видимо, многое и объясняется – база для доноса, превращавшая их во “врагов народа”, была достаточно “серьезной”. А “друг народа”, написавший этот “обоснованный” донос, как выяснилось, метил на их место. И получил его.

Идея применения такого миномета заключается в нанесении массированного удара по месту скопления войск противника в очень короткий срок, не оставляющий времени вражеским солдатам на то, чтобы спрятаться в укрытиях. Это было могучее оружие, также содержащее “красивую” (“победную”) идею, и оно сыграло заметную роль во время войны.

Чем же мог руководствоваться Сталин, обычно поддерживавший таланты, когда вместе с предполагаемым политическим противником (Тухачевский) уничтожил и конструкторов?

Из дошедшего до нас о тех событиях известно, что обвинения в адрес разработчиков “катюши” состояли из “уличения” их в сознательном искривлении сварных металлических направляющих, по которым выстреливаются снаряды, и в обмане с расчетами кучности стрельбы, которая оказалась хуже обещанной. Кроме того, “друг народа” заявил, что можно удвоить вес боевых зарядов в сравнении с тем, что предлагали “враги”, а значит – и мощность нанесения удара.

С искривлением направляющих скоро разобрались – их просто “вело” при сварке, которую тогда только начинали применять и потому еще не знали всех тонкостей технологии. Технологию создали.

Кучность стрельбы тоже улучшили, когда развернули направляющие вдоль оси автомобиля. Поскольку автомобиль по своей конструкции вытянут вдоль оси, то при стрельбе “снаряд за снарядом” в направлении оси он раскачивается меньше, чем это было при стрельбе вбок.

Однако это все были обычные технические доработки, направленные на достижение расчетных результатов Лангемака. Все же главным в заявлении “друга-доносчика” было предложение удвоить силу удара (вес снарядов), что показывало его, как личность, более талантливым. На что и мог прежде всего отреагировать Сталин.

Но у выдвинувшегося на доносе “друга” с этим его единственным собственным предложением – не получилось. И в 1944 году Сталин его “задвинул”.

Как не получилось вообще ничего достойного противопоставить немецкому оружию и ни у кого из других “друзей” или просто “послушных”. С “друзьями-опричниками” – все понятно, и им даже можно в чем-то посочувствовать. А вот что касается “послушных”, то им, тоже “очень умным”, имевшим нередко – в от-

личие от Кошкина, Грабина, Яковлева и Ильюшина – еще и высокие научные звания, как будто чуть-чуть чего-то недоставало.

И я понимаю чего: они “чуть-чуть” шли в своей жизни на компромисс с совестью, подчиняясь “требованиям времени” (“Вот получу сначала научную степень...”). Они это называют еще “велением времени”. Считая через это и себя создателями Истории.

Но если истина в философии многолика, то научная истина – одна. И “чуть-чуть” рядом с истинным решением, дорогу к которому прокладывает *красота*, в России означает – хуже, чем в Германии. Ибо в Германии – в соответствии с их протестантской философией – работают лучше.

Однако в немецком языке вообще нет слова “истина”, а есть только более простое – die Wahrheit – “правда”. Как нет и таких понятий и слов, как смысл жизни, подвиг, стихия и тоска.

Курская битва

Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 года) была битвой танков. Если в 1941 году основным немецким танком был описанный выше T-III, то в 1942 году его сменил T-IV, который отличался от первого мощной длинноствольной 75-мм пушкой. Развертывание производства этих танков можно рассматривать как попытку “достать” русский T-34, но не более. T-34, как мы знаем, имел целый комплекс достоинств, и так просто, использованием одной только столь же мощной пушки, за ним было не угнаться. Требовалось создать принципиально новый танк.

И он, задуманный “на развитие” еще до войны, был создан – T-VI “Тигр”. Его конструкторы Э. Адерс и Ф. Порше, сделали его тяжелым. У “тигра” были непробиваемая для 76-мм пушек T-34 лобовая броня из новейшей крупповской стали и могучее 88-мм длинноствольное орудие. Из этого орудия можно было стрелять даже простыми снарядами-болванками (без взрывчатки), которые “прошивали” русский танк насквозь и превращали его в продырявленную безжизненную консервную банку.

А после “знакомства” с T-34 был разработан еще и танк T-V “Пантера” (конструктор Освальд) с длинноствольной 75-мм пушкой. Он был близок к T-34, но сделан с немецкой тщательностью в отношении “мелочей”. Что, правда, потребовало от создателей много усилий на его доводку: танк часто ломался. Тем не менее, наши танкисты давали ему самую высокую оценку.

Однако с немецкой стороны, как мне это видится, основная ставка при подготовке к Курской битве делалась все же на “тигр”. Его единственным слабым местом, как у всякого тяжелого танка, была неповоротливость. “Как корова”, – говорили о нем танкисты, воевавшие на Т-34. И это в разгоревшихся в Курской битве боях с массовым применением танков, когда свои и чужие, не успев перестрелять друг друга при сближении, смешивались на одном пространстве, – сыграло для него (“тигра”) отрицательную роль. Но все же главное в победе над “тигром” оказалось связанным все с той же грабинской пушкой.

Первые “странные” события, предшествовавшие Курской битве, произошли в январе – апреле 1943 года. Поскольку у нас все всегда скрывается в тумане секретности, я читал об этих событиях разрозненно, и лишь со временем они начинали увязываться, подобно осколкам мозаики, в некое подобие “картины”. Где кое-что приходилось додумывать самому.

“Пишите, как видится”, – говорил Лев Толстой. Но он писал исторические романы, и ему важно было передать восприятие “духа эпохи”. А мне, ведущему в какой-то мере исследования, надо показывать, “как это было”. Однако кто-то же должен когда-нибудь *начинать*? И да поможет мне раздраженный критик! Вместе – вперед. Пусть выиграет наш читатель.

Сведения о появлении у немцев нового тяжелого танка (его название, “тигр”, тогда еще не было известно) впервые поступили в августе 1942 года, когда четыре машины пытались атаковать наши позиции в районе станции Мга под Ленинградом. Но местность была настолько неподходящей для них, что атака сорвалась. Потом “тигры” еще дважды появлялись на фронте, в сентябре и в декабре, пока в январе 1943 года наши солдаты их, наконец, не “поймали”.

Волховский фронт. Синявинские высоты. Одна из наших артиллерийских батарей, в составе которой были 122-мм корпусные пушки, замаскирована в болотистой местности. На эту батарею и вышли случайно два “тигра”... Выстрел в упор, с каких-нибудь 50 метров, раскалывает башню одного танка, а куски башни с такой силой ударяют по броне второго, что немцы от страха выскакивают из него и бегут, даже не выключив двигатель. Оба танка достались русским.

Не могу сказать точно, связано ли то, о чем я буду рассказывать ниже, с этой историей, но только однажды я прочитал нечто

очень похожее на то, как это могло было быть. Речь шла о том, как нам удалось вытащить с поля боя подбитый (или брошенный?) *новый* немецкий танк.

Днем к стоявшему на “ничейной” земле танку подобраться было невозможно. Но вот наступила ночь. А утром немцы проснулись и не поверили своим глазам: танк исчез. Однако утащить стальную громадину, не разведя шумной возни, было совершенно невозможно. Но и танка, сколько они ни протирали свои цейсовские стекла, видно не было.

Тогда было решено, что русские-иваны его просто замаскировали. После чего по месту его нахождения был нанесен мощнейший артиллерийский удар. Но и он ничего не дал – танк так и не “проявился”. Ибо его там уже не было.

Ночью наши умельцы-танкисты, одевшиеся в белые маскхалаты, подползли к танку, вставили в его мотор заводную ручку и стали ее потихоньку крутить. И танк медленно, миллиметр за миллиметром, перекатился к утру на нашу сторону.

Если эта история действительно связана с “поимкой” первых “тигров”, то возникает ряд вопросов – с количеством танков и другие. Но я все же решил рассказать об этом.

Другая, столь же ненадежная, ниточка-рассказ тянется с апреля и, уже не прерываясь, заканчивается незапланированным приходом Грабина к Сталину. Однако все по порядку.

После катастрофы с битвой в Сталинграде (которая закончилась в феврале этого же, 1943 года разгромом 330-тысячной немецкой армии) у немцев стали проявляться пессимистические настроения. Чтобы эти настроения не затронули наиболее важную, элитарную, часть германского общества, было разрешено в нем – где уж никак не предполагалось появление русского шпиона – распространить сверхсекретную информацию о новом немецком чудо-оружии, танках “Тигр” и “Пантера”.

Услышав об этом, молодой и богатый повеса, входивший в эти круги, он же – русский шпион-разведчик, стал немедленно ухаживать за дочкой, если я только не ошибаюсь, самого Круппа. (Возможно, правда, что это была не его инициатива, а он получил задание на основе информации о подбитом в январе “тигре”.) Девушке он нравился, и уже через две недели после того, как он начал ухаживать, где-то в апреле, они объявили о помолвке. И вот тут по просьбе “жениха-патриота” им, в нарушение всех норм секретности, изготавливают обручальные кольца не из золота, а

из брони новых танков. Но на следующий день “жених” исчезает и переправляется через Швецию в Советский Союз. Здесь кольцо немедленно попадает в одну из уральских лабораторий, где по нему исследуют защитные качества новой немецкой брони. И обнаруживают, что тяжелые “тигры” и маневренные “пантеры” непробиваемы для наших пушек калибра 76 мм. А это означало, что в надвигавшейся Курской битве у немцев будут танки, которые смогут безнаказанно перестрелять все наши Т-34 и подавить противотанковые дивизионные ЗИС-3.

В этой, второй, истории остается непонятным одно: зачем надо было выкрадывать малюсенькое колечко, когда в руках у нас был по крайней мере один полностью исправный “тигр”? Может, правда, в апреле 1943-го заводы Круппа стали поставлять новую, лучшую, броню? Очень возможно.

В этот момент, который относится предположительно к маю 1943 года, Грабин и попросился на прием к Сталину. Может быть, в этот раз он и “открывал дверь ногой” – кто его знает? Надо посмотреть, в какую сторону в бывшем сталинском кабинете открывается дверь, – если, как обычно, наружу, то Грабину надо было бы сначала зацепить ее носком. Мне это все так и представляется: он цепляет раз, другой. Срывается. А рядом таращит удивленные глаза бритоголовый генерал Поскребышев... Получается неудобно и сложно. В общем, мы оставим исследовать этот исторический вопрос моему критику, а перо у меня уже бежит дальше – к описанию прочитанных или услышанных где-то, признаюсь, не очень “сухих” (наверно – примите мою подсказку – процентов на 80-90) фактов.

(Пожалуйста, критик, можете даже называть их “мокрыми фактами”. Ведь есть же – “мокрая курица”. Правда, наоборот – “сухой курицы” – нет. А есть только “жареный петух”. Но вот он – сухой. Так что ты, кура, не плачь. Все еще впереди. Да и русский язык велик и могуч. И широк. За ним, кура, ура! И критика тоже. Пока не пролился янтарный дождик.)

Грабин, принятый расстроенным и подавленным Сталиным – как рисует мое воображение, – открылся ему, что в стволах всех его пушек заложен двойной запас металла. И что это позволяет перевести их всего одним проходом сверла с калибра 76 мм на более мощный калибр зенитных орудий (производство снарядов для которых было налажено) – 85 мм. Весь вопрос был только во

времени – для рассверливания стволов пушек, стоявших на Т-34 и полевых дивизионных ЗИС-3, требовалось около месяца.

И тут происходят новые странные вещи: Гитлер переносит начало Курской битвы с мая сначала на июнь, а потом – на июль-месяц. За это – ставшее роковым для германской стороны – время он хотел увеличить число танков “Тигр” и “Пантера” (последние к тому же были еще совсем “сырыми”), произведенных до такого (расчетно необходимого) количества, которое должно было бы позволить разгромить русскую армию в пух и в прах.

Всего для участия в Курской битве было изготовлено около 250 “тигров”. Из них примерно 50 оказались непригодными для применения из-за выявленных крупных дефектов и еще 100 вышли из строя из-за собственных поломок уже во время самой битвы. И только оставшиеся 100 машин приняли полноценное участие в боях.

“Пантер” было произведено около 200 штук. Но они, как об этом было уже сказано, были капризными в эксплуатации. И их роль оказалась ниже.

Всего же с немецкой стороны в Курской битве участвовало около 6 тысяч танков и самоходных установок, с русской – около 10 тысяч, в основном танки Т-34.

Но были ли это те же “тридцатьчетверки” или, как об этом я прочитал где-то в 1980-х годах, а также услышал в разговорах, это были уже Т-34/85 – модернизированные танки с 85-мм пушкой, – на это точного ответа мне дать не удастся. А речь наша идет о том, что перед Курской битвой на заводах проводилась “рассверловка” стволов пушек под калибр снарядов для зенитных орудий – 85 мм. И что необходимые для этого сверла были заранее заготовлены и запрятаны (кажется, под полом) Грабиным.

То же относится и к пушкам ЗИС-3.

***

Если это было, то почему не известно? Почему книга Грабина “Оружие победы” заканчивается 1942 годом? Кто-то запрещал об этом даже упоминать? И запрет сохраняется до сих пор?

А именно – запрет на знание о том, что важнейший элемент победы русского тяжелого оружия над немецким был заложен еще в 1935 году, когда Грабин стал изготавливать стволы своих пушек с двойным запасом металла.

Мы тут сталкиваемся с тем, что считалось недопустимым: отрицать “руководящую роль” понятно чего?

Или же недопустимым является просматривающееся в явном виде доказательство того, что так неохотно признают за русским человеком, – существование *загадки* русской души?

Исходя из собственного опыта создания первой в СССР действующей сканирующей системы (1973), использовавшейся для измерения и распознавания изображений в задачах физики высоких энергий, и исследования концепции “нелинейности времени”, которая через поиск *красоты* научных решений позволяет снижать затраты на исследования и разработки в 10–100 раз, а также последовавшей за этим поистине таинственной негативной реакции, автор склоняется к тому, что в Курской битве все же могли участвовать танки Т-34/85 и пушки ЗИС-3/85.

Похоже, однако, что и 76-мм пушки тоже были не такими уж неэффективными. Надо было только дать приблизиться или смешаться. Что немцам делать было никак нельзя. Но они это поняли не сразу. Да и как это сделать, если на войне есть еще противник?

В первый день боев, когда немецкие танковые дивизии СС угрожающе продвинулись в русскую оборону в направлении на Обоянь, командующий Воронежским фронтом Н. Ватутин отдал приказ командующему 1-й танковой армии М. Катукову перейти в контратаку. И снова – загадка. Катуков отказался выполнять этот приказ (а это – расстрел чистой воды). Он считал, что его армия погибнет и что сопротивление немцам будет гораздо эффективнее, если танки закопать в землю и организовать оборону. Созвонился напрямую со Сталиным (в нарушение устава) и получил его поддержку. Немцы не прошли. И повернули в другое направление – на железнодорожную станцию Прохоровку.

Сражение под Прохоровкой началось 10 июля и закончилось 17-го. Сначала немцы достигли некоторых успехов, чему много способствовали эффективные действия люфтваффе. Русская авиация в первую неделю боев действовала неудачно.

12 июля стало днем самого крупного в истории танкового сражения, которое получило название встречного боя. В нем с обеих сторон участвовало 1200 танков, в том числе 100 “тигров”. Танки Т-34 5-й танковой армии под командованием П. Ротмистрова, используя холмистость местности, с тяжелыми потерями ворвались в ряды немецких танков. Пыль, дым и гарь. Это было на руку вдвое более маневренным, чем “тигры”, Т-34. Два десятка русских танков пошли на таран. Во второй половине дня бой разгорелся по другую сторону от Прохоровки, и здесь проявили себя

пушки. * В этот день немецкий дух потерпел поражение.

Это еще нельзя было назвать победой, чаша весов колебалась. Но 13 июля Гитлер в связи с высадкой союзников на Сицилии приказал перебросить танковый корпус СС с боев под Курском в Италию. С этого дня он будет только защищаться.

Об авиации в Курской битве. С немецкой стороны участвовало 3 тысячи самолетов, с русской – 10 тысяч. Но для “тигров” даже наши штурмовики Ил-2, пушки которых были доведены до калибра 37 мм, были, похоже, не страшны. Правда, у штурмовиков были еще только что придуманные кумулятивные бомбы, но они, как известно, летят к цели не очень точно (здесь не все ясно).

Что касается дальнейшей судьбы новых немецких танков, то до конца войны их было произведено: “тигров” – 1350 штук, “пантер” – около 6 тысяч.

Танков Т-34, чей силуэт не изменялся, за время войны было произведено более 50 тысяч штук. С конца 1943 года их выпускали с 85-мм пушкой. Пушек ЗИС-3 произвели 100 тысяч штук.

Разведчика, доставившего в Советский Союз кольцо из секретной немецкой брони, наши “органы” в 1944 году расстреляли. Нашли, что в тылу врага он вел себя “не совсем правильно”.

Мистика победы

Немцам в Курской битве, как это может показаться, просто не повезло: если бы они ее начали, как и планировалось вначале, в мае, то у них было бы меньше “тигров” и “пантер” (раза в два по “тиграм” и в три по “пантерам”), но зато у русской стороны не было бы достаточно оружия, способного им противостоять – я исхожу из того, что в битве уже участвовали Т-34/85 и ЗИС-3/85.

Что заставило Гитлера передвинуть начало битвы на июль? Только ли логика его расчетов, в которых его потом обвиняли?

Наверно с этим можно было бы согласиться, если бы, кроме отмеченной неудачи, с немецкой стороны не было бы сделано еще большого числа других роковых ошибок:

---

* В Курской битве пушки сыграли особую роль. Так, в боях с 11 июля по 9 августа было подбито 43 “пантеры”, из них на долю пушек приходится около 56%, бронебойщиков – 22%, пехоты – 12% и танков – 10%. Гитлер даже отдал приказ: брать в плен пушки Грабина, чтобы использовать их на своей стороне. И это было. Но это было уже от отчаяния.

– немцы, познакомившись с русским танком Т-34 в первые же дни войны, не сразу приступили к разработке “тигра” и “пантеры” и в результате потеряли то самое драгоценное время, которое Гитлер и пытался потом получить (для изготовления новых танков), отодвигая начало битвы; а мы рассверливали стволы;

– не стоило, по-видимому, рисковать, выпуская в бой первые экземпляры еще засекреченного “тигра” за много месяцев до начала Курской битвы; хотя вероятность попадания этого танка в руки русских казалась почти немыслимой, но это произошло;

– столь же рискованным было и распространять сверхсекретную информацию о чудо-танках среди немецкой элиты, исходя из одной только уверенности, что в среду патриотов не может проникнуть русский шпион; а он проник;

– надо было, чтобы шпион оказался пройдохой-ловеласом, а у всесильного Круппа подросла бы к этому времени хорошенькая дочка; но и это совпало. Но также надо было еще, чтобы она дала свое согласие выйти за него замуж; и она его дала;

– надо было, чтобы подозрительные гестаповцы разрешили отлить кольца для помолвки не из золота, а из новой секретной брони; и они разрешили;

– надо было еще, когда кольцо из брони уже было в руках разведчика, суметь быстро пробраться из Германии в Советский Союз;

– надо было, чтобы Грабин задолго да начала Курской битвы заложил в стволы своих пушек двойной запас металла; *это было самое удивительное и необъяснимое*;

– надо было, чтобы на этом не “сыграли” дотошные соглядатаи и его бы не “привлекли” за перерасход дефицитного, особенно в начале войны, легированного металла; и это при том, что он вначале открыто говорил о своем решении, а значит – соглядатаям оно было известно;

– надо было, чтобы он, занимаясь полевыми дивизионными пушками, неожиданно взял бы и инициативно сконструировал еще и пушку для танка Т-34;

– надо было, чтобы Кошкин, проектируя танк Т-34, сконструировал его башню с таким запасом прочности, что в нее можно было устанавливать могучую пушку калибра 85 мм;

– надо было, чтобы сотрудник НКВД, перехвативший около Тулы прорывавшиеся на смотр в Москву первые два танка Т-34, настолько влюбился в эти невиданные машины, что нарушил

приказ (о задержке “беглецов”) и пошел сам, реально рискуя своей головой, с одним из этих танков (другой он сломал) дальше – это был настоящий подвиг; и это было;

– надо было, чтобы калибр 85 миллиметров оказался достаточным, чтобы все-таки пробивать “тигры”. А если бы Порше сделал его башенную броню немного толще?

– надо было, чтобы Катуков не подчинился приказу Ватутина, а иначе в первый же день битвы мы понесли бы тяжелое поражение; но танки Катукова выстояли, и немцам пришлось изменить направление своего наступления; а там, под Прохоровкой местность оказалась холмистой, что позволило танкам Ротмистрова навязать спасительное для Т-34 встречное танковое сражение;

– наконец, надо было, чтобы в русской истории Сталин победил Троцкого и прочитал книгу Гитлера “Майн кампф”, где была изложена идея сочетания жесткого режима с персональной поддержкой на государственном уровне пробивающихся в одиночку народных талантов. Троцкий, видевший в русском народе только материал для своих революционных экспериментов, этого никогда бы не сделал – у него все решения принимали бы профессора и лауреаты с их *общественно* признанными способностями.

И было бы тогда – “броня крепка, и танки наши быстры...” А в небе порхали бы никуда не спешащие наши истребители из “шарашкиной конторы”. Только что кони бы не ржали.

***

Представим теперь, что всего одно или два из перечисленных выше полутора десятков событий не произошли бы. Тогда в Курской битве “тигры” и “пантеры” могли бы безнаказанно, вселяя ужас, расстреливать наши танки. И потому возникает вопрос: не очень ли много необходимых условий потребовалось для того, чтобы русские выиграли эту битву?

С точки зрения математики – даже слишком много.

Поэтому все, что связано с этой победой, переломившей в 1943 году ход Второй мировой войны, невольно склоняет к мысли о том, что Россию с ее загадочной устремленностью к красоте и поискам “истинного пути” защищает распростертым над ней крылом какая-то неведомая сила…

“Наступлением на Курск я хотел повернуть судьбу. Я никогда не думал, что русские так сильны” (Гитлер, 1943 год).

Но все же самым главным навсегда останется 1941 год. Когда не был сломлен дух. И не забудем про предшествующие семь лет.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ ОБ ОРУЖИИ

ОШИБКА МЕССЕРШМИТТА

(Дневник. Из книги “Нелинейность времени”, 2003)

24 мая 2001 года, четверг. Женева. Сегодня в Европе какой-то религиозный праздник и потому ЦЕРН не работает. Все разъехались кто куда. Я встал спозаранок и поехал из Мейрана, где живу, в город. Поставил свой “Мерседес” около русской церкви и пошел побродить. На старой площади Bourg-de-Four не было никого. Только мусор на площадке около молодежного кафе.

Я прошел к скверу Saint-Pierre и посидел на скамейке. Косые лучи утреннего солнца заливали верхушки домов средневекового города. За каждым окошком здесь прошло столько жизней…

Проходя мимо дома Жана Кальвина, я совершенно явственно ощутил “что-то горячее”. Не скажу, что я в этом до конца уверен и что мне это понравилось. Но это “что-то”, я отметил, началось за несколько десятков метров до дома Кальвина и закончилось сразу за ним.

На завтрак меня пригласили Титовы, и мы ели пшенную кашу и пили со Славой белое вино. Если мне сейчас чего-то недоставало в жизни, так это только моего маленького зеленого домика в углу нашего участка в деревне, перед которым растет слива и где я много размышлял о том, что потом описывал в этой книге.

Как же хочется иногда все бросить! И – домой, к моей сливе.

***

После завтрака, записав приведенное выше и не зная, куда еще себя деть, лег спать. В час дня пообедал у Титовых, вернулся снова домой и понял, что кое-что из написанного надо либо уничтожить, либо разобраться, что я там намарал по утренней пьянке и что же я собой в действительности представляю.

То, что написано, называется хамством. Но уж очень хотелось отомстить.

Кому? За что? Разве что самому себе?

А может… Неужто – Кальвин?..

Сижу, как сыч, в этой Женеве. И злюсь. Злюсь на то, что у них праздник, а мне в результате надо убивать это время. Когда дома столько дел.

Со вчерашнего утра прошла, кажется, целая вечность. Человек в страдании поистине велик, как Бог. А в счастьи – глуп.

***

Не зная, где бы спрятаться от послеобеденного солнца, снова лег спать. Приснилась женщина. Когда проснулся в 17 часов, на улице гремела гроза.

Попытался вспомнить сон, но это не удалось. Остались только ощущения. Пришла мысль – поехать снова к дому Кальвина. Но вспомнил Хартмана (*о нем этот текст – см. ниже*) и переменил решение: кто его знает, что может означать это *тепло*…

В 18 часов наконец вышел из дома и поехал во Францию, на юго-запад от Женевы, в прекрасную предальпийскую Haute-Savoie (Верхнюю Савойю). Мой путь пролегал через Soral – Viry – Valleiry, – здесь налево через Bloux и Savigny к замку Marlioz (где мы жили со студентами в 1998-м), – затем спустился к речке Usses (там в ресторанчике перед мостом работает черноглазая красавица-барменша, выпил кофе) – и через Bonlieu на Frangy.

На выезде из Frangy дорога оказалась на ремонте, и я поехал по указателю в объезд, налево в гору. Но заблудился и приехал в замок Clermont, построенный в XVI веке. Темнеющее небо, мрачные квадратные башни с контрфорсами и словно наполненный духами черный лес: войти в него оказалось непросто. Внутри замка, через замочную скважину главных ворот и наискосок через стену, открывался кусочек веселого итальянского двора, с галереями и множеством каменных колонн. Над воротами – явно сооруженная позже игриво оформленная площадка, похоже, для музыкантов. Снаружи была большая поляна, обнесенная невысоким валом из грубого камня. Видимо, место для гуляний, без которых, как без дуэлей, французы были бы не совсем французы.

Я бродил один по пустынным закоулкам вокруг стен и в одном месте, у запрятавшегося входа в закрытые полукруглые ворота, *настроился* и представил, как здесь ходили одетые в латы люди. С алебардами и мушкетами – чудом века. В XVI веке, в XVII…

Возвращаясь обратно через Frangy – Viry – Soral – Satigny, я снял защитный ремень, чтобы хоть чуть-чуть прибавить опасности. Заморосило. От нагретой асфальтовой дороги поднимались волны тумана. Мой тяжелый корабль рассекал их желтым светом настороженных фар, выхватывая из темноты крутые повороты.

Что за день! Напился утром, нахамил, проспал полдня, попутешествовал, как добропорядочный буржуа. Я чувствовал себя здоровым, как свинопас. К тому же сейчас, в половине двенадцатого ночи, хочу открыть бутылку красного Beaujolais и приложиться как следует. А завтра – снова в кабину истребителя.

26 мая 2001 года, суббота. Женева. 21 час. Завтра домой. Так хочется вернуться в свою деревню!

В последние две недели было столько всего, наводящего на философские размышления, что я уже не раз выступал перед "аудиторией" из одного-двух человек. Благо и "вино лилось". И вот потому, что я, как мне говорят, рассказываю лучше, чем пишу, возникла идея – записать что-нибудь так, как если бы говорил.

Тема возникла как вопрос: "Что такое *красивое решение*".

Начну со своего примера. Когда я был студентом, то три последних семестра не ходил на лекции. Но был ли я бездельником?

В это время я брал в библиотеках книги Андерсена и учил наизусть его сказки. Пушкин и Лермонтов, Гоголь. Куприн, Чехов, Лев Толстой, Блок и Есенин. Левитан и Поленов. Владимирская икона и Рублев. Бальзак, Мопассан, Ремарк. Ван Гог. Но должен ли был я рассказывать кому-либо об этом? Находясь в возрасте немецкого летчика-аса Хартмана, я уже начинал сам кое-что пробовать в жизни "на зуб". Чтобы *искать себя*.

Первые шаги можно было бы назвать "корчагинскими". Иначе – прокоммунистическими. Как-то совсем незаметно я выступил в роли спортивного организатора на курсе. И никто не знает, как тяжело давалось провести хорошо любое соревнование.

Помню, уже на четвертом курсе я затеял соревнование по плаванию между десятью группами нашего курса. Видимо, это было уже никому не нужно, и я "вытянул" только на своей воле (как нас учили этому в комсомоле).

И вот вижу себя в последний момент перед соревнованием, когда требовалось еще раз обойти всех участников и лично обо всем напомнить. Это был уже четвертый обход, в этом была та самая "сила комиссара", которая ведет вперед "массы".

Но столько же было во всем этом и тупости. Кому было нужно это одноразовое, последнее в жизни соревнование по плаванию?

Я вспоминаю себя опустившимся руками на снег и воющим (так было плохо). И приказывающим себе: встань и иди!.. Зачем?

К счастью, я задал этот вопрос. И стал искать ответ. Но первые же попытки идти по этому пути привели к поиску ответов на неимоверно сложные проблемы: в чем смысл нашей жизни, зачем мы вообще живем и что это такое – Вселенная и бесконечность?

Видимо, поскольку еще никто на эти вопросы не ответил, то и я тоже. Но на этом направлении мучительных размышлений не все оказалось так уж безнадежно.

Выход, если его можно назвать таковым, был найден в отказе от поисков ответов на данные вопросы и в замене этих нерешаемых проблем на отслеживание *радости* и поиски *красоты*.

Именно это мне и видится в поведении Хартмана: как немец, он лучше других ощущал *радость борьбы*, а как гений, воспринимал *красоту*. Мой мир вначале был не так жесток. Но как русский, которому дано ощущать *красоту*, и как ушедший с головой в поэзию, я не мог раньше или позже не показать себя. Правда, в отсутствие настоящей борьбы и результат был примитивным. Но все же это была уже составляющая “высшего пилотажа”.

Проявлением этого “пилотажа” в моей жизни того времени стало посещение студенческой столовой. Однажды раздатчица супов задала мне вопрос: “Молодой человек, я заметила, что ты никогда не берешь полную порцию супа, а всегда – две полпорции. И вот мы даже стали обсуждать: почему?”

“А вы слейте две полпорции в одну миску”, – ответил я.

Я понимаю, что, возможно, большинство людей не согласятся со мной, что между этим ответом и победами Хартмана есть прямая связь. Однако я готов это отстаивать: связь в *красоте*.

Пусть кто-нибудь расскажет лучше меня, *увидевшего* под влиянием *прекрасных* сказок Андерсена отражение вселенского смысла в двух полпорциях супа, из каких элементов состояло поведение Хартмана. А то, что в его действиях присутствуют и динамизм и красота, я берусь показать. На этот раз *в виде рассказа*.

***

Вечером ужинаю у Титовых. И говорю: “Налей мне, Слава, белого. Хочешь, расскажу, что самое главное в философии немецкого летчика Хартмана, сбившего на русском фронте 352 самолета (среди них было 8 американских, когда те стали летать

там же, где и наши)? Это самое большое число сбитых кем-либо самолетов, ты знаешь, Кожедуб сбил 63, а Покрышкин – 59.

Правда, Покрышкин, как о нем говорят, сбил почти в два раза больше, но командир его полка многое не засчитал. Здесь тоже есть кое-что интересное, и прежде, чем рассказывать о главном, я скажу немного об Иване Кожедубе и Александре Покрышкине.

Кожедуб всегда летал с двумя ведомыми. И подбив немецкий самолет, приказывал ведомым добивать его. Но потом всегда записывал победу на свой счет. Поэтому в его полку был только один Герой Советского Союза. Ну да, трижды Герой. А около Покрышкина было несколько Героев. И, похоже, царила *свобода*…

Но вернемся к заданному вопросу. Так вот, на мой взгляд, самым главным в философии Хартмана было: не вступать в бой.

Это странно? Но представь: начав летать в октябре 1942-го, он за два с половиной военных года участвовал в 1400 боевых вылетах, из них 800 раз встречался с русскими самолетами. Если бы он вступал с ними в открытый бой, то никаких шансов, как он сам считал, остаться в живых у него не было бы. Поэтому его первым правилом было: оценить, стоит ли рисковать. И он никогда не шел на обоюдный бой, а только – сбивал.

А если видел, что его заметили, или если атака не удалась, после чего ему могли навязать бой, то всегда уходил.

Теперь о самой атаке. Здесь он применял сразу два красивых приема. Первый состоял в разгоне самолета до большой скорости, применяя пикирование на атакуемый самолет. Поэтому он летал всегда на большой высоте.

Второй – в сближении до расстояния всего в 15–20 метров перед началом стрельбы. При этом он на “скорости пикирования” мгновенно пересекал горизонтальную зону обзора, где его еще мог увидеть летчик атакуемого самолета, а затем направлял свой “мессершмитт” Bf 109 на самолет противника снизу. При сближении до указанных 15–20 метров самолет-жертва уже закрывал собой все небо. И тогда он давал залп из своих пушек, словно в забор: промахнуться было просто невозможно.

И тут же уходил в сторону и вниз, чтобы не быть задетым падающим самолетом. Благо его скорость была очень большой.

Кто он был? Назвать его трусом за то, что он не вступал в открытый бой, не посмеет никто. К тому же и его самолет падал на землю десяток раз. Но он каждый раз так или иначе оставался живым и возвращался в свой полк.

Однажды его даже взяли в плен русские солдаты. Но он перехитрил их, прикинувшись раненым, и сумел убежать. Можно сказать, поступил “нечестно”. Но можно ли его за это судить?

Да и кто наши судьи? Мне, начавшему поиски роли красоты в студенческой столовой и пришедшему к дуализму времени (времени жизни человека и времени, засчитываемому со стороны *тех*, кто “наверху”, кому интересны только творимые человеком преобразования), – эти судьи известны. Они проявились, когда я вступил *один* на путь борьбы за *победы*. Но их (судей) не видно.

Открытием этого “пути для разведчика-одиночки” и был силен Хартман. И он, а в моем представлении он – настоящий гений, показал, насколько эффективно соединить немецкое устремление к “радости борьбы” с ориентацией на поиск “красивых” решений. Носителем которой (направляющей борьбу на победы) в христианском мире является в наибольшей мере русский человек.

А это именно то, чем мы и занимаемся в Женеве, прокладывая дорогу в будущее. Что оказалось совсем не просто, даже опасно: *время* – оружие. Это и крылья, но также и ненависть, и кинжал.

Так что налей-ка еще, Слава! Выпьем за то, к чему, блуждая в потемках бескрайней науки, мы пришли по звездам из русских снегов: за *красоту*, которая учит нас оставаться невидимыми”.

***

И да простят меня наши погибшие летчики-мальчишки за то, что я так восхваляю их гениального врага.

Я это делаю, встав на позиции “*тех*, кому интересны только творимые человеком преобразования”. А здесь все равны. И победители, и побежденные. Ибо для тех, кто “наверху”, важна уже сама *борьба*. Или *движение*, мужское начало, которое и привело в XX веке к выходу человека в космос и к другим великим делам.

А борьбы без жертв не бывает. И чем с большим размахом она ведется, тем ярче оказываются достигнутые результаты..

Так что жертвы – эти рассуждения я веду как бы из другого пространства – “необходимы”? Беда, похоже, не столько в этом, а в том, что над этим начинают глумиться. И убивать исподтишка.

В нашем случае – носителей *духа красоты*. Женское начало.

Что означает – эта странная мысль пришла только сейчас, – что в этот раз распинают уже не *Бога Сына*, а – *Святой Дух*…

А дальше – новое воскресение? Ведь, как сказано в Великой Книге, – “нет ничего нового…” На это – наши надежды.

24 июня 2001 года, воскресенье. Дубна. К нам приехала новая сотрудница Николая Кульберга (*помощник генерального директора ЦЕРН, спасавший в 1990-х годах физику высоких энергий в России*), и по его просьбе мы показываем ей Россию.

В пятницу были в нашем Институте. Я провел ее на синхроциклотрон (теперь он называется фазотрон), где меня узнавали, и это было приятно и лестно.

Потом поехали в Кимры, в гости к моему другу-художнику Петру Гусеву. С ним была договоренность, и нам была приготовлена уха. Я не мог не выпить рюмку водки. Ходили в Краеведческий музей, где работает наша детская школа компьютерной живописи, и я был просто поражен тем, как далеко продвигается это, в общем-то не самое главное для меня, мое дело.

Вчера были в Сергиевом Посаде, а сегодня едем в Тверь. Оттуда – в деревню на два дня. В планах – съездить в никоновский Новый Иерусалим. Эта прогулка – наш отдых, больше, возможно, в этом году никуда податься не удастся.

За прошедшие дни мне пришли две важные мысли. Первая – о Сергии Радонежском. Мне стало как-то неожиданно ясно, что он, отказавшись от предложения митрополита Алексия занять *после него* эту должность, при своей гигантской популярности, поставившей его после смерти Алексия (1378) выше избранного митрополитом серба Киприана, еще больше *понизил* властное начало в русской религиозной жизни. И тем самым еще высвободил дух. Что и привело к тому, о чем я говорю в своих рассуждениях: к формированию философии *русского* староправославия. Которое станет еще и *северным* после раскола в XVII веке, последовавшего за реформами Никона, ориентированными на возвышение роли патриарха и гонения на свободу. Но последнее, связанное с именем протопопа Аввакума, было направлено на спасение, а роль создателя этой философии принадлежит преп. Сергию.

Вторая пришедшая в последние дни мысль связана с немецким летчиком-асом Хартманом. Его действия, описанные мной выше на основе прочитанного о нем, должны быть отнесены к исключительно *красивым*. Но в чем же тогда, спрашивается, разница между русскими и немцами, если “самым красивым” оказался не русский пилот, а немецкий? А в том, отвечаю, что русская мысль была направлена на победу авиации, а не отдельного рыцаря-героя. Что и возвышает русское понимание *красоты* над немецким, когда мы переходим к таким категориям как “смысл жизни”.

10 сентября 2001 года, понедельник. Деревня. Два с половиной месяца я не вел дневник. Это было спокойное время. И я воспользовался этим и написал статьи “Интернет и коллективный разум” и “A moderated Collaborative Web Community”, которые и сдал в редакцию журнала “Философские исследования”. < … >

Странное у нас затишье, похожее на фронтовое. Через неделю еду на месяц в ЦЕРН и к этому времени хотел бы “сварганить” новую книгу – из того, что уже написано. Начал работать 7-го, а сегодня набросал план книги в виде ее оглавления. И *ощутил* ее.

Интересно отметить, что сегодня утром мы с Еленой должны были вернуться в Дубну. Но я так плохо почувствовал себя после завтрака (что со мной бывает совсем не часто), что сначала отложил отъезд до обеда, потом до вечера и, наконец, заявил, что едем завтра утром. И стал писать план книги. Елену укусила оса.

В обед Елена покормила молоком с хлебом четырех котят с соседнего участка, которых позавчера привела к нам в дом кошка Мурка после того, как мы ее приласкали. Тогда пришлось гонять эту ораву, кидая легкие поленья. Теперь им разрешено получать еду только около угла забора. Однако Мурка, на которую запреты не распространялись, сама игнорирует нас. Поистине, как считает наша внучка Света, “все кошки дуры и воруют колбасу”.

Если же это она, кошка-ведьма, наслала на нас неприятности, то, как мне подумалось, объяснение задержки с местью связано с тем, что *наверху* сначала принимают “заявки” и лишь через какое-то время выносят “судебное решение”. Похоже, что *там* тоже ничего не делается тяп-ляп. Я даже представил этот кошачий суд: во главе сидит здоровый котяра, а вокруг такие милые кошечки. И обсуждают меня. И все это, конечно, происходит только ночью. Надеясь на их снисхождение, я и отложил отъезд до утра.

12 сентября 2001 года, среда. 6 часов 50 минут. Дубна. Вчера включил телевизор в 19 часов 55 минут, чтобы посмотреть последние новости (в 20 часов), и увидел огромное здание, охваченное пожаром. Елена в коридоре провожала мать, и я, еще не понимая, что происходит, не стал звать ее. Но текст под изображением, сообщающий о том, что передачу ведет CNN и что “America under Attack” (Америка атакована), сначала “остановил” меня, а когда я увидел, как второй самолет прошивает соседнее здание Всемирного торгового центра, то сразу все понял.

7 часов 20 минут. Прервался на двадцать минут, чтобы посмотреть в 7 часов последние известия. Ни в 6:45, когда включил телевизор, ни сейчас ничего сенсационного не передали. Только сообщили, что получены некоторые доказательства, наводящие на причастность к террористическому акту Усамы бен Ладена, и что от пожара рухнуло еще одно большое здание в Нью-Йорке.

“Убавь звук”, – с раздражением сказала, приоткрыв дверь на кухню (где я смотрел передачи по телевизору), Елена. Она в это время еще спит.

Вчера смотрел передачи, не прерываясь, до часу ночи, пока не свалился от усталости. Меня нельзя назвать нейтральным наблюдателем, все написанное в моей книге показывает, как я отношусь к Западному миру. Здесь есть и глубочайшее уважение к научным и другим интеллектуальным достижениям, перед которыми я в буквальном смысле склоняюсь, и есть другое – чувство полного непонимания, почему я, ни в чем не виноватый ни перед кем и принесший новые идеи в этот мир, могу в любой день оказаться обреченным им, этим миром, на голодное существование. Поэтому это “убавь звук” для меня очень даже понятно.

Под этими настроениями я и смотрел вчера на лица людей на улицах Нью-Йорка и ждал, что скажут наши и американцы как первую реакцию на произошедшее. Наши, как всегда, были неярки, но в целом правильны. Но было и исключение – Владимир Познер, умница, которого я всегда “подозревал” в тайном филосемитстве, но на этот раз, во время постигшего десятки тысяч людей подлинного горя, когда *лгать нельзя*, я увидел настоящего русского интеллигента. Все правильно, что он сказал: наступает новая эра мышления в политике. Хотя он и сомневается, что так же будет рассуждать и Америка.

И мне вспомнился разговор философа В.С.Степина с Робертом Кайо (*разговор приведен в книге “Нелинейность времени”*), где он предрек, что труднее всех будет перестроиться в новое время (а оно, по всем ощущениям, наступает) оказавшимся победителем Соединенным Штатам. Именно это (я говорю о неспособности к перестройке) можно было услышать вчера в патетически сдержанном, полном “чувства любви” к *своему* народу, на который обрушилось нежданное горе, выступлении Буша-младшего. Который делит мир на Америку и не-Америку. А мир уже начал сам перестраиваться, разделяясь на духовный и на сыто-тупой.

К последнему Америка уже скатывается, еще не осознавая этого. Как не осознает это ее держащийся за “правила” (иначе его слова не назовешь) президент. А надо было найти вчера совершенно другие слова. И с ними войти в мировую историю.

Но нельзя учить уму богатого и сильного.

На этом фоне я и ищу отклик на чужое горе в своем сердце. И нахожу, что мне по тому, что чувствую, ближе не христиане, а иудеи. В философии которых есть нечто от *грубого, но чистого*. Того, что, как это видится, было у русов-язычников до принятия ими христианства, когда понятие о справедливости было заменено на любовь. Любовь выше, но *та ли* это сегодня любовь? Не стала ли она там, на Западе, “гуманитарной”?

Теперь приходит новое время – духовности. Где гуманитарные ценности, в чем-то главном *формальные*, оставляющие впечатление чего-то искусственного и исчерпавшего себя, в частности, на примере Америки, (что же тогда ни один американец не любит меня, русского, которого политика их страны обрекает на унижения? И отчего я тоже не нахожу в своем сердце любви к американцам? Я же знаю: не оттого, что Россия проиграла “холодную войну”, здесь мне все равно. Ну, может, не совсем все равно, но все же конец жестокой, зашедшей со временем в тупик большевистской системы важнее. А нет любви к американцам по каким-то иным причинам, например, из-за презрения со стороны меня, русского, к их фальшивым супергероям в голливудских фильмах, любой из которых, попади он на русско-немецкий фронт, … …), должны будут заменены на уважение к *нематериальным* достоинствам личности, вне зависимости от принадлежности человека к той или иной системе.

23 часа 25 минут. Только что пришло сообщение, что Америка отказывается от любой зарубежной помощи по спасению людей, находящихся под обломками разрушенных зданий. Это то, что наводит на печаль. И проясняет реалии жизни. Упущен великий шанс в истории человечества.

Оглядываясь назад, на последние три дня, я отмечаю, что, начиная с понедельника, 10-го, нахожусь в каком-то необычном состоянии. В понедельник вообще был не просто болен, но пролежал примерно до 17 часов в состоянии лихорадочной слабости. На улице было около 20 градусов, но я тепло оделся и лежал укрытый ватным одеялом. Елена трогала голову, но температуры

не было. Около 18 часов принял решение: отложить возвращение до завтра (вторника) и сел за компьютер работать над текстом книги. Работал до 4 часов 30 минут вторника (это при том, что весь день был без сил, правда, много спал), начав с оглавления (плана книги). После чего как-то немного неожиданно махнул про странности прошедшего дня.

Сейчас просмотрел этот текст и удивился, найдя в нем слова: “Странное у нас затишье, похожее на фронтовое”.

Помню, как они были написаны: они пришли в голову, но я их отбросил как слишком пафосные для описания своей жизни. Но они снова пришли, и я решил тогда все же записать их. После чего получился еще и тот самый текст про кошку Мурку с котятами, который, несмотря на то, что он делает представление обо мне, как о немного странном субъекте, решил все же оставить. К тому же он в чем-то совпадает с моей моделью взаимодействия человека с параллельным миром.

А во вторник 11-го была совсем уже странная поездка на автомашине в Дубну. Дважды я обгонял на дороге медленно катящие тракторы, имея впереди крутые повороты (дорога на Рогачево). А в третий раз совершил просто невообразимое: вышел при обгоне на прямой на встречную полосу, хотя видел идущую навстречу “Волгу”. Чтобы разминуться на асфальтовой ленте, надо было вписаться в коридор между двумя машинами с запасом в 20-30 сантиметров. И это при том, что я шел на скорости в 100 километров. Старая черная “Волга” шарахнулась от меня на обочину, подняв тучу пыли. Все это я увидел уже в зеркале и, чувствуя себя идиотом за баранкой иномарки, разогнал свою “Subaru” на довольно узкой дороге до 130 километров, чтобы не оставить водителю “Волги”, если ему вдруг захочется “разобраться” со мной, на это никаких шансов. Проехав так какое-то время, все же взял себя в руки и, выезжая на отрезок Дмитров–Дубна, резко снизил скорость, чтобы перейти в *другое пространство*. Такого со мной не было лет десять – с того времени, когда только начинал ездить на машине (еще раньше не было денег на покупку).

Приехав в Дубну в половине второго (в обед), мы купили на рынке два арбуза и сразу завезли их к матери Елены, у которой на такие дорогие по ее средствам покупки нет денег. Потом поехали к себе домой. Пока Елена варила гречневую кашу (я согласился впервые со вчерашнего дня что-нибудь поесть), сел за компьютер, чтобы вставить в текст последнее письмо отца.

Тяжесть письма породила вспышку переживаний и с ними – мысли о раздвоении красоты. Но когда потребовалось описать схему раздвоения, представляющую разделение красоты на нисходящую и восходящую и проявление времени в процессе творения новых слов и идей (здесь действует красота, нисходящая на человека “сверху”) или в другом процессе – инженерного созидания и преобразований мира (здесь красота создается, я ее назвал восходящей), то у меня произошла осечка. За полчаса не получилось: слишком много было сложного и даже путаного в моих мыслях, и выносить их все в текст книги было бы неправильно. К тому же с головой все еще творилось что-то неладное.

Но вернемся к сегодняшнему дню, второму после трагедии, которая войдет в историю XXI века. Утром мне позвонил мой товарищ по работе, с которым мы в ближайшие дни должны ехать в ЦЕРН, и сказал, что курс обмена долларов на рубли упал с отметки 29,5 до 15. Для нас это плохо.

Я зашел к “девчонкам”-секретаршам в административном корпусе и попросил сделать кофе. Состояние какого-то зачумленного обалдения не отпускало. Вошел один из ученых-клерков, который когда-то начинал свою карьеру с работы в нашем научном секторе. Воспользовавшись появлением интеллектуала, я предложил ему вопрос, с которым сам “познакомился” только недавно: что главнее – справедливость или любовь?

В ответ получил замечание: даже в том, как я сижу на стуле (развалившись и протянув ноги), видны зазнайство и самоуверенность. Но это было не совсем так: Николай Кульберг, например, может разговаривать, положив ноги на стол. И я все же втянул его в разговор, в процессе которого нашел интересную поправку к рассуждениям, написанным выше (утром). Я понял, чем отличается справедливость по-еврейски от справедливости по-русски. Первая опирается на силу разума и возведена в закон, а вторая – на сердце. А сердце – это любовь и совесть. И красота и время.

Но разве не об этом и писал еще в XI веке Иларион в трактате “Слово о законе и благодати”, готовя души к Расколу в XII веке?..

И мне стало немного жаль мою Россию, которая предлагала помощь Америке вчера и сегодня. За такую помощь, которая позволила бы спасти чьи-то жизни, Великой Разумом Нации пришлось бы платить проявлением симпатии к русскому народу.

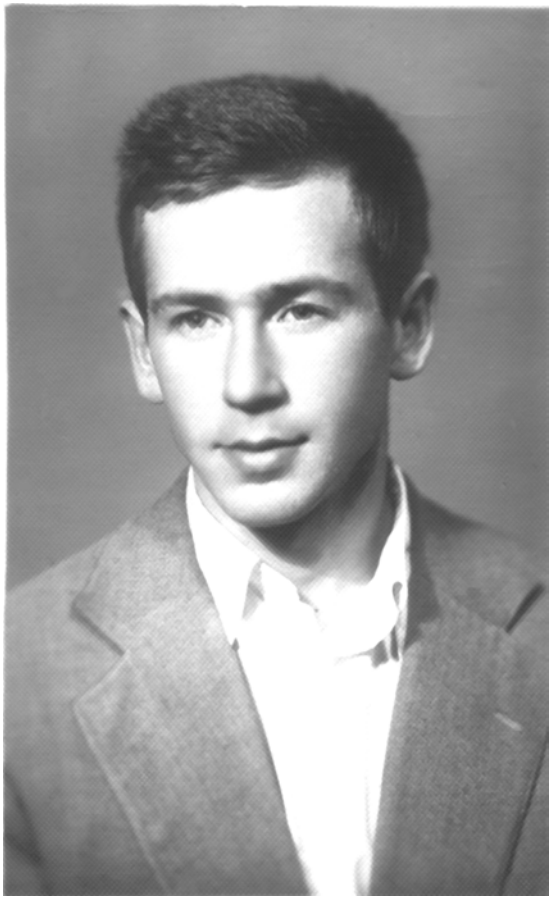
Да поможет Бог (я никогда еще так не говорил) перенести последние страдания тем, кто сейчас умирает под обломками.

Ч Е Р Н О Е О З Е Р О

Повесть. Зарисовки из студенческой жизни,
конец 1950-х годов *

---

* Из книги автора “Москва – старинный город”. ОИЯИ, Дубна, 1997. Текст повести представлен в сокращении.



Автор – студент

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПОЖАРНОЙ БОЧКЕ

От лестничной площадки, на которой сидит студент-вахтер, по-служивому подозрительно таращащий на меня заспанные глаза, еще восемь ступенек вниз. Тяжелая дверь с большой деревянной ручкой. На мгновение наваливается давящая темнота. И – солнце! Рыжее, золотое. Тишина. Но какая странная?.. Ненадежная утренняя тишина...

...совпадающая г д е - т о с теми тоже странными ощущениями чего-то неизвестного, что должно скоро произойти со мной. И наоборот, все то, о чем я так много думал в последнее время под влиянием этих настроений и что привело к идее – поставить эксперимент о реальности проявления судьбы, сегодня, когда эксперимент уже пошел, сразу оказалось словно отображенным в том, что я сейчас видел. Хотя н и ч е г о о с о б е н н о г о если посмотреть со стороны, во всем, что меня окружало, вроде бы не было...

Безлюдная, словно вымершая, улица освещена на одной стороне лучами восходящего солнца, в то время как другая ее сторона погружена в длинные черные тени. Тяжелые дома постройки первых послевоенных лет, серые или желтые, и торчащие вениками молодые тополя – кажется, они никогда и не вырастут. Поликлиника, длинный забор и снова густая тень. Шаги гулко раздаются в пустоте, отгороженной стеклами окон.

Странные настроения и странная пустота... Это совпадение было как символ. Казалось, едва затронув саму тему исследования судьбы, я сразу обрел возможность видеть мир не так, как он представлен обычно людям, но глубже и острее и как бы проникая в скрытую сущность жизни. Взять хотя бы это подмеченное совпадение странности моих настроений и странной пустоты улицы, по которой я иду о д и н в самом начале эксперимента. Оно, это совпадение с т р а н н о с т и того и другого, на которое я едва ли обратил бы внимание в иное время, при о б ы ч н ы х обстоятельствах, несло, как сейчас казалось, какой-то внутренний смысл и воспринималось чуть ли не как "знамение"...

Всегда людный перекресток Красноказарменной и Лефортовского вала сейчас тоже пуст, и пока я жду свой трамвай, лишь одна девчонка прошла мимо. Я отвернулся, чтобы дать ей посмотреть на меня, а в последний момент, когда она проходила совсем рядом, открыто взглянул на нее. Она улыбнулась. Я ответил ей глазами: ты сейчас моя. Она в ответ: твоя. И прошла дальше.

Подошел трамвай и застучал тормозами, зашумел открывающимися дверьми. Правила требовали войти и уехать, и я вошел.

А может, я не прав сейчас? Может, это и есть – судьба? Ведь именно об элементах управления ею я думал все последнее время. И вот на этом пути сделан первый шаг – включением в "игру" с поставленным экспериментом, – а этого, возможно, уже достаточно, чтобы она начала проявляться?

И она – вот эта девушка, которая еще никуда не ушла, – уже проявилась? А у меня еще есть секунда-вторая: можно сойти! Но... я не сделаю этого. Двери захлопнулись, и трамвай с грохотом покатился от навсегда ушедшего в неизвестность к какой-то другой неизвестности.

Какая тупая тоска... Я стою и держусь за серую стальную ручку, а за окном мелькают знакомые до противного стеклянный лабораторный корпус с круглой башней, строящийся хлебозавод.

Вот сейчас, в эту секунду, я проезжаю хлебозавод. Это именно я его проезжаю. Почему так медленно тянется время? Вот он. Хлебозавод. А вот я. Стою и держусь за серую ручку. И смотрю на завод изнутри себя своими глазами и вижу его. Ну и что? Какая пустота внутри... И надо еще что-то делать. Механически

взяв билет, пошел вдоль вагона искать *свое* место. Выбрав одно, мгновение подумал и сел на соседнее, *именно то самое*. Трамвай в это время стал поворачивать налево, и я напряг слегка мышцы. Тело послушно вдавилось в полумягкое сиденье, и я вместе с трамваем пошел на поворот.

Вот бы прибавить сейчас хоть немного скорости!..

Была ли “потеря” девчонки не такой уж невосполнимой, или же это был всего лишь “проблеск судьбы”, где были уже движение и поиск, но еще не было настоящего пересечения с ней (судьбой), а может, просто “сделали” свое дело дважды совершенные *по правилам* поступки – не унизился перед собой (не выпрыгнул из трамвая за первой же юбкой) и следом сделал еще один “правильный” шаг, когда стал искать и нашел в трамвае “свое” место, – как знать, что здесь было причиной? – но только нахлынувшее было давящее чувство тоски стало переходить в не столь уже мучительную грусть. Уже совсем не безысходную, но светлую и тихую, такую красно-золотистую. Как ранний весенний вечер, когда в морозном быстро темнеющем мартовском небе вспыхивает первая звезда.

Все же как сложно устроен мир! Стоило бы мне попытаться догнать ту девушку и заговорить, как – уверен – все померкло бы. Но стоит мне ее еще раз случайно встретить, в этот день, расставаясь, я ее поцелую.

Как будто в каждой конкретной ситуации есть всего лишь одно решение, один узкий коридор, и человеку только и остается – найти его и пройти по нему. А нарушишь правила – выбываешь из игры.

Но ч т о тогда создает эти “ситуации”? Что-то “сверху” или же это “что-то” зависит также от человека?

Задумавшись, я чуть не проехал свою остановку на Абельмановской. Водитель, увидев, что я рванулся в последний момент, снова открыл захлопнувшиеся было двери. Киваю ему на ходу и выскакиваю из трамвая. Дальше пять остановок троллейбусом до Авторемонтной.

Переулок. Речка-канава с неимоверно грязной водой. Старые покрышки в журчащей воде. Последние минуты свободы... Мостик. Склад. Я чувствую себя здесь хозяином, толкаю дверь ногой и вхожу в проходную.

– Что-то раненько сегодня. Здравствуйте! – Голос сторожихи, еще молодой незамужней бабы лет тридцати, толстой, с тонкими выщипанными бровями, застал меня врасплох.

– А, здрасьте! – Я вложил в то, как произнес это “здрасьте”, немного оправдания перед ней за то, что не сразу ее заметил.

В предстоящем “спектакле” требовалось разыграть все до мелочей. Сейчас это было очень важно, и любая, даже самая маленькая, оплошность могла погубить задуманное.

Но все шло гладко. Тон, которым я поздоровался с незамеченной поначалу сторожихой, тоже был *правильный*. И теперь глупая честная сторожиха, с которой у нас были по-своему дружеские отношения, непременно скажет “ребятам”, когда они придут через полчаса, на волне “разведенного” мной сентиментального настроения: “А один уже пришел. Спрашивал: ребята не приходили?” И это тоже будет еще одним камешком в том, похожем всего лишь на карточный домик, здании из абсурда и нелепых нагромождений, которое я собирался сегодня построить – не без надежды на поддержку со стороны таинственного невидимого Провидения. Что, в свою очередь, в случае успеха с этим сомнительным делом могло бы рассматриваться как доказательство (пусть это будет всего лишь элементом доказательства и только для меня) существования этого самого Провидения – как некой “силы” в проявлении судьбы. И притом – *управляемой* силы.

И вот пока все шло так, как должно было быть...

Пройдя на территорию, я завернул за сарай. Выгрузив из спортивной сумки целую гору пузырьков и бутылок с синими и фиолетовыми чернилами, собранных со всего общежития, на секунду остановился. Получится или не получится? Если окажется, что чернила не тяжелее воды... Взяв бутылку, опустил ее в глубину сорокаведерной пожарной бочки и перевернул. Подождав минуту, осторожно вытащил обратно. Удача! В бутылке была вода, а чернила вылились в воду и ушли на дно. Вслед за первой в дело пошла и остальная “посуда”. Наконец, покончив с “работой”, я вскарабкался на вершину четырехметрового штабеля из сохнувших досок: не сидеть же внизу, когда есть такая возможность – забраться на крышу. Теперь только ждать. До прихода бригады оставалось еще пятнадцать минут.

Я лег на спину и закинул руки за голову. От штабеля шел запах свеженаколотых дров. А в небе таяло маленькое подковообразное облачко. И скоро его уже никто никогда не увидит.

Когда-то в детстве я ходил в музыкальную школу. Меня нельзя было назвать успевающим учеником. Вся эта затея с музыкальной учебой принадлежала целиком моей матери, хотевшей во что бы то ни стало дать мне хорошее образование. Я же относился к этому несколько иначе и часто не успевал даже вымыть руки перед занятием в школе после игры в футбол с мальчишками в нашем дворе.

Как хорошо я помню эти звуки глухих ударов по кирзовому футбольному мячу, которые врывались в открытые окна нашей комнаты, когда я должен был с отвращением нажимать желтоватые клавиши ненавистного трофейного пианино, отрабатывая в пассажах все эти “нежно и задумчиво” или “бодро и энергично, как вода в ручейке”, поставленные задания. От меня это требовалось делать “ну, хотя бы сорок минут каждый день”. И это были сорок минут ежедневной медленной пытки.

Не каждый это поймет, а кто-то, возможно, прочтет эти строки даже с чувством презрения. Но я, рожденный под знаками Тигра и Овна, этими двумя огненными символами борьбы и безрассудства, был предназначен, по-видимому, для чего-то совсем иного – ведь я же чувствовал это! К тому же мой старший брат тогда, в конце наполненных упоением победы сороковых годов, был соперником самого, как потом оказалось, Льва Яшина. Стоявшему на воротах московского “Динамо” Алексею Хомичу в 1949 году стали подбирать молодую смену. И вот тогда, на последнем этапе выбора, была устроена игра между командами “Юный динамовец” и студенческим “Буревестником”. На воротах сборной студенческой Москвы стоял мой восемнадцатилетний двоюродный брат, и это его, а не Яшина, “не показавшегося” в этом матче, выбрали тогда победителем в конкурсе динамовские тренеры. Однако судьбы великих людей, похоже, полны кажущихся случайностей. Брат мой после сложных раздумий все же не решился уйти в профессионалы, ибо это, как он говорил мне позже, помешало бы ему доучиться и стать инженером. Он повторял эту мысль потом еще многие годы. И я всегда “соглашался” с ним. Занявшего же “его” место Яшина (его игру) он очень любил.

А мне нравилось нападение. И если выкраивалась какая-то возможность, всегда бежал на футбольную площадку. А оттуда шел прямиком в музыкальную школу.

Понятно, что в школе меня уже “любили не очень”. И учительница (мы жили тогда в одном из прибалтийских городов) била меня карандашом по пальцам. Это было больно и очень обидно. И хорошо помню, как, направляясь в школу с черной нотной папкой с витыми ручками-шнурами (которую за ее “девчачий” вид ненавидел еще больше, чем само пианино), я думал: впереди еще целых шесть кварталов. Потом их оставалось четыре, два...

И вот тогда, по дороге в музыкальную школу, я придумал одну игру. В одном месте дорога к школе поворачивала налево, но можно было пройти еще квартал и только тогда поворачивать налево. Перед самой школой оба пути сходились. Игра состояла в принятии решения: по какому пути пойти сегодня? Не зависит ли от этого то, как ко мне отнесутся в школе? И не связано ли это вообще с моей судьбой? Ведь, пойдя сразу налево, я уже потому, что увижу другие дома, других людей, и мыслить буду совсем иначе, а это значит – я совершу в это время другие поступки. Пусть это будет даже что-то и вовсе незначительное. Но все равно это будут уже не те поступки, которые я совершил бы, пойдя в этом месте прямо. И кто знает, быть может, это послужит началом совсем другого пути...

А потому каждый раз, доходя до развилки, я – подобно старшему брату – испытывал мучительное чувство сомнения и тоски по утерянному.

Но в школе меня все равно били по-прежнему. Этим желтым шестигранным карандашом фабрики “Сакко и Ванцетти”, который почему-то никогда не стачивался хотя бы до половины. И в ожидании своей очереди к учительнице, стоя у окна, выходящего в узкий монастырский двор, я смотрел на пробивающуюся между камней травку и думал о том, что вот я тоже живу и у меня есть также своя судьба. И хотя я прожил уже десять лет своей жизни, но впереди оставалось самое интересное. Мне верилось в это. Я *хотел* в это верить. Как продолжаю думать об этом и теперь.

А вот в “хорошую” учительницу, которую можно было бы сделать такой, правильно выбрав дорогу в школу, перестал верить довольно скоро. И если бы не воспоминания о “несчастной” травке, возможно, обо всем этом уже совсем бы не помнил.

Ведь, как и травка, в той игре я был *не свободен*. Слишком уж очевидными были связи моих музыкальных злоключений с “этим грязным и никому не нужным футболом”, и просто так, пойдя налево или же прямо, эти связи было не изменить.

Но сейчас – совсем другое дело. Ведь девчонку я встретил чисто случайно. И если согласиться еще и с тем, что наше будущее связано с поступками, которые мы совершаем сегодня, – быть может, связано даже буквально, вплоть до того: буду ли я и дальше смотреть на это тающее в небе облако или нет? – то как в этом случае угадать, *сколько* надо смотреть на это облако, чтобы жизнь пошла именно в таком направлении, которое приведет к новой встрече с той красавицей-девчонкой?

В восемь пришла вся бригада. Увидев меня, одиноко сидящего на штабеле, они покатились хохотом.

– На ель ворона взгромоздясь... – Борька, мой друг и наш бригадир, ужасно довольный, что смеется надо мной, попался уже на удочку, которую я и не готовил...

– А я встретил девушку, – сказал я слезая.

Хохот покатился снова:

– И мы тоже! – В окошке за стеклами застыло круглое лицо сторожихи.

Сейчас надо было говорить, говорить... Главное – не дать ему почувствовать подвоха с моим ранним появлением на складе.

Борьке, для которого я строил весь этот “карточный домик”, сказали, что мне поставили звонок будильника так, чтобы мог подумать, что это розыгрыш на мое опоздание. И чтобы еще подумалось, что проспал и все давно уехали. После чего, по замыслу “злоумышленников”, я должен был, кое-как умывшись и похватав на ходу что попало, полететь (на трамвае) на склад. И только тут должен был, наконец, понять, что, кроме ложной установки звонка, перевели еще и стрелки. И что в действительности все еще только просыпаются.

Хоть какое-то, но это было объяснение для моего раннего появления на складе. Однако в спектакле, как известно, важно не только его содержание, но и игра. Особенно же опасны паузы, с помощью которых, как оказалось, можно даже создать чуть ли не самый лучший театр. “Художественно” передавая настроение.

Между тем Борька подошел к *своей* бочке и внимательно и ревниво осмотрел ее.

– Что-то песочка на дне не видно. – Борька был старый волк в такой же, как он, волчьей стае, и осторожности ему было не занимать. Но в бочку он все равно залезть должен! Я как можно более лениво подошел к нему и посмотрел на дело своих рук. Н-да...

– Это солнце наискосок. А хочешь – помогу, перевернем и нальем снова. Только условие: я тоже купаюсь. После тебя, – добавил я, вовремя спохватившись по ходу спасительной мысли-экспромта и предлагая ему значительную уступку. Неужели он согласится?

Он внимательно посмотрел мне в глаза и отчеканил:

– Хрен вам всем! Вот такой: две лягушки, две квакушки. – Он показал нам две фиги.

Со своей точки зрения он был, безусловно, прав. Вчера, когда он предложил нам отчистить пожарную бочку от грязи и слизи, чтобы превратить ее в “шикарный бассейн”, ему – от лени – никто помогать не захотел. После чего он, “такой передовой”, вычерпал и выскреб ее в одиночку, а потом еще и залил свежей водой, пожертвовав на это все свои перерывы. И недвусмысленно объявил, что бочка переходит теперь в его частную собственность, – заявление конечно же явно неосмотрительное.

Ибо ни одна точка зрения не бывает абсолютно верной. Он, похоже, забыл, что склад – это пиратский корабль, и законы на нем, хотя и жестокие, отличаются высшей справедливостью.

И так, шаг за шагом, он уже вчера покатился к своей гибели: начав с ошибки – отказавшись поделиться с товарищами, – он только что повторно проявил жадность, подтверждая этим поступком один из известных законов, и, как это часто бывает в подобных случаях, еще и, можно сказать, наорал на нас, обозвав нас хреном с лягушкой. Отрезав себе тем самым последний путь к спасению: один он бочку с водой не перевернет, а возиться снова с ведром означало бы “смазать” уже подготовленное “гулянье”, получившее у него даже свое название: “Единоличное торжественное купание в пожарных бочках на глазах безумно завидующей ленивой публики”.

Или сокращенно – ЕТКПБ на ГБЗЛП, как тут же было нами нацарапано гвоздем на деревянной стене сарая – для сохранения на память, как сообщили ему, “Жизненного описания периода активности у Бориса”. Что тоже нацарапали в сокращенном виде. Но “у Бориса” сокращать не стали.

Посмотрев на вчерашние записи, Борька презрительно усмехнулся и объявил начало работ. Я взял кувалду и зубило и стал разрубать железную проволоку, которой при перевозке на приспособленных для этого “студебеккерах” с открытым прицепом обвязывают пачки досок.

Наша работа заключается в укладке досок в штабели, для просушки. Потом из них делают мебель, как мне кажется, довольно плохую. Обычно двое работают внизу на подаче досок и двое – наверху, по их укладке. Сверху открывается по-своему привлекательный вид: склад с его полутора десятком штабелей из сосновых и еловых досок, обнесенный высоким деревянным забором, и заболоченная речка, на берегу которой в репейниках бродит коза. А дальше – многоколейное полотно железной дороги с проносящимися зелеными электричками и бесконечно тянущимися грязно-коричневыми товарняками. И совсем далеко, у горизонта, – какой-то мрачный завод с вечно дымящими огромными трубами.

Работать наверху – это привилегия, но она имеет один существенный недостаток. Дело в том, что каждую доску надо положить одним концом вровень с другими. Эта элементарная операция связана с участием головы и потому причислена у нас к разряду “интеллигентных”. “Интеллигентной работой” заниматься никто не хочет, поскольку она мешает думать о чем-нибудь своем.

Поэтому чаще всего, как и сегодня, она поручается бригадиру, иначе – “голове”. Он и его напарник, худой и маленький очкарик Яшка, которому на случай, если он когда-нибудь станет разведчиком или шпионом, уже придумали подпольную кличку Шпрот, – это “интеллигентики”. Они, в соответствии с Основным законом нашей Советской Родины, отнесены у нас к “прослойке”, но это, как они нам заявили, их нисколько не задевает. Со своей стороны, работая почти каждый день на штабеле, они считают себя занимающими “верховное” положение и потому могут позволить себе даже покрикивать на нас:

– Эй там, внизу! Не забудьте погасить наши окурки!

Но и мы не собираемся оставаться в долгу. Воспользовавшись минутным перерывом, когда они в очередной раз закуривают, мы с четвертым членом бригады, немногословным и всегда охотно участвующим во всех моих “мероприятиях” соседом по общежитию, подбрасываем им доску потяжелее и тремя-четырьмя ударами молотка, торопясь и рискуя попасть по пальцам, вколачиваем в нее здоровенный гвоздь, прошивающий заодно и нижнюю, направляющую доску, по которой осуществляется подача.

Они слышат удары, но неписаные мальчишеские законы не позволяют им проявить недостойное в данном случае любопытство, предполагающее недоверие и подозрительность. Однако

вернувшись к работе, они теперь пыхтят, пытаясь вытащить наверх нашу, скрепленную с неподвижной, доску, но никак не могут даже сдвинуть ее с места. Наконец Борька, чувствуя, что “тут что-то явно не то”, посылает вниз Яшку – проверить. А у нас в это время происходит “разговорчик”:

– Он что же, решил, что не докурил?

– Да нет, он просто решил погасить его в бочке. Они ведь теперь пожарники.

– Это хорошо. Их можно понять. Надо бы брать с них пример.

Но всему приходит конец. И вот уже наша доска с вывороченным гвоздем поднята и уложена на то самое место, которое, если верить некоторым философам, было ей уготовано еще до того, как она вообще была выструганa. А мы продолжаем работать. Двадцать шагов вперед, бросок и двадцать шагов назад, за новой доской. Доски по очереди взлетают наверх и там ложатся такими же тонкими, как зарабатываемые нами рубли, метафизическими рядами. Доска, еще доска...

Постепенно окружающее перестает существовать, остаются только ощущения ритма и собственной какой-то безграничной силы. И еще – снова – мысли о той девчонке.

Сначала, когда я только взглянул на нее, у нее был осторожный взгляд из-под полуопущенных ресниц. Но я ей сразу сказал: ты мне нравишься. И ее глаза превратились в пламень.

Я знал, что надо делать в это мгновение: только атака. И она тихо ответила: да, твоя. И ушла.

– Шабаш! – объявляет Борька.

Уже перерыв. А кажется, только что начали работать. Мне жаль куда-то вдруг исчезнувшего настроения. Я им живу еще, вот только не помню – о чем это думалось в конце? Но – хватит! Сейчас начинается самое интересное.

Мы вылазим из башмаков и, осторожно ступая по засохшей колкой земле, наезженной протекторами грузовиков, идем купаться. Скинув с себя последние, линялые и драные, остатки цивилизации, поочередно влезаем под сверкающую струю, бешеным потоком хлещущую из пожарной кишки. Задержавшийся дольше положенного непременно получает пинок в скользкий мокрый зад и, еще ничего не понимая, оглушенный и ослепленный, вылетает в тишину яркого солнечного утра. Если все по правилам, то обида не допускается. Но случается, что пострадавший

посчитает себя “жертвой произвола” – то ли слишком рано, по его мнению, был получен пинок, то ли этот пинок был оценен им как слишком сильный, – и тогда он, как это чаще всего бывает, схватив какой-нибудь подвернувшейся тряпкой растущую у забора крапиву, бросается мстить “и за обиду, и за поруганную честь”. При этом поднимаются такие кутерьма и вопли, что даже коза начинает бегать по берегу речки и блеять от испуга.

Представление с блеющей козой и бегающей вместе с ней по складу голой бригадой, однако, обычно продолжается недолго и прекращается пятидесятилетним завскладом Митей (он же Дмитрий Васильевич НОУ – Ну Очень Уважаемый), который на требование сторожихи “надеть на них штаны” выходит и начинает ругаться. Приказы же и ругань НОУ-Мити считались у нас не ниже фельдфебельских и потому подлежали немедленному исполнению.

Но сегодня ожидается нечто необыкновенное, и мы ведем себя тихо, даже слишком тихо.

– Эх, покупаемся! – это Борька. Он тоже разделся и теперь набирает пригоршнями воду из бочки и плещет себе на лицо и на грудь, чтобы сбить немного жару. Вода сверху чистая, и он пока ничего заметить не может. Напряжение нарастает, главное сейчас – не обращать на него внимания и не дать ему в последний момент почувствовать подвох. И так мое раннее появление на складе чересчур подозрительно. Но все невольно следят за его действиями, и кажется – вот-вот кто-нибудь не выдержит и засмеется. Тогда все пропало. Но уж очень он походил сейчас на важничающего петуха, из которого решили сварить суп.

Зачем-то я поискал козу. И замер: из-за соседнего штабеля высунулась ее морда с оловянными глазами, похожая на застенчиво подглядывающую даму, которая тупо уставилась на нас. Наверное, услышала по звукам плещущейся воды, что наступил “противный”, по ее козлиным меркам, перерыв.

Только этой дуры недоставало!.. Надо было немедленно переключить внимание, и я рассказываю одну историю, случившуюся на складе в прошлом году и так же во время летних каникул.

Однажды Митя сказал нам, чтобы мы пришли на следующий день не вчетвером, как всегда, а вшестером: будет дополнительная работа. Проблемы тут не было, ибо найти в студенческом общежитии желающих подзаработать можно было всегда.

В тот день с утра на склад привезли вату в тюках, и от нас требовалось затащить ее под крышу в сарай. Четверо, как обычно, должны были работать на укладке досок, а двоим надо было идти в сарай. Работа в сарае грязная, поднимать наверх тяжеленные пятипудовые мешки и глотать пыльный воздух – чего же хорошего? Поэтому идти туда никому не хотелось.

Чтобы все было по справедливости, решили “бросить на пальцах”. Это дело известное: по команде каждый выбрасывает на руке столько пальцев, сколько хочет. Выясняется общая сумма, и затем ведется отсчет по кругу, который у нас при первом “бросании” всегда начинался с бригадира, объявленного по моему предложению за “абсолютное начало координат”. На ком счет кончается, тот вылетает – ему и идти. Если вылетит бригадир, то при следующем бросании отсчет ведется уже от того, у кого оказалось больше выброшенных пальцев.

Бросили раз. Борька, Яшка и я остались. Бросили по второму разу. Когда подсчитали сумму, я поднял на Яшку взгляд ужа на лягушку. Он понял. Его глаза метнулись, а рот поехал на сторону. У него, правда, еще оставалась надежда, да и я тоже не знал еще – получится ли? Но он понял правильно: я наносил удар.

Между нами велась тайная война. Яшка принадлежал к той категории людей, которые используют свои интеллектуальные способности на общественную деятельность. Будучи так называемыми “активистами”, они, как это чаще всего бывает, заботятся прежде всего о том, чтобы получить возможность контролировать и распределять общественные блага. Такие, как путевки в бесплатный профилакторий, какие-то жалкие надбавки к стипендии и другие мизерные льготы, оставляемые для борьбы между маленькими людьми. Однако и на этих крохах, если их собрать вместе, можно было существовать очень даже неплохо. Надо было только уметь всем этим пользоваться. Чем и отличался “мой” Яшка. Воевать с такими персонами за справедливость – значило разменять свою жизнь на его. Поэтому, хотя все хорошо это видят, однако никогда против них ничего не делают.

Но я тоже считал себя умным, только по-иному. Так, меня, например, немало интересовало: что будет получаться, если, не вступая в открытую борьбу, тем не менее при каждом подвернувшемся случае дергать его за хвост? Тем более, что времени на это дополнительно не требовалось.

Стали подсчитывать. Так и есть! Выбор пал в этот раз на Яшку. Его лицо на мгновение стало жалким, но, зная, что за ним наблюдают, он тотчас овладел собой.

Бедный Яшка, со своим умом ловкача он “ну никак” не мог понять: как это можно управлять количеством чужих пальцев, когда каждый кидает сколько он хочет? Он знал, что я “навожу” на него, но понятия не имел – *как* это делается? Я же объяснял это его фатальным невезением.

Хотя какого-то особого секрета здесь не было. Просто есть такой (уже отмеченный выше) закон – “парности”. Под него подпадает, скажем, известное выражение “пришла беда – открывай ворота”. В данном же случае этот закон проявляется в том, что при повторе игры одни и те же люди выбрасывают примерно одно и то же количество пальцев. Это становится особенно заметным в том случае, когда количество играющих превышает четыре-пять человек. Возможно, конечно, что это распространяется не на любую ситуацию, а предполагает также некое “особое настроение” – в этом случае можно, по-видимому, говорить, что оно у нас было.

Так или иначе, но закон обычно срабатывал. И поэтому, если “бросили” раз, то сориентироваться и вычесть “понесенную потерю” (отнять из общей суммы число, выброшенное вылетевшим из игры), а затем тут же, имея целью “наводку”, внести необходимую поправку к числу своих пальцев при известном “начале координат”, в общем, не так уж сложно.

Моей задачей является отвлечь внимание от Борьки и от козы, и я иду на эту жертву – раскрываю секрет Яшкиного “невезения”. Сейчас эта цена вполне оправдана: такого спектакля, который должен произойти, еще никто никогда не видел.

И это мне, кажется, удается. Мы посмеиваемся над Яшкой, но и Яшка тоже доволен: оказывается, все очень просто, а главное – нет ничего “фатального”.

Но эта история имела еще свое продолжение.

У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город...

Это – Борька. Он, можно сказать, целые сутки предвкушал, как мы ему будем завидовать. И вот он уже произвел первое – самое торжественное – погружение, но оно осталось чуть ли не

незамеченным. Конечно, он видит, что я рассказываю что-то там интересное и все над этим смеются, но ему от этого не легче, и яд разочарования разлился в его душе, столь долго готовившейся к этому возвышенному моменту в его (и, главное, не нашей) жизни. И теперь он, чтобы хоть как-то привлечь наше внимание к происходящему, поет “задушевную” песню про героя, весну и о море.

А я продолжаю свой “отвлекательный” рассказ.

Яшка и доставшийся ему “приятель” ушли в сарай затаскивать на чердак пыльные тюки, а мы занялись укладкой досок. Время близилось уже к обеду, когда они вылезли наконец на чистый воздух и, сверкая глазами, мрачно заявили: “Хватит! Половину тюков подняли мы, а остальные пусть затаскивают другие”.

Это было не по-мужски, и я сказал ему об этом. И, чтобы подчеркнуть пренебрежение, добровольно пошел в сарай. Вместе со мной пошел верный друг Борька.

Когда мы вошли в сарай, сразу стала понятна тонкая месть, которой отплатил мне Яшка: тюки были все до одного подняты на чердак, и теперь ожидался наш, точнее мой, “выход из сарая с лицом настоящего мужчины”.

Я оценил его удар по достоинству. Но, видно, это был не тот день, который должен был принести ему радость.

Мы сбросили один тюк и уселись на него.

Сидим. Дымим. Время идет. Яшка с тремя другими работает, укладывая доски в штабель и зарабатывая деньги в общий котел. Прошло, наверное, целых полчаса, и вот в дверях показались их злые физиономии.

– Мы, что же, должны работать, а вы отдыхаете? – еще с порога начал было “выяснять отношения” борец за распределение общественных надбавок.

– Что ты, Яшка, – ответили ему, – мы уже заканчиваем. Вот только один тюк остался.

Борька видит, что произведенное уже им первое показательное купание в пожарных бочках так и не вызвало ожидавшегося интереса, и, отказавшись от дальнейших попыток привлечь наше внимание, просто плещется “в наше и ваше полное собственное удовольствие” – как известил он “рогатую козу и других”, проверив перед началом пальчиком воду: уж не холодная ли?

Закрыв ладошками оба уха, он теперь выпрыгивает вверх и затем, как свалившийся в воду бегемот, с шумом погружается в глубину. Вода кипит. Его нет. Потом снова есть.

– Эх, хорошо! – выкрикнул он, выскочив один раз из бочки особенно высоко, а затем исчезнув в “глубинах синих морей”. Счастливый. Довольный всем бегемот.

“Человек никогда не бывает так счастлив или же так несчастлив, как ему это кажется” – вспомнились мне слова одного философа-француза, жившего при каком-то Людовике и кардинале Ришелье. Это высказывание раньше мне представлялось неверным: я верил в высокие чувства. Но сейчас, пожалуй, начинал понимать, *что* он хотел этим сказать.

Напрыгавшись как следует и, возможно, помечтав о недоступных для наших дырявых карманов пляжах южного моря, счастливый Борька остановился и о чем-то задумался. Ему, по-видимому, что-то показалось, и он плеснул себе на грудь. Потер и снова плеснул. Набрал воду в пригоршни и стал ее пристально рассматривать. Лизнул. С удивлением взглянул на нас.

На нас глядело что-то синее и зеленое. Что-то знакомое и незнакомое. Как соленый огурец в банке с вареньем.

Настало то страшное прояснение, когда жертва смотрит тебе в глаза и все понимает. И снова потухло.

Потом “оно” стало медленно вылазить наружу и разглядывать себя. Замерло. Втянуло. Моргнуло. Изогнулось.

– Держи ее! – закричал Яшка истошным голосом.

Борька вывалился через край и, к нашему неописуемому восторгу, не поднимаясь, на четвереньках (потом он будет объяснять это желанием замаскироваться от сторожихи) побежал в открытую дверь сарая.

Когда у нас появилась способность двигаться, мы, охая и держась за бока, пошли поглядеть в сарай. Там, в углу, обернувшись какой-то мешковиной, сидел Борька. Мне показалось, что на глазах его были слезы. Впрочем, сейчас это было трудно определить.

Пришедшая на шум сторожиха склонилась над ним и терла чем-то по спине.

– А ведь еще и учатся, – сказала она, когда мы остановились в дверях, облив нас горечью искренних чувств. – Вот только что из таких хулиганов выйдет?

В руках у нее было синее вафельное полотенце.

Борьку попытались отмыть, согрев на костре ведро воды, но успех был какой-то сомнительный. Решили спросить пудру у сторожихи. Та посмотрела на нас с Яшкой грустными коричневыми глазами и осуждающе покачала головой – э-эх! – но пудру все же дала, не проронив при этом ни слова. И развернулась к нам своим напоминающим легкий танк обтянутым юбкой с рюшками задом. Последнее, по-видимому, следовало понимать как то, что “нас благодарят” и что “аудиенция уже закончена”.

Мы на мгновение замерли, завороженные божественным.

– Мерси, мадам! – Яшка встряхнулся первым, отсыпал пудры и, соблюдая соответствующий моменту французский этикет, пошел на цыпочках танцующей походкой к выходу из “будуара” с кочергой и печкой, изящно держа кулек с драгоценной пыльцой на вытянутой руке. Сторожиха, видимо, ждала, когда мы захлопнем за собой дверь, и потому пока не поворачивалась.

Проныра Яшка, мгновенно оценив расположение сил противника, подскочил к столу, схватил стакан с налитым в него чаем с лимоном и отпил, подлец, половину. Потом так же ловко вытащил чайник из плиты и стал доливать кипятком отпитое. Сторожиха, услышав, наверное, непонятное звяканье за спиной, хрюкнула какое-то ругательство и пошевелилась.

Яшка в порыве вдохновения, заметая следы своего поведения, совершенного в отношении известной своей брезгливостью сторожихи, поймал на окне муху и теперь топил ее пальцем в чае, в расчете на то, что он (сладкий чай с лимоном и плавающей в нем шевелящей лапами мухой) после этого будет вылит в ведро.

Я вернулся, схватил его за штаны и вытащил за порог.

Борьку попудрили. Оказалось, что это здорово помогает. Но на нос, как объяснили, пудры, к сожалению, не хватило (“эта жадина не дала”). Пришлось ему в таком “незаконченном” виде самому идти к своей покровительнице.

– Да не забудь, когда она даст, еще обозвать ее жадиной, – кричали вдогонку ему.

***

Во второй половине дня, незадолго до конца работы, во двор въехала грузовая машина. Вышел из домика Ну Очень Уважаемый Митя и, глядя куда-то вниз и немного в сторону, велел нам нагрузить ее старыми досками, очевидно, для “левой” операции.

Человек никогда не бывает так счастлив или же так несчастлив, как ему это кажется...

Вместе с ним был кудрявый черный юноша нашего возраста с черными же оливковыми глазами, аккуратно одетый, в отглаженных брюках и штиблетах, державшийся в стороне от нас – можно было догадаться, что Тоже, Видимо, Уважаемый. И еще – Кудрявый. В общем – ТВУК.

НОУ-Митьйа помялся немного, почиркал на бумажке и вскоре ушел, а мы разбрелись в поисках разных завалявшихся досок.

ТВУК освоился через некоторое время и позвал меня:

– Положи эту доску!

Мгновенно что-то словно подбросило меня, и, еще не соображая, что мне хочется сделать, я уже шел прямо на него.

А! Я понял: мне ну просто позарез захотелось пройти именно по тому месту, где стоял этот презрительно щурящийся на нас “скромный юноша, делающий свои первые шаги в самостоятельной жизни”.

Тот испуганно отскочил, а когда я пошел обратно, он уже переместился поближе к шоферу, который недружелюбно разглядывал меня.

Я подмигнул шоферу и забросил в кузов машины приволоченную гнилую доску. Они промолчали.

Снова вышел Ну Очень Уважаемый Митя и, поглядев опять вниз, но уже в другую сторону, велел сбросить им с ближайшего штабеля пару досок получше.

– Ворона, хватай! – Борька, забравшийся на штабель, с припудренным зеленым мертвецким лицом прицеливал в сторону нашей теплой компании конец здоровенной доски, скаля от напряжения зубы.

Я не двигался.

Херувимчик-ТВУК и шофер с удивлением взирали на нелепое привидение, размахивающее доской-косой над их головами.

Вдруг из-за штабеля выскочила коза и, громко блея, проскакала за угол сарая. Вслед за этим откуда-то из-под низу кто-то мяукнул человеческим голосом.

И уж совсем не к месту что-то случайно пролетело в сторону речки, громко хлопая крыльями.

Из-под низу опять мяукнуло.

Шофер побледнел и полез в кабину. Черный ТВУК в штиблетах исчез. Митя, похоже, сквозь землю провалился.

Сторожиха вылетела в трубу.

Юбка застряла.

Я посмотрел на небо, но ничего интересного в нем разглядеть не смог. Потом все же принял доску и бросил ее в кузов.

Машина тронулась и покатила.

Вместо шофера в ней сидел теперь гусь. А около белого гуся скорчился черный твук. И скреб по стеклу когтями.

Но этого я уже видеть не мог.

Однако четвертый член нашей бригады, державший сейчас открытой одну, исправную, створку ворот, что-то такое, наверное, оттуда, спереди, видел и, должно быть, от этого как-то неестественно хохотал. Машина выкатила из ворот.

Он поперхнулся и выкатил глаза.

Тут откуда-то сбоку выбежал маленький очкарик и, присев на тоненьких ножках, засвистел неожиданно с разбойничьей удалью. За сараем заблеяла коза.

Заскрипела открываемая дверь. Из домика вышла сторожиха, держа в руках длинную метлу. И стала подметать двор.

Белые рюшки на ее юбке были чем-то измазаны. Возможно, сажей. Юбка трещала по швам.

***

Вечером, вернувшись домой и поужинав, я решил описать в дневнике некоторые впечатления. Отвратительное настроение, пришедшее вслед за историей с “левыми” досками, когда я полез на рожон, не желая обслуживать этого хер-у-вимчика, не давало уйти в тот, другой мир настроений, который почему-то всегда ломался, когда в него врывалась реальная жизнь.

Но ведь я ни при каких обстоятельствах не мог бы прислуживать этому херу и вимчику. Что же, выходит, я был все-таки прав, когда “пошел” на него? А как же быть тогда с теми настроениями, которые кажутся важнее всего на свете, но которые тотчас исчезают, как только делаю то, что – по стечению обстоятельств – не могу не делать? Прислуживать – не могу, лезть на рожон из-за каждой мелочи недостойно, и потому подобное “мелочное поведение” ломает настроение тоже... Где же выход?

Задача казалась нерешаемой. Я задумался, кажется, надолго. И через *некоторое время* отчего-то показалось, что я не так уж и расстроен. А может, даже и вовсе не расстроен?..

Через несколько дней я уезжаю в спортивный лагерь. Что-то в нем принесет судьба? Почему я *так жду* чего-то?

В дверь тихонечко постучали, а затем она открылась и в комнату вошел четвертый член нашей бригады.

– У тебя нет сахара? – мягко спросил он, скользнув улыбающимся взглядом в мою сторону.

Он знал, что я веду спортивный дневник. Дневник и сейчас лежал у меня на коленях, прикрывая коричневую тетрадь на фоне коричневого же грубошерстного солдатского одеяла. Я, собственно, никогда не прятал эту тетрадь от каких-то там “органов”, просто не хотелось думать, что кто-то может однажды залезть без спроса в мою душу... Но так, по-видимому, думали не все. И однажды мой дневник неожиданно исчез.

В комнате было обыскано все, но его нигде не было. А через три дня он появился на том же месте. Но это был всего лишь спортивный дневник в светлой обложке, который могли видеть все, а коричневую тетрадь, похоже, и не искали.

Конечно, я понял все. Но вычислить четвертого члена бригады тогда не смог.

У нас на этаже жили разные человеческие типы, и некоторые, особенно бывшие старички-фронтовики, которым уже перевалило за тридцать, эти одинокие, ограниченные и озлобленные из-за обрушившихся на них трудностей военного времени люди, вызывали во мне какую-то сложную смесь ощущений и чувств, состоявшую как из уважения за их прошлое, так и из неприязни за жалкий вид. “Симпатии”, конечно, были взаимными, и мне тогда показалось, что дневник взял кто-то из них. Но особенно копать в этом вопросе не полагалось, тем более, что дневник вернули. Правда, теперь он был для меня уже “не тот” и писать в него я больше не смог. Как не мог знать и судьбы взявшего его.

Четвертый член бригады должен был умереть первым. Но “споткнулся” он – “сгорел на работе”, как пишут о них, где-то на рубеже сорокалетнего возраста – не на мне.

Мы с четвертым членом, однако, в дальнейшем в этой книге встречаться не будем. Как и с Яшкой-Шпротом. О последнем скажу только, что через пятнадцать лет после окончания института, когда мы увидимся в ресторане гостиницы “Москва” по случаю очередного, кратного пятилетнему сроку, юбилея, он окажется одним из двух первых с нашего курса докторов наук, решившим какую-то сложную задачу с управлением ночной стрельбой.

Он придет на эту встречу в элегантном черном пальто с красным шарфом и в черной же шляпе с большими прямыми полями, которые будут создавать ему соответствующий его положению шикарный имидж. Но все это будет чуточку смешно, потому что тогда, в конце мая, будет стоять теплая погода и все соберутся в назначенном месте – в сквере перед Большим театром – без верхней одежды. А у него, похоже, без шляпы – не получалось.

Борька, наш бригадир, поработав с год инженером на сторублевой зарплате, затем уйдет в армию и дослужится там до полковника, занимаясь исследованием научной проблемы: что эффективнее – одна надежная, но дорогая ракета, как это предпочитают во всех своих делах делать немцы, или же – следуя за Америкой – несколько не совсем надежных, но зато дешевых?

Я никогда никому не желал такого зла, как смерть. Но судьбы, как это можно заметить, подвластны законам, которые не зависят от человека. Однако же в исполнении этих законов человеку отводится не фатально-пассивная (где заранее все предопределено и можно уже ничего не делать), но – достаточно активная роль.

И мне довелось видеть, и не раз, как эта роль может сделать активного человека, занявшего *правильную* “позицию”, тайным орудием чьей-то судьбы. А может даже – и многих судеб.

...Четвертый член взял в шкафу надорванный пакет с сахаром и вышел. Сейчас он вернется снова, чтобы положить сахар на место. Поэтому пока подожду – не буду писать, чтобы потом уже не прерываться.

Когда я пришел с работы, мой сосед по комнате Калошин, в котором, несмотря на его рязанскую фамилию, текла пополам татарская и украинская кровь, был уже дома, и я, войдя, застал его сидящим с ногами на подоконнике. После окончания экзаменационной сессии он так же, как и я, не поехал домой к родителям, а остался в Москве. Но если я при этом зарабатывал деньги, занимаясь погрузкой досок, то он, имея богатеньких нефтяников-предков (как называл их сам), мог позволить себе делать то, что захочет, и потому теперь с утра до вечера возится в гараже с ДОСААФовскими мотоциклами. У них там что-то вроде спортивной секции, но очень часто он приходит домой выпивши.

“Попробуй целый день почисти цилиндры”, – говорит он в подобных случаях, хотя его ни о чем таком не спрашивают.

В моторах я совершенно не разбираюсь, но он, по-видимому, все же чувствовал, что в конце концов у кого угодно может сложиться впечатление, что чем их, моторы, больше чистишь, тем они, заразы, сильнее загрязняются.

Я даже как-то подумал, что если судить по Калошину, то и в грязи можно найти счастье. И ездить не надо, нашел желанную и, смотришь, – счастлив.

Но это оказалось не совсем так. И однажды он пригнал к подъезду черный тяжелый “Иж” и предложил мне попробовать поучиться. Мы уехали с ним за город, остановились в лесу на большой поляне, и он показал мне все ручки. Я сел, и, как это ни странно, мой конь послушно сдвинулся с места, и мы – поехали.

Калошин улегся на солнышке, а я в каком-то опьянении стал колесить между пнями – поляна, похоже, была когда-то лесоповалом. И все получалось совсем неплохо – до той минуты, когда ни с того ни с сего мне вдруг не подумалось о том, что сейчас непременно на него наеду. После чего едва я посмотрел в его сторону, как черный конь тотчас повернул туда же. И началось...

Сначала исчезла кнопка сигнала. Я знал уже, что она мне будет очень нужна, и обыскивал лихорадочно обе ручки. Но на них можно было найти все, что угодно, но только не кнопку. И тогда, предвидя неладное, я закричал.

Калошин, лежавший в траве с цветочком в зубах, лениво поднял свою узкоглазую татарскую голову и, как всегда, равнодушно посмотрел на меня. И тут я увидел, что кнопка-нос сидит уже на его лице.

– Беги! Спасайся! – Мне как-то сразу стало понятно, что “дело нечисто”, и мое решение было, быть может, единственно правильным. Но он только сплюнул цветочек и отвернулся. Да я и правда был еще далеко.

Потом почему-то перестал поворачиваться руль. А затем эта гадина, на которой меня волокло непонятно зачем и куда, по-видимому, потеряла еще и свои тормоза. Я орал и болтал одной ногой, нажимая другой на что-то там, похоже, вообще ненужное, а рычавший подо мной обезумевший черный зверь все тащил и тащил меня – на него.

Когда оставалось совсем немного и рев стал накатывать, как гроза, он глянул, и тут до него наконец дошло. Однако чтобы вскочить на ноги, времени у него уже не было.

Он бежал от меня на длинных и тощих руках-ногах, как паук-косиножка, едва касаясь земли, и тоже чего-то орал: там были какие-то “...ать!” или “...ядь!” – наверное, объяснял инструкцию. Но я из-за рева почти не слышал его.

Тут на пути оказался пень, и вопящий Калошин, как заяц, сжался и прыгнул через него. Однако эта змеюка, в которую успел уже превратиться мой конь вороной, прыгать конечно же не захотела. Прыгнул “за зайцами” только я.

Больше он меня не учил. Но и сам, по-моему, тоже почти не ездил, а лишь наводил чистоту в цилиндрах. Вот и сегодня, после очередной проведенной успешно кампании по прочистке мотоциклетных внутренностей, он сидел, распахнув окно, и, постукивая пальцами по подоконнику, мрачно глядел напротив.

– Какая-то девушка тоже сидит в одиночестве и задумчиво смотрит в окно, – сообщил он, отреагировав этим пока ничего не значащим способом на мое появление в комнате. И затем, подождав немного, пока моя сентиментальная северная душа проникнется поэзией его слов, авторитетно заключил: – Б...дь!

Я имел право не отвечать. При этом, однако, считалось, что я с ним согласен. В этом заключалось то главное условие, которое – как это можно было вынести из опыта нашей жизни – предполагает установление лояльных отношений между татарином и русским. Во всяком случае, после принятия с моей стороны этой, как я называл ее, “татарской дипломатии”, мне была гарантирована “полная и неограниченная неприкосновенность”. Или, иначе говоря, – отсутствие какого бы то ни было интереса ко мне. Что я ценил в проявлении этой философии и в нем, как в соседе по комнате, больше всего на свете.

Но здесь, как потом оказалось, моя оценка человеческих отношений содержала одну существенную неточность. Пройдет много лет, мы с Калошиным будем долго работать вместе, и однажды он спросит:

– Хочешь, скажу, за что я тебя ненавижу?

Ничего себе... Мне казалось, что мы вообще никак не интересуемся друг другом. Но услышать его ответ был, конечно, согласен.

– Я наблюдаю за тобой уже тридцать лет, – сказал он тогда, – и вижу, что каждый раз, когда ты начинаешь новое дело, оно бывает обеспечено только, скажем, в трех или в лучшем случае в пяти пунктах из десяти. И я всегда ждал, что ты непременно

провалишься. И не понимал, отчего ты сам это не видишь. А потому мне кажется, что ты никогда все до конца не продумываешь и не подготавливаешь. Но все равно начинаешь – на авось. А потом тебе почему-то везет. К тебе приходит сначала одна случайная удача, потом вторая, и так до тех пор, пока все, наконец, не складывается в твою пользу. Но этого просто не должно было быть.

Нечто подобное, но уже не в отношении меня лично, а русских вообще, я услышал от одного немца в Берлине.

Это были те самые “застойные” годы, когда открыто говорить обо всем, о чем думалось, было запрещено. Это не значило, однако, что все молчали. Так, один из моих немецких друзей, отец которого был в числе ведущих участников создания немецкой атомной бомбы и после войны вместе с семьей оказался интернированным в СССР, организовал “подпольный” философский семинар, на котором я выступал перед девятью немцами. Меня интересовали проблемы отношений между русскими и немцами, и я там задал вопрос: “Если предложить что-либо одно – любовь или оружие, что вы выберете?”

Шестеро из девяти выбрали оружие, двое не знали, что ответить, и только один назвал любовь. В продолжение этого разговора один из его участников сказал:

– Вот мы, немцы, только работаем и работаем. Но зачем все это – мы не понимаем. А вы, русские, наоборот – знаете это. Вам известно главное – куда надо идти.

– А знаешь, чего нам здесь, в Европе, больше всего не хватает? – спросил он тогда же. И ответил: – Вашей московской кухни.

Сначала я не понял, но он объяснил, что в их такой налаженной немецкой жизни очень недостает тех разговоров, которые происходят, часто далеко за полночь, на кухнях московских коммуналок. В стиле которых, в поиске некой “жуткой правды” (что еще называется “поиском истины”), я и пишу сейчас эту книгу. Где, быть может, много чего странного, но где все построено на искренней вере в то, что все, что при этом говорится, – это истинная правда. И всем при этих разговорах и в самом деле бывает “страшно интересно”. Или же – “страшно и интересно”. А потом многое сбывается.

Хотя можно доказать и обратное.

Четвертый член снова вошел, положил в шкаф пакет с сахаром и вышел. Я достал дневник, коричневую клеенчатую тетрадь в клетку, и задумался.

Три недели назад, сдав последний экзамен – это была философия – и так и не разобравшись в не съедобных ни под каким соусом “предикатах” Канта, но хорошо усвоив, что его надо ругать как метафизика и как не смыслящего ровно ничего в вопросах диалектики горе-философа, мы по случаю такого “всенародного праздника” устроили вечеринку с незнакомыми девчонками.

Гришка, красавчик и активный общественный контролер в нашей студенческой столовой, через свою подружку пригласил еще шесть или семь девчонок, проходивших в это время практику как учащиеся какой-то кулинарной школы там, где он выступал в качестве грозного представителя народной власти и посему вместо обычной порции в виде жареной рыбы с картофельным пюре получал из раздаточной всегда то же самое, но еще со второй рыбой, положенной под пюре. А объевшаяся, видимо, предикатов заведующая в обмен за такие ценности имела только никому не нужную бумажную грамоту с ликом вождя, которую (совсем запутавшись) вывешивала под стеклом на стену. И лик, хитро прищурившись, ласково глядел в полутемный грязноватый зал.

У одной из девчонок была квартира в районе Сокольников, и мы с вином, гитарой и магнитофоном пришли туда к семи часам вечера. Стол был уже накрыт – консервы, винегрет, колбаса, яблоки и селедка, – и мы стали рассаживаться. Кто был повыше, тому предлагалось место на диване, других усаживали на стульях. Принесли в кувшинах фруктовый компот. Нам поручили открывать бутылки. В этой чуть-чуть взволнованной суете первого знакомства мы, однако, сразу разобрались, что девчонки были неинтересными, за что Гришка тут же получил от нас “серьезное предупреждение”. Получить такое означало то же самое, что – черную метку от Билли Бонса. Но он и ухом не повел.

– На все вкусы не угодишь, – резонно заметил он, сидя за столом в обнимку с толстой девой, ничуть не лучше остальных.

– Да, да, – поддержала его дева, не понимая, о чем, собственно, речь и путая, видимо, наши сердца с нашими желудками, – Гриша мне говорил, что вам все равно.

Она засмеялась, и мы – тоже.

Среди собравшихся мне нравилась немного одна блондинка, но она сама выбрала Борьку, и я отошел.

У нас с Борькой существовал уговор: если кто понравится по-настоящему, то скажи, и тебе уступят. Но если “просто так”, то – при наличии конкуренции – пусть выбирает девчонка. И хотя, казалось бы, обо всем договорились заранее, мне все же стало досадно. Но делать было нечего. Да и надежды практически не было: у блондинки были золотисто-коричневые глаза, а такие меня почему-то не любят.

Моя девушка – всегда с темными волосами. Первая, которую я поцеловал, была шатенка с голубыми глазами. С тех пор то ли благодаря уверенности, с которой подхожу ко всем темноволосым девушкам, то ли действительно был подмечен закон соответствия, но только здесь я неизменно добиваюсь успеха.

Мы выпили. Сейчас попросят взять гитару. Я откинулся на диване и закрыл глаза. И вдруг стало так грустно-грустно. Мне подумалось почему-то, что все это было уже когда-то. И что вот так же когда-то я тоже чего-то ждал...

Бывает так: вдруг почудится, что ты уже жил однажды, а теперь вот снова живешь. И что-то старое смутно, но помнится. Какие-то полустершиеся ощущения и переживания.

Вот и сейчас мне кажется, что я лежал уже тогда на таком же старом диване и думал о том, что в принципе – стоит лишь согласиться – мог бы остаться здесь навсегда. На этом красном потертом диване в тесной двухкомнатной квартирке на пятом этаже старого московского дома в Сокольниках...

Когда это было? Или же нам открывается то, что будет? И не значит ли это, что уже ничего изменить нельзя? И что это будет теперь – *мой* диван? Я, кажется, даже зарычал. А ну-ка, кто здесь с темными волосами? Ага! Да еще и с серыми глазами.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

– Таня.

Ах, да! Я кивнул головой. Больше разговаривать с ней не буду, пусть сама подойдет.

Кто-то принес из прихожей гитару. Я повертел взад-вперед ее черные эбонитовые колки, подстраивая под “цыганский лад” – вторая струна чуть ниже нормального, чтобы “с надрывом”, – и, дождавшись внимания, взял первый аккорд.

Спели “Нажми, водитель, тормоз наконец”, “Крутится, вертится шар голубой”, “Из-за вас, моя черешня”, блатную “Таганку”, что-то еще и коронную – “Очи черные”. Погасили свет и предложили танцевать. Я положил гитару и вышел в коридор.

– А вы не танцуете? – Таня незаметно вышла и прикрыла за собой дверь. Страх и неуверенность разом обрушились на меня: это было *то* мгновение, и *надо* было решительно действовать. Я обнял ее и поцеловал. Она успела положить руки мне на грудь и слабо сопротивлялась: “Ну, не надо, не надо!”

Мы прошли на кухню и остановились у окна. Я тихонько поцеловал ее еще раз. Она прижалась ко мне бедрами и, откинув слегка голову, смотрела в глаза. Потом погладила по волосам.

“Зачем все это? Ведь она мне не нравится...”

Хлопнула дверь: кто-то вышел покурить. Мы вернулись в комнату, и я, чтобы делать что-то, выпил стакан красного вина. А потом тоже пошел курить.

С непривычки стало немного мутить. Возвращаться не хотелось. Но опять все то же, отчетливо воспринимаемое чувство: *надо*. Как будто ты уже потерял право распоряжаться собственными поступками и теперь должен делать что-то от тебя не зависящее и по какому-то строгому расписанию.

Р-раз! И нужно уже возвращаться, иначе будешь выглядеть смешным идиотом. Я вошел и, чтобы еще хоть немного оттянуть время, подошел к столу с бутылками.

– Налей и мне! – В любой студенческой компании всегда найдется такой странный отшельник, который сидит в углу под предлогом обслуживания магнитофона, много пьет и ждет случая с кем-нибудь поговорить. Мы выпили по рюмке, потом еще и еще.

Когда я снова подошел к Татьяне, голова моя кружилась уже не на шутку. Она это сразу заметила.

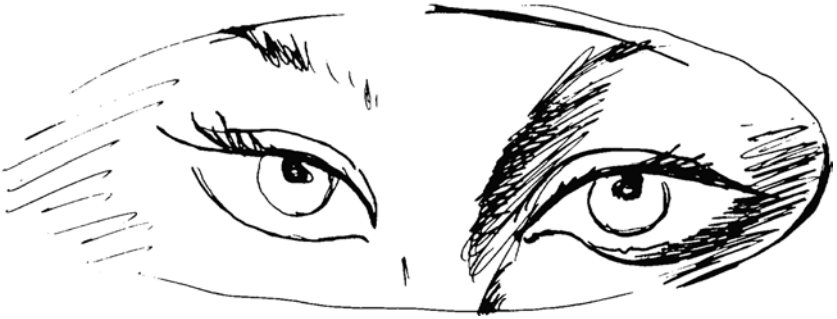
– Пойдем ко мне. У нас во дворе сарайчик, я всегда сплю в нем летом, – предложила она, глядя мне прямо в глаза.

Вначале я просто выслушал то, что она сказала, не придавая этому какого-то особого значения. Но она не опустила взгляд и *настойчиво* требовала ответа.

В этом взгляде я не увидел знакомой мне смелости девчонки. Скорее он был какой-то неуверенный или даже виноватый. Но он – этот взгляд – вдруг остановил меня: казалось, из глубины давно прошедших времен кто-то звал меня куда-то.

Тело ее словно одеревенело и лишилось гибкости. Остались только эти зовущие глаза.

Такого взгляда я еще никогда не видел и вдруг понял: со мной разговаривала *женщина*.



Вот оно!.. Это было то предложение, о котором думает каждый мальчишка с десятилетнего возраста. Она сознательно проиграла все, ошибочно расценив мою уверенность в поведении, и теперь ждала, отбросив защиту и требуя от меня того же.

Но как же я пойду в таком состоянии?! Страх, гнетущий и все подавляющий страх мальчишки перед женщиной, помноженный на страх позора из-за пьяного состояния, и некрасивая, совсем еще не развитая девчонка, предлагающая себя, – нет!.. Нет и еще раз нет! Я буду стыдиться этой минуты, быть может, всю свою жизнь, но сейчас – не могу...

– Нет, не хочу. – Я ей не лгал, и она поняла это.

В пятом часу утра я выпил напоследок стакан сухого вина, а потом зачем-то еще и красного крепленого, вышел из дома и побрел в направлении к протекавшей недалеко Яузе. Стоило закрыть глаза, как в голове немедленно зарождался невообразимый шум и все начинало катиться куда-то в сторону.

Я старался дышать как можно глубже, пытаясь выдохнуть винные пары. Сначала тупое, потом все более и более отчетливое чувство отвращения к самому себе нарастало и наконец поглотило все другие ощущения. Остановившись напротив какого-то стадиона, над которым вставало ярко-оранжевое солнце, я дал себе клятву завтра начать другую, новую жизнь.

……

“…Судьба проявляется – я чувствую сейчас эту мысль – не тогда, когда это нужно тебе, а когда ты ей нужен. Но почему все так легко получилось с Борькой? Где я *выдержал* каждый шаг.

Вот бы узнать – *кто* же все это придумал? Неужели *не я*?..

А если и в самом деле – не я, то не значит ли это еще и то, что тот, который “не я”, привлекая нас к исполнению своей воли, делает *в поисках истины* все не настолько быстро, как стремимся – всегда абы как – делать все в своей жизни мы? И в результате для наведения в жизни того самого “порядка”, который потом и воспринимается в виде нашей таинственной судьбы, требуется иное – большее – время?

А это значит – *не надо спешить* идти наперекор своей судьбе, не ломать насильно те барьеры, которыми Провидение ограждает нас от неверных шагов, в том числе от случайных увлечений?

Не мешать ему? Как это, собственно, и произошло тогда, в доме в Сокольниках, когда, похоже, именно по его наущению я так напился? Не мешать и – ждать? Ждать *ее*, мою королеву...”

Закончив писать, я убрал дневник и выключил свет. Калошин давно уже спал на своей кровати у окошка. А я еще продолжал лежать в темноте, уйдя в воспоминания и глядя на отдельные светящиеся окна здания напротив. Но вот свет в них вдруг начал мигать, а затем погас. Такое по ночам бывало довольно часто – в Москве после полуночи экономили электричество.

А это означало также, что очень скоро в коридор выползет Мишка, наш сосед-полуночник, и пойдет на кухню готовить ужин. Он всегда готовит его в первом часу ночи (есть такие странные типы), и поэтому нередко ему приходится бродить по коридору в темноте, чтобы поджарить на сковородке свою неизменную еду – нарезанные ломтики дешевой кровяной колбасы.

Денег, как известно, не хватает всем. Даже богачам, не говоря о студентах. А Мишка к тому же был бабник, что и привело его к необходимости до предела урезать “текущие расходы”. Однако, когда на субботних танцах на крючок его нашептываемых на ушко слов о “невидимой из мрака этого таинственного коридора волшебнице-луне, в бледном свете которой погасли тусклые звезды” попадалась какая-нибудь не просто глупая, но еще и прожорливая уклейка, он на время “дружбы с уклейками” принужден был затягивать пояс еще на одну дырочку. Что и привело его однажды к выдающемуся открытию в области финансов.

Не выдержав затянувшегося натиска со стороны одной такой рыбки, он занял у кого-то из своих сто рублей до ближайшей стипендии. Но когда пришло время платить за грехи, он это сделать не смог, а потому занял у второго и отдал первому.

Затем пришел новый срок, а денег – все нет. Идти к первому, известному своей добротой и возможностями, он не решился и предпочел разыскать третьего. Но на этом его знакомства в “финансовых кругах” исчерпались, и, когда снова потребовалось искать сотню, чтобы отдать ее теперь уже третьему кредитору, ему пришлось-таки опять обратиться к первому. Тот, учитывая корректность предыдущего возврата, дал и в этот раз. И тут наступили новогодние праздники.

Мишка купил за двадцать два рубля бутылку водки и еще кровяной колбасы и позвал своих троих кредиторов к себе в комнату. Когда собрались, он отдал третьему долг, разлил “водяру” по стаканам и внес предложение: познакомиться друг с другом и в наступающем новом году каждый месяц отдавать по кругу долг (сотню) тому, чья очередь пришла ее получать. А себя скромно

предложил исключить из этого, превращаемого в хорошо налаженный, процесса как становящееся уже ненужным промежуточное звено. Будучи тонким психологом, он произнес свою, ставшую знаменитой, речь, когда водка была уже выпита, а колбаса еще не съедена. Благородство попавшихся “аки уклейки” его кредиторов было уязвлено, и ему поэтому досталось много объедков.

Мишкина комната была через коридор от нашей, а рядом жила семья с маленьким ребенком. У ребенка имелся ободранный трехколесный велосипед, который был предметом постоянных недоразумений. То мой сосед по комнате Калошин, возвращаясь из гаража, где он возился с утра до ночи с мотоциклами, “найдет” его и отправится на нем в гости к своим приятелям. А потом, добравшись до нужной ему комнаты, отправит пинком “инструмент” обратно. То Мишка в темноте налетит на него.

Но последнее, надо признать, было давно и только в самом начале, ибо с тех пор, после устроенного Мишкой скандала, велосипед строго-настрого ставился на ночь у противоположной от Мишкиного маршрута стенки.

Я тихонько вышел и переставил велосипед к запретной стенке.

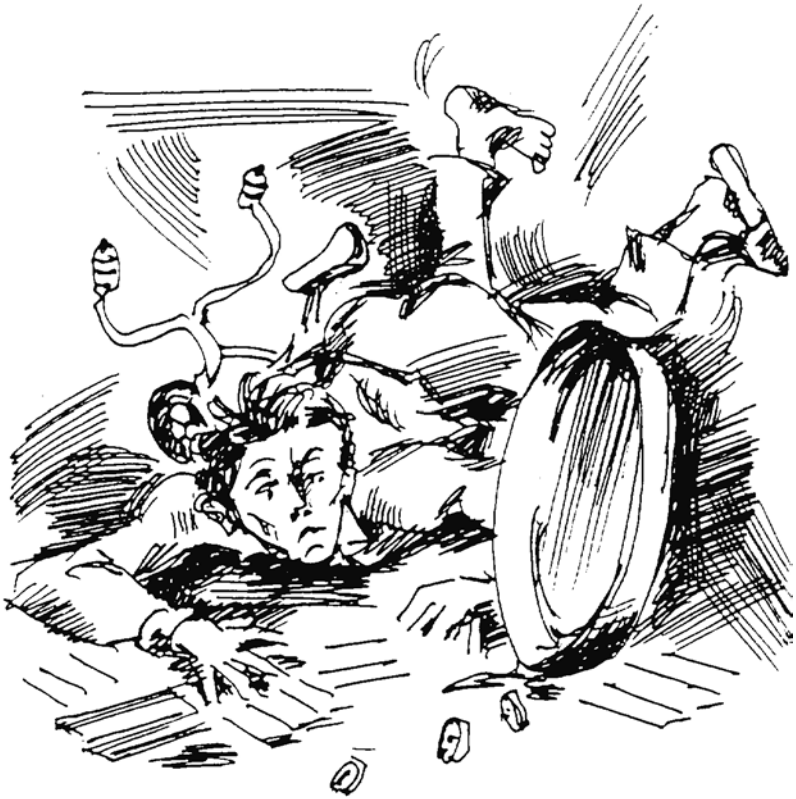
Через некоторое время, как и ожидалось, дверь напротив открылась, и Мишка, совершая свой обычный ритуал, выполз в коридор, держа в одной руке сковородку с колбасой, а другой придерживаясь за “свою” стенку.

А надо сказать, что он у нас был “артист” и любил насвистывать “что-нибудь эдакое”. Ему еще очень хотелось научиться на чем-нибудь играть, но дальше “собачьего вальса”, игравшегося одним пальцем на пианино, дело у него не пошло. Вот и сейчас он выводил нечто, обещающее радость, из оперы “Риголетто”.

Когда он дошел до ноты *ми* во второй октаве, изображающей восторг восхищенного кавалера, и сделал в этом месте небольшую паузу перед тем, как снова разлиться соловьем, что-то негромко звякнуло, потом грохнуло и наконец покатилось.

Катилась – тяжелая чугунная сковорода по натертому вонючей красной мастикой выщербленному паркету, ибо то, как катятся в разные стороны колесики кровяной колбасы, услышать сквозь закрытую дверь не может ни один человек во всем мире.

За этим последовала знакомая уже по прошлому безобразная сцена выяснения отношений с расстроенным и ничего не понимающим соседом, которому объясняли, что есть колбасу, перед этим катавшуюся по грязному полу, не очень хочется.



Катилась – тяжелая чугунная сковорода...

Но вот все успокоилось, и теперь можно было слышать только чирканье спичек и сопение – это Мишка, ползая на коленях, собирал раскатившиеся колесики.

Один раз он, правда, все-таки буркнул какое-то невразумительное ругательство: видимо, нашел прилипший к полу кусочек масла. Потом снова раздался его бодрый свист, но уже не так слышно, очевидно, из кухни: Мишка был философом.

Я снова вышел и переставил велосипед. Потом запер дверь на два оборота ключа, лег под одеяло и стал ждать.

Звук опять стал слышнее – это означало, что Мишка вышел из кухни и, пробираясь по безопасной стенке, шел со сковородой обратно. “Красотки, красотки, красотки кабаре...” – выводил он чистым негромким свистом. Раздались знакомые уже грохот и звон, и снова что-то тяжелое и круглое покатилось в темноте.

А что-то, напоминающее мешок с картошкой, упало на пол.

Невидимые, промасленные и липкие, катились по зашарпанному паркету общежития кусочки поджаренной кровяной колбасы. И “кто-то” орал сорвавшимся голосом о том, что он обо всем прекрасно догадывается и что “кому-то” еще будет плохо.

Вышли соседи, владельцы ребенка с велосипедом, и тоже включились в осуждение неизвестного подлеца.

Кто-то – то ли Мишка, то ли один из родителей, а может быть, оба разом, – пользуясь нашей очевидной беззащитностью, пнул несколько раз по нашей двери. Но Калошин даже не проснулся.

На следующий день Мишка потребовал сатисфакцию. Отпираться было бесполезно, и ему за понесенные потери, связанные с кушанием частично подпорченной (обкатанной в грязи, но все же почти съедобной) колбасы, было предложено, с одной стороны, денег с нас на покупку новой колбасы не брать, так как старую он все-таки не удержался и съел (ибо утром его, как обычно, видели там, где ему иначе делать было бы нечего), а с другой, для погашения возникших неудобств с питанием было обещано знакомство с девушкой.

Все эти переговоры велись вечером после работы, на большом полукруглом балконе четвертого этажа. А под нами на таком же балконе третьего этажа в это время другая наша знаменитость – Гришка врал что-то двум внимавшим ему мадемуазелям, уговаривая их встретиться с ним завтра в семь часов вечера на Красной площади у мавзолея Ленина.

– Лучше у Большого театра, – говорила одна мадемуазель.

– Или у ресторана “Прага”, – наверное, с тайным, но, в общем, не таким уж предосудительным умыслом предлагала другая.

Но Гришке хотелось лишний раз посмотреть, как маршируют часовые, и он в конце концов почти добился желаемого.

– Ну, хорошо, – согласилась одна.

– Я подумаю, – сказала та, что хотела встречаться только около “Праги”. Беленькая козочка с завитушками.

Мы в это время “висели” на своем балконе, пытаясь разглядеть “товар”. Иначе Мишка ни за что не соглашался на принятие условий мирного договора.

Правда, еще оставалась вторая проблема: как не дать Гришке поехать на назначенное свидание, чтобы, понятно, вместо него послать Мишку. (“Извините, вы ждете Гришу? А он заболел и просил меня...”)

Но на то, чтобы найти способ “ликвидировать” Гришку на завтрашний вечер, впереди была целая ночь, а сейчас надо было еще убедить Мишку не ломаться и согласиться на “прием товара”. Он же хотел непременно “сначала все посмотреть сам”.

– Да и как я их потом узнаю? Мы же видим сверху одни их макушки, – упрямо тянул он свои интересы.

– А ты приди к вождю на ходулях.

Однако Мишка, похоже, уже начинал снова злиться, и надо было искать решение.

Мой взгляд упал на валявшуюся на балконе зачитанную газету, и тут меня осенило. К тому же за Гришкой был небольшой должок, остававшийся после “бала в Сокольниках”.

Мы сделали из газеты два огромных размеров куля и, сбегав в соседний умывальник, налили в них воду. Осторожно притащив свои “бомбы” на балкон, выглянули вниз. Гришка в это время встал и потягивался, небрежно демонстрируя мадемуазелям свои накачанные мускулы.

– Сначала я, – шепнул я Мишке. – А ты в это время гляди.

Гришка как раз подошел к краю балкона и, подбоченясь одной рукой, картинно оперся другой о стоявший около него стул.

Прямо Пушкин и музы! Я перегнулся и швырнул в него свой с трудом удерживаемый куль. Что-то плюхнулось сзади него на каменные перила и через секунду потекло по его пижонским парусиновым штанам.

– Чо это там? – От растерянности он еще ничего не понимал и смотрел с любопытством туда, где у него почему-то капало. Потом, по-видимому, решив поглядеть на небо, откинулся назад и высунул наружу задранную кверху голову.

В этот момент еще один здоровенный куль из газеты с холодной водой ударил его прямо в лоб, разорвался в клочья и, залепив глаза, пролился под ним в большущую лужу. Хорошенькие мадемуазели в ужасе завизжали и стали показывать пальцами наверх.

Мишка рванулся, но я загородил дорогу рукой и удержал его от поспешного бегства: паникеры почти всегда погибают.

Разъяренный Гришка, однако, уже сообразил что к чему и теперь должен был устроить погоню по этажам, чтобы попытаться, если не поймать, то хотя бы узнать – кто это был? А нам перед тем, как начать удирать, надо было еще увидеть и понять, что он решит сейчас делать.

Но удар, видно, был достаточно силен, ибо Гришка сдуру вместо того, чтобы перехватить нас на лестничном переходе, вдруг полез на наш четвертый этаж по наружной пожарной лестнице.

Мы выскочили в уходящий в темноту коридор и, добежав до ближайшего туалета, закрылись в его кабинках.

Через полминуты мимо пробежал, топая и ругаясь, Гришка, и понемногу его угрожающие вопли растворились где-то в глубинах лабиринта необъятного общежития.

Поздно вечером на кухне собрался “военный совет”. Мишка после “смотрин” был согласен со всеми предложенными ему условиями и теперь сидел надутый на табуретке и ждал, что мы такое придумаем, чтобы он смог поехать на свидание вместо Гришки.

Первые предложения были – подлить Гришке в обед касторки или стянуть ночью штаны. Но все это было не очень надежно.

Во-первых, никто не знал – может ли человек есть заправленные касторкой щи? А что до кражи штанов, то здесь выход можно было найти проще простого: либо взять штаны взаймы у непосвященного в наши замыслы знакомого, либо, например, просто надеть спортивные шаровары и сказать, что ты спортсмен и опаздывал с тренировки.

В общем, было ясно одно: испортить надо было что-то такое, что носишь всегда с собой и непременно показываешь другим.

Но именно здесь у меня уже было только что отработанное “чернильное” решение.

Была уже глубокая ночь, когда на кухне поставили на огонь кастрюлю с водой и в нее опустили пузырек с зеленкой, которую держали для смазывания спортивных игровых ссадин. При этом по количеству несмываемых ядовитых зеленых пятен на коленках и локтях можно было даже судить о характере незадачливого игрока.

Важно было правильно подобрать температуру подогреваемой зеленки, которая – согласно идее, высказанной Калошиным, – должна была быть по возможности близкой к теплоте наслюнявленного языка. Для этого, за неимением ни у кого из собравшихся градусника, заставили Калошина, как автора, в течение десяти минут держать во рту палец и время от времени пробовать им воду в кастрюле. Наконец было решено, что технология подготовительного этапа операции по совершению “преступления во имя любви и справедливости” выдержана полностью, после чего двое тихонько прокрались в комнату, где жил Гришка.

Красавчик Гришка сладко спал, надев на свои непослушные жесткие волосы женскую сетку-невидимку, чтобы завтра выглядеть, “как огурчик”. Мы сейчас тебе поможем.

Чья-то рука обмакнула в зеленку кисточку, и что-то теплое нежно лизнуло его в кончик выставленного кверху носа. Он потянулся и чмокнул. Наверное, увидел себя во сне пришедшим на свидание со своей козочкой-мадемуазелькой.

Козочка от радости вертит хвостиком и говорит нежным девичьим голоском:

– Гриша, отгадай загадку: что случится, если Земля станет крутиться в тридцать раз быстрее?

– Тогда стипендию каждый день давать будут.

– Ах, Гриша, ты такой умный! А где мы тогда встречаться будем?

– Ну, давай на Арбате. Я там знаю...

– В его конце или в его начале? Хочешь – в начале? Это ближе к твоему мавзолею.

– Ладно. Это что, около “Праги”?

– Раз ты хочешь... Можно, я тебя поцелую? Можно в носик?

Можно, козочка, можно. И в носик можно, да и под носиком, а теперь еще и под глазиком.

…….

***

Вечером следующего дня “банда коридорных разбойников” знала уже все. Или почти все. Мишка помнил почему-то только то, что красотки-мадемуазели оказались из общежития какого-то девчачьего института с бухгалтерским уклоном, а провожал он их до метро Сокол. Но вот дальше – то ли это был переулок с рыбьим названием, что-то вроде Головлевского, то ли что-то другое, он подзабыл… В общем, мямлил. А потому ему там, на кухне, где он опять жарил свою вурдалакскую еду, рассказали подходящий анекдот.

В это время впервые появилась целая серия – про Армянское радио, которая начиналась со вступления: “Внимание, внимание! Говорит Армянское радио. Точное время вот-вот пять часов. Начинаем вечер вопросов и ответов и вечер ответов и вопросов”.

И среди первых десяти был один очень даже подходящий для нашего случая.

“Армянское радио спрашивают: может ли крокодил быть от носа до хвоста пять метров, а от хвоста до носа – только два метра? Радио отвечает: может. И есть на то исторический пример. От понедельника до пятницы – пять дней…”

Слова “исторический пример” были ему хорошо понятны, но он, похоже, уже закусил узду. Видимо, нашел какое-то решение против нашей трехколесной торпеды-велосипеда.

Впрочем, и нам настаивать на каких-то там наших правах было совсем не с руки. Во-первых, сейчас было время летних каникул и выбор *там* был не из “самых”. А во-вторых, подождем…

В сентябре, когда мы снова соберемся вместе, Мишка купит механический фонарик-жужжалку. Но у него почему-то однажды лампочка закрасится в черный цвет (с такой ма-а-ленькой дырочкой), и удивленный Мишка, пытаясь энергично “прожужжать” ее в темноте коридора, сломает какое-то колесико.

Калошин тогда же познакомится с “девушкой в окошке”. И, собираясь на первое свидание, обнаружит в последний момент, что у него один носок дырявый. Идти на встречу с девушкой, сверкая дыркой на пятке, было неприлично, и он замажет пятку чернильным карандашом.

Однако повествование в моей повести заканчивается еще в августе. И мы сейчас вернемся в 20 июля того 195… года, когда начиналась вторая смена в спортивном лагере. Где моя судьба едва не сошла на другие рельсы.

ДОРОГА МУРАВЬЕВ

Автобус не пошел дальше остановки Марьино-Знаменское, и волей-неволей оставшиеся несколько километров приходилось идти пешком. Дорога спустилась в неглубокий овраг, заросший соснами вперемешку с березами и темными елями, а затем выбежала на косогор, с которого начиналось большое поле.

Бывают такие удивительные моменты, когда вдруг остановишься, посмотришь вокруг и запомнишь на всю жизнь: неяркие сиреневые цветы на длинных ножках, усеявшие все поле, и восхитительное чувство свободы. Экзамены были позади, а впереди было больше месяца лагерной жизни, такой близкой и еще неизвестной.

Я нагнулся сорвать один из этих цветов, но чуть помедлил и передумал: пусть живет. И почему-то подумал вслед за этим еще о том, что вижу все это потому, что это я – живу. И иду по *этой* дороге в солнечный летний день, и вот сейчас наступлю на булыжник с ямкой и буду потом *всегда* помнить об этом.

Поле кончилось. Впереди за поворотом была большая деревня, на самом краю которой стояло, выделяясь из окружающего, двухэтажное здание из красного кирпича, очевидно, школа.

Почему я так уверен, что жизнь принесет мне счастье? Не потому ли, что совершил *правильный* поступок – не стал срывать этот скромный сиреневый цветок?

Неужели счастье – это нечто настолько тонкое, что может зависеть даже от жизни или смерти какого-то ничего не значащего полевого цветка? Или, может, просто *не надо спешить*?

Когда я пришел в лагерь, было время обеда. Основной заезд, видимо, уже состоялся, но на территории почти никого не было. Зато столовая шумела, как загулявший улей. Я положил вещи под елку и осмотрелся. Все было по-прежнему: сосны, палатки и вытоптанная танцплощадка.

Стало немного грустно: вот и прошел еще один год.

– Эй, привет! – Мне уже махали рукой из зала столовой.

– Привет!

Борька, сияющий как подсолнух, похлопал по столу, указывая мое место.

– А я уж думал – ты не приедешь сегодня.

Позвали дежурную. Она принесла обед: гороховый суп на тушенке и котлеты с макаронами.

Мы съели (выпросили) по две порции и теперь сидим в надежде получить еще компота. Постепенно столовая опустела, остался только наш стол да еще один долговязый парень, который сидел неподалеку, сложив руки-лопаты на коленях.

– Эй, иди к нам, – предложили ему. Он охотно перешел, придвинув свой стул.

– Ты кто? – спросили его.

– Артамонов.

А, Артамон! Я слышал: бегает восемьсот и полторы (тысячи метров).

– Это ты средневик?

– Я.

– Тебе, что, есть не дают?

– Не.

– И нам тоже. Где тебя поселили?

– Да вот, засунули почему-то к вам, лыжникам, в вашу десятую палатку.

– А ты бы куда хотел?

– Я бы? К баскетболисткам.

– Ишь ты! Будешь у них центровая. В лифчике и с косичками с мячиком прыгать.

К нам снова подошла дежурная.

– Ты новенький? – спросила она. – Поел, иди теперь к Остапу Первому.

– Чи-во? – не сразу понял я, хотя год назад мы же и дали Остапу Петровичу это имя – ОП, или – О-Первый (Опервый).

– К начальнику, путевку отдашь, – засмеялась она.

– Только за компот.

– И с хлебом, – пробасил Артамон.

Отметившись у начальника лагеря, я пошел в палатку. Кроме Артамона в ней оказались все свои ребята – лыжники из первой и второй сборных. Я занял свободную раскладушку и пошел искать тренера.

– А, Володя, здравствуй, – встретил он меня. От него шла какая-то теплота, хотя его интерес к нам никогда не выходил за рамки спортивной жизни. – Ну, как? Чем ты занимался?

Я сказал, что работал на складе грузчиком. Он остался доволен. Мы поговорили еще немного и решили, что мне можно начинать тренировки сразу в основной группе.

– Остап! – раздалось вдруг откуда-то из того угла, где была наша палатка. – Иди сюда, Оста-ап!

Я взглянул на домик начальника лагеря, и мне показалось, что за занавеской мелькнуло чье-то лицо. Но в это время внимание мое привлек большой рыжий пес, который бежал через территорию лагеря, видимо, на голос.

Тренер усмехнулся и покачал головой.

Когда я вернулся в палатку, пес был действительно там и грыз какую-то кость.

– Это ты кричал? – спросил я Артамона, который гладил рыжую псину своей поросшей тоже рыжими волосами рукой.

“Рыжим по рыжему”, – подумалось мне. Это было уже нечто новое. И то ли в этом, то ли в чем-то еще чувствовалось что-то интересное.

– Ага.

Мы помолчали.

Рыжий догрыз свою кость, повилял хвостом и убежал.

– Пса тоже зовут Остап?

Я переоделся и пошел на Черное озеро, куда уже ушли наши ребята. Дорожка шла сначала по ельнику, перепутавшему ее своими корнями. Я не любил этот участок, где надо было использовать умственные способности на то, чтобы вовремя поднять ногу и не зацепиться. Потом она проходила по мостику через пруд с холодной даже в жаркое время водой, отделявший лагерь от институтского санатория, и уже перед самым озером входила в густой сосновый лес.

В этом лесу был старый пень, который в сумерках выглядел, как скрюченный человек, а ночью отвратительно светился. Я поискал его глазами. Пень был на месте.

Ребята уже накупались и теперь сидели и лежали на берегу. Загорали. Я скинул на ходу одежду и с разбега прыгнул с мостков в воду. Заплыв на середину, нырнул и открыл глаза. Вода и здесь оставалась коричнево-зеленой, хотя и не настолько темной, как взбаламученная у берега. Причиной такого цвета было торфяное дно и торфяное же болото, прилегавшее к озеру. Из-за этого цвета оно и получило свое название.

Доплыв до другого берега, повернул и поплыл направо наискосок, к кувшинкам.

Эти прекрасные белые цветы вызывают всегда одно желание: сорвать их. Я включил самую большую скорость и, как танк по бурелому, врубился в гущу зеленых листьев, оставляя за собой белый пенящийся след и обрывки водорослей.

Выйдя на чистую воду, сбавил скорость. И тут пришла опасная мысль – проплыть сквозь заросли под водой. Это было немного страшно, но мысль уже завладела мной окончательно. Да и отступать было просто нельзя: ведь это была бы трусость. Я набрал как можно больше воздуха и нырнул.

Перед глазами открылась картина заколдованного царства: в мутной красноватой воде “шевелились” длинные тела кувшинок. Откуда-то сверху проникал бледный холодный свет. А внизу было мягкое илистое дно, от одного лишь воображения о прикосновении к которому становилось не по себе. Сделав пять-шесть мощных гребков и оборвав несколько запутавшихся стеблей, я снова выплыл в свободную от водорослей воду. Вынырнув, опять увидел яркое и такое ласковое солнце и далекий берег.

В лагерь мы возвращались незадолго перед ужином, когда солнце уже золотило сосны и поляна перед озером покрылась тенями. Откуда-то набежали облака, и стал накрапывать дождик.

Когда мы пришли в палатку, Артамон был уже “дома” и прилаживал изнутри над входом большой жестяной чайник.

– Осторожно, ребята! – предупредил он и стал объяснять назначение “механизма”: входящий всегда распахивает полы палатки и ныряет внутрь. Тут-то он и “встретится” с чайничком!

– Сейчас проверим, – сказал он. – Вы поднимите у палатки заднюю стенку и, как я вбегу, – удирайте.

Откуда-то набежали облака, и стал накрапывать дождик...

Он вышел. Через минуту мы услышали его срывающийся голос:

– Остап Петрович, идите скорее в десятую палатку! Здесь воруют матрасы!

– Идет! ОП! О-Первый! – громким шепотом прохрипел он, с разлета ныряя в темноту.

Раздался тупой звон, и мы, не успев еще выскочить на задворки, увидели растянувшееся тело. Артамона мигом втащили за ноги внутрь и исчезли, как задумано.

– Кто кричал? – спросил голос начальника лагеря. Снова раздался тупой звон, и – ..... !

– Что-нибудь случилось? – Артамон, сидя на земле и вытянув ноги, пытается завести “дружескую беседу”. Остап Петрович, сидящий рядом, тоже вытянув ноги, столбенеет.

– Ка-артошку! Ч-чистить! – с трудом выдавливает Опервый.

Нам жалко Артамона, но он не унывает: то ли еще бывает! После ужина он объявляет продолжение фортификационных работ и, выкатив из-под раскладушки восьмикилограммовое ядро, подвешивает его вслед за чайником. Теперь вошедший, даже если он избежит “знакомства” с чайником, должен был удариться макушкой о железное ядро.

Я тоже включился в “работу” и предложил сделать маятник-вышибалу из кучи рваных кед, выброшенных на помойку. “Маятник”, бьющий вошедшего грязными кедами в нос, оттянуть и отпускать, дернув за веревочку.

Так и сделали, а веревочку отдали Артамону.

Все эти “строительные” работы, получившие кодовое название “нам не страшен серый волк”, заняли не меньше часа, и когда мы опять пришли в столовую, превратившуюся к этому времени в “вечерний клуб”, там уже вовсю шла игра в гоп-доп.

Две команды, по три человека в каждой, садятся напротив через стол, и одна из них, владеющая в данный момент большой пятикопеечной монетой, выкладывает на стол по приказу капитана противника руки, ладонями вниз, под одной из которых должна быть спрятана монета. Задача капитана противника – угадать, где она лежит, и этим перехватить игру.

Согласно правилам капитану, разгадывающему, где спрятана монета, разрешается убирать одну за другой предположительно пустые руки, и в случае ошибки (под убранной рукой окажется

монета) за каждую оставшуюся на столе руку набегает одно штрафное очко.

Набрав таким образом 21 очко, команда проигрывает и, в качестве наказания, должна возить носом монету-пятак по столу. При этом победителям разрешается стучать снизу по столу руками и ногами, отчего монета прыгает (особенно хорош для этого фанерный стол, такой как у нас в столовой), и поймать ее носом, прижать к столу и иметь возможность исполнить положенное наказание (возить) оказывается непросто. А со стороны очень смешно.

На первый взгляд примитивная, игра эта, однако, содержит немало тонкостей. Очень важно положить руки на стол так, чтобы монета не зазвенела. При этом отдельные “профессионалы” умеют, наоборот, “звенеть” пустой рукой. Но особенно высоко ценится искусство капитана, умеющего по мельчайшим признакам угадывать вероятность нахождения монеты в каждой руке.

К моменту нашего прихода стало ясно, что среди играющих есть один корифей. Его команда еще ни разу не проиграла, и теперь они шли на принцип – ни одного поражения за весь вечер.

Я хотел было уйти: игра первокурсников. Но невольно задержался взглядом на капитане.

Его умные черные глаза и насмешливая улыбка и вся какая-то едва уловимая атмосфера необъяснимого очарования, царившая около их стола, – этому сложно было дать объяснение, – вдруг заставили меня предложить ему сыграть против нас.

Мы собрали команду “старичков”.

Нам отдали монету (джентльменское правило). Я поправил опущенные под стол руки моих партнеров так, чтобы было удобнее кидать в них монету, и сказал:

– Доп (готов).

– Гоп (прошу повторить), – ответил, помедлив, слегка играя на нервах, мой визави.

– Доп. – Я показал монету (что означало, что она не положена в чью-либо руку заранее) и снова убрал ее под стол.

– Гоп.

– Доп, – показываю монету.

– Руки на стол!

Опустив монету в руку ближайшего соседа, я сделал быстрое ложное движение к дальнему, как будто “втыкаю” монету в его руку, и затем, сделав еще одно фальшивое движение – “захватывание вываливающейся из руки монеты”, со зверским грохотом

положил обе руки перед самым носом у их команды. Находившаяся в их рядах девушка даже отпрянула от неожиданности.

Но и ребята мои тоже не оплошали: удар был одновременный и звонкий. Зрители сразу же оживились – начало было не совсем обыкновенное.

Черноглазый капитан замер на несколько мгновений, быть может, чуточку дольше, чем полагалось бы для будущего победителя. Я отвел глаза в сторону, стараясь выдержать безразличный вид.

– Убрать! – Он показал на мою правую руку, которой я делал выкрутасы. Что ж, он пошел на красивый риск, а заодно убедился, что мне доверять нельзя.

– Убрать, убрать! – Он снял со стола обе руки дальнего партнера. Для первого раза правильно: раз я сфинтил со своей рукой, то и финт “втыкания” в дальнюю руку тоже должен был быть, скорее всего, лишь демонстрацией.

– Убрать! – Он указал на пустую руку моего оставшегося партнера. Угадал. Я стал внушать себе, что в моей левой руке, лежащей на столе, спрятана монета, а затем поднял на него глаза. Он долго молчал, потом уверенно взял мою руку:

– Монета!

Не угадал. Им засчитали одно очко.

Молчавшие всю игру зрители что-то обсуждали. Несмотря на проигрыш, черноглазый, безусловно, вызывал симпатию. Возможно, одному лишь мне был известен неслышно нанесенный ему удар. И было видно, как он на какое-то время ушел в себя, еще раз проверяя собственные ощущения в поисках ошибки.

В следующем туре я взял ближнюю руку дальнего партнера и незаметно придвинул ее к себе. Бросив в нее монету, опять сделал ложное движение “втыкания” в его дальнюю руку, и мы снова дружно положили руки на стол.

– Убрать! – Черноглазый, не дав опомниться, смахнул одним движением сразу четыре руки, оставив только мои.

Это уже была игра ва-банк, с отчаянной надеждой перехватить инициативу. Видимо, в первом туре он получил нокдаун. Я успел подмигнуть ребятам, чтобы они не показывали монету. Капитан, окрыленный “удачей”, попался и в этот раз.

Его внимание было приковано теперь только к моим рукам. И я решил подразнить его, для чего, оторвав руки от стола, начал

поднимать их самым наглым образом: медленно и высоко, глядя ему в глаза.

Он побледнел: монета могла оставаться прилипшей к ладони только при условии, что она была намазана смолой или медом. Но такая проверка до конца тура не допускалась, и он обязан был продолжать игру.

Я разнес руки к разным концам стола и стал по очереди “вдвигать” отсутствующую монету на его край, следя за глазами капитана и не давая ему сосредоточиться. Зрители начинали смеяться.

– Монету! – Он совершенно наугад ударил мою руку. Но монеты там не было.

На этот раз им засчитали целых пять очков.

Игра у них явно не клеилась. Мы быстро продвигались вперед и были уже близки к победному 21-му очку, когда он все-таки вырвал монету из-за какой-то нашей небрежности.

– Доп, – говорит он мне и показывает изящно приподнятую над столом монету.

Я весь ушел в слух и негромко сказал ему:

– На стол.

Удар был дружный, но им что-то явно не везло. Видимо, капитан “для верности” решил в этой первой для него игре против нас оставить монету себе. Но она столь отчетливо зазвенела в его дальней руке, что даже зрители (что строжайше запрещено) стали качать головами и советовать сразу “идти на монету”.

Я готов был уже и сам покончить красивым ходом со “сделанной” по существу игрой, но в последний момент решил – просто так, поддавшись мимолетному настроению, – тряхнуть стариной и проверить когда-то хорошо знакомые правила.

Начнем с девушки. Обычно чуть ли не любая девушка, если монета у нее, прижимает ее изо всех сил к столу, как-то совсем забывая о другой руке, которая в этом случае лежит менее напряженно или даже отстает от стола. Рука с монетой всегда лежит прямо, а другая – под углом...

Я взглянул на ее руки и вдруг – о, боже! – увидел ясно между пальцев новенькую желтую монету. Такое тоже иногда бывает, и никогда нельзя пренебрегать даже совсем простым поверхностным осмотром.

Что бы такое сделать?

Я спросил у черноглазого капитана: не согласен ли он, что партия им проиграна? Он отвечал, что не согласен.

Тогда было предложено разрешить зрителям самим указать, где лежит монета. Он не возражал и улыбался. Несколько человек единодушно показали на левую руку капитана. Я медлил, и они начали нетерпеливо требовать от меня решительных действий.

– Монету! – Я положил ладонь на маленькую ручку девушки. И посмотрел на нее.

Ее глаза смотрели в мои. Вспыхнул синий огонь. Огонь стал разгораться. Смотреть уже было невозможно. Она погасила его.

Толпа вокруг разочарованно шумела: “Зачем?.. Я же говорил... На ухо слабоват...” А потом наступило молчание.

Мы оставили черноглазого возить носом монету и вышли. Меня позвал Борька, и мы пошли с ним по дороге в поле, за дальним краем которого солнце, ушедшее за горизонт, освещало пурпурным цветом низкие облака. Такие же темные и синие на другом краю, какими были глаза у сидевшей напротив девушки.

После отбоя Артамон предложил нам организовать “детскую хоровую студию”. К репетициям приступили тотчас же. Наши обязанности были простые – мы должны были вполголоса скандировать:

– Пу-па, пу-па, пу-па, пу-па...

Выждав продолжительный момент и убедившись в слаженности “хора”, Артамон неожиданно затянул тонким и гнусавым голосом:

– Чуть по-ни-и-и-же...

– Пу-па, пу-па, пу-па, пу-па, – глуповато “подпевал” ему “детский хор”.

И снова гнусавый голос:

– Пре-о-гро-о-о-мна-я за-...

У входа в палатку послышались голоса, и мы узнали среди них голос начальника лагеря:

– Осторожно, у них здесь чайник! Я уже зна...

Раздался еще незнакомый глухой удар, и снова начальник лагеря оказался сидящим на полу.

– Ды-ды-ды-ды-ды! Убрать все немедленно! – Разъяренный, он с трудом поднимался на ноги, в то же время с опаской поглядывая вокруг.

– Опять воры! Опять за матрасами! – завопил Артамон и дернул за веревочку.

Нас выстроили на улице и объявили наряд вне очереди.

– Ну и смена, леший бы ее побрал! – сокрушался начальник лагеря.

Я про себя удивился его терпению.

***

Нас разбудили в пять утра и велели идти колоть дрова и растапливать на кухне печь.

Вставать так не хотелось! И, чтобы прогнать сон, я быстро оделся и вышел; остановился, поджидая остальных.

Земля уже повернулась вокруг своей оси, и начинался новый, никогда не существовавший день.

Лагерь еще спал и не знал об этом. А вокруг стоял лес, наполненный солнечным светом и туманом.

На кой черт я вчера “раздавил” черноглазого? Неужели только ради борьбы? Зачем все это?

И что за странные совпадения происходят все время в моей жизни? Мазал ли кто-нибудь нос кому-то синей или зеленой краской? Представить такое можно, но трудно. А я – мазал, к тому же подряд два раза. И так же два раза видел то, что и один-то раз едва ли увидишь, – как люди бегают, словно это обезьяны или же пауки, “на всех четырех”. И, наконец, эта улавливаемая аналогия между мной и сразу же “увиденным” мной Артамоном, если сопоставить наши “проделочки” – с Мишкиным велосипедом и Остаповым чайником. Это только случайности? Или же именно здесь можно попробовать и – “потянуть за ниточку”?

Взяв мокрый от росы чурбан, я поставил его и ударил, целясь колуном между сучками.

Трах! Удар разнесся как пушечный выстрел... Трах! ... Трах!

Подошел повар, парень нашего возраста, в белом колпаке набекрень и в помятой белой куртке нараспашку.

– Принеси дрова, – сказал он не глядя.

– К печке?

Он молчал, что, по-видимому, должно было означать: на разумеющиеся вопросы не отвечаю. И пошел неспешной походкой уверенного в себе человека обратно.

Мы натаскали дров из запасов вчерашнего дня и продолжили колоть. На кухне из трубы валил дым. Артамон и еще несколько

человек чем-то звякали на мойке. “Наверное, моют для повара дрова”, – придумал я для них работу.

Завтрак прошел нормально. Пришедшие позже девчонки из второй дежурной палатки быстро накрыли столы, а потом так же быстро все убрали.

Наступил первый законный перерыв, и мы уселись завтракать сами. Позвали повара.

– Я не ем.

Это было уже интересно: нам бы так.

– Тогда отдай свою порцию.

Он отвернулся и не отвечал, как будто это не с ним разговаривали.

Сдвинули столы, на середину поставили кастрюлю со сметаной и воткнули в нее большую ложку. Сила!

– Артамон, кажись, у тебя еще и копье есть?

– Есть. Только им глаз выбить можно.

– Остап Один Зоркий Глаз Другой Копьеносный?

– Скорее подходит: светлейший князь Остап Потемкин Козел Одноглазый.

– Пусть уж лучше останется командиром Ядрено-Чайниковым. – И в нашем лесном сорочьем племени нашелся-таки паршивый “гуманист”.

– За такие отсталые мысли будешь питаться, как все, – назидательно сказал ему Артамон тоном дамы-наставницы и для пущей убедительности поднял кверху свой пальчик размером с кошачью лапу. Все теперь смотрели на Артамона и на его палец.

Палец был грязный. Артамон это тоже увидел и стал возмущаться: почему у нас не проверяют руки перед едой?

Выскочка-гуманист, осознав ошибку, стал покаянно скулить и обещал никогда больше такого не говорить. Его милостиво простили и ввиду раскаяния разрешили вылизать кастрюлю.

После завтрака мне опять достались дрова. Повар выдал пилу, и мы взялись за работу.

Одна из девчонок, дежуривших вместе с нами, подошла и остановилась рядом.

– Можно мне попилить? – попросила она. Мы удивились, но, с другой стороны, пусть попробует.

Девчонка взялась за пилу, уверенно положила на бревно руку и повела. Работа неожиданно пошла легко, как если бы она давно

занималась этим неженским делом. Мы распилили несколько бревен, но она, казалось, не чувствовала усталости и все так же, оперевшись рукой о козлы или о бревно, водила и водила пилой.

Я старался не смотреть на нее, чтобы не видеть маленькие белые груди, открывающиеся при каждом движении. Но невольно возвращался все к тому же, вспыхивая каждый раз, как будто сквозь меня пропускали ток.

“И чего в ней хорошего? Конопушки и косы, наверное, из деревни”.

Но никакие доводы не помогали, и я чувствовал, что ей доставляет удовольствие работать со мной. И что она знает, куда я смотрю. От этого становилось еще хуже, но я уже ничего не мог поделать с собой и смотрел почти не отрываясь. Мы пилили и ни о чем не разговаривали.

Мимо, по дорожке к Черному озеру, прошла вчерашняя соперница по игре в гоп-доп. Чуть открытые яркие губы и прическа “я у мамы дурочка”. Она прошла, даже не взглянув на нас, стройная, как весенняя лоза.

Я снова перевел взгляд на мою “золушку”. Но прежнее настроение куда-то исчезло и уже не возвращалось.

– Хватит, – сказала она и быстро ушла. У меня почему-то было такое чувство, словно я был в чем-то виноват.

Неужели вот так и придет когда-нибудь “настроение” и в одно мгновение будет сделан окончательный выбор? А потом изменить что-либо будет уже невозможно или, во всяком случае, очень сложно...

Что ж, выходит, я совсем не в состоянии судить объективно? И никто не в состоянии? Ведь я же знаю, что в сравнении с бесхитростными прелестями “конопушки” красота этой “девочки из центра” – только мишура. И не это главное.

Но почему я так *хочу* этой “мишуры”?..

После обеда повар послал нас с Борькой в институтский санаторий, на иждивении которого находился лагерь. Наша задача была узнать, почему задержалась подвода с продуктами, и в случае чего самим принести молоко. Мы нашли подводу нагруженной, но у нее сломалось то ли колесо, то ли кнут – это мы так и не поняли и, сняв бидон с молоком, потащили его в лагерь.

Примерно на половине пути, увидев небольшую полянку, мы решили, что устали. Борька лег на спину, а я стал гоняться за красивой черной бабочкой. Бабочку я не поймал, но зато придумал – напиться молока.

Однако бидон был опломбирован, и крышка у него лишь чуть-чуть приоткрывалась, образуя узкую щель. Попробовали наклонить его, но молоко полилось в щель такой широкой струей, что пришлось немедленно отказаться: слишком низкий КПД. Тогда попробовали пить “в две морды”, широко разинув рот. Но КПД все равно оставался низким. Наконец догадались: засунули в щель полую злаковую травинку и стали тянуть, как коктейль.

Когда в конце концов мы дотащились до лагеря, подвода оказалась уже там. Вместе с ней пришла с виду бедно одетая женщина, которую мы заметили еще в санатории. Пока возчик – мужик в кирзовых сапогах – таскал с подводы ящики в кладовую, она остановилась в стороне и, видимо, ждала чего-то. Мы втащили бидон прямо на кухню и спросили мрачно посмотревшего на нас повара: что дальше?

– Подвинь противень с котлетами и поставь молоко, – распорядился он.

Я вздрогнул от острой боли: противень оказался раскаленным. Повар хохотал. Отодвинув его в сторону, я открыл кастрюлю, где, как подумалось, могло быть масло, чтобы смазать обожженное место. Но там оказались котлеты до самого верха. Тогда я пошел в кладовую, но повар остановил меня:

– Эй, Ворона, иди под холодную воду. Уж я-то знаю.

В дверях я снова столкнулся с той самой женщиной. Взглядом полным необъяснимой ненависти она смотрела куда-то мимо моего уха. Мне стало не по себе: может, она голодная? Я замедлил шаги, но женщина поспешно отступила и потупилась.

Пройдя на мойку, я открыл кран и сунул руку под холодную воду. Боль действительно утихла. “Откуда он знает, как меня зовут? Ведь он нас вроде бы совсем не замечает...”

Мимо, пробираясь через помойку по какой-то едва заметной тропинке, прошла женщина. В руках она несла ту самую кастрюлю и набитую чем-то (сдачей, наверное) сетку.

Вечером на площадке были танцы. По ту сторону столовой и домика начальника лагеря играла музыка. А мы работали “по последнему разу” на мойке. Голая лампочка на столбе освещала

цинковую лохань и гору грязной посуды. Работали молча, стараясь скорее покончить со всем этим.

Я передал очередную грязную тарелку Артамону, но он не взял ее и стоял выпрямившись и весь во внимании, как волк в засаде, глядя куда-то в сторону. Подняв глаза, я увидел знакомую стройную фигурку, удаляющуюся в темноту.

– Держи, раззява! – Я сунул тарелку ему в руки, но он, казалось, не замечал меня.

Открылась, тихо щелкнув, дверь домика начальника лагеря, кто-то вышел и снова захлопнул ее, повернув два раза ключ.

– Эта девчонка... Людка. Она, что, тоже была на предыдущей смене?

“Зачем я спросил? Идиот...” На Артамона было жалко смотреть. Казалось, он вот-вот заплачет.

В это время из темноты вышел повар.

– Все в порядке? До свиданьица!

Ему ответили несколько разрозненных голосов:

– До свидания... До свидания... Пошел... До свидания.

***

– Пойдем на Черное озеро!

Надо было решаться. Я еще раз взглянул на Людку. Она стояла в стороне, около угла баскетбольной площадки, опустив голову, и не уходила. Это было вызывающе. Но почему я решил, что она ждет меня?

После двух беговых тренировок у нас был день “активного отдыха”. Играли в баскетбол. Так уж случилось, что на площадке в оказалось несколько баскетболистов и девчонок-баскетболисток. Им было предложено сыграть с нами, и ребята согласились. В результате запланированная как отдых игра превратилась в настоящую рубку, где решался давно решенный вопрос, что важнее: двойная техника или же двойная выносливость?

Я заметил Людку еще в середине игры. Она подала вылетевший за площадку мяч, и я машинально отметил глубокий взгляд широко открытых синих глаз.

Сегодня я превзошел самого себя, “снимая” верховые мячи и делая немыслимые прыжки под “их” кольцом. В борьбе мне даже так досталось по носу, что я на время должен был покинуть игру. После чего она почему-то сломалась.

Однако надо отвечать.

– Нет. Пока.

– Пока. – Ребята ушли, оставив мне мяч.

Сердце забилось тревожно. Вокруг уже никого не было. Осталась только девушка, с которой я еще ни разу не разговаривал. Но о которой, куночке, думал все последние дни.

– Возьми мяч.

Разувшись и взяв в одну руку кеды, а в другую – куртку, я пошел на пруд. Она взяла мяч и пошла следом.

– Что ж вы проиграли?

– Они ж – баскетболисты.

– Ну и что? Вы ж сильнее.

– Это так только кажется.

Я бросил вещи у березового пенька и прыгнул в воду. Вода обожгла: еще не остыл после игры.

“А как же Артамон?..” Но выхода не было, а противоположный берег был уже над головой. Я повернул и поплыл обратно.

В воде росли маленькие белые цветы. Я сорвал один и, выпрыгнув одним махом на метровый берег, отдал его ей.

– Отвернись!

Я переоделся. Она стояла совсем рядом – легкий пушок на шее и смешной петушиный хвостик от заколки.

– Пойдем.

Я сорвал ей еще две-три попавшиеся на пути ромашки.

Она склонила голову к маленькому букетику и шла немного в стороне.

Мы вышли на дорогу, и за поворотом показались палатки.

– Ну, пока.

Она посмотрела на меня и кивнула.

Вечером на танцах ее почему-то не было, и я простоял, прислонившись к старой сосне, механически отвечая на чьи-то вопросы.

Заиграла утесовская пластинка “До свиданья, дорогие москвичи, доброй ночи...” Надо было идти спать *в палатку*. Настроение было тяжелое, как если бы тебя обманули или ты должен был кого-то обманывать.

***

Я проснулся до подъема и лежал, разглядывая солнечные пятна на брезентовом потолке. Вот села трясогузка и побежала, тихонько царапая когтями. Она, видимо, что-то нашла и остановилась. Потом улетела.

На кухне уже кололи дрова.

Когда же я “заметил” Людку? Тогда, во время игры в гоп-доп, или же позже? Все-таки, если считать с момента, когда я начал думать о ней постоянно, это произошло тогда, когда мы пилили дрова и она прошла на Черное озеро.

А теперь она *моя*. Как странно... Кажется, ничего особенного не было сказано или сделано. Но какая-то грань, за которую *не пускают*, была перейдена, и между нами протянулись невидимые связи, где главным было – ожидание новой встречи. Но также существовали еще осторожность и сомнение.

Это было начало. А впереди была тайна, возможно, близкая и доступная.

И в этом “впереди” первым стоял уже начинающийся день.

Вот только Артамон... Если бы его не было или хотя бы я не знал его.

Наверху зашумело, затрещало и загудело. Я натянул одеяло на голову в надежде не слышать. Но это не помогло: через секунду-другую шипение с треском перешло в шипение с музыкальным сопровождением. “А я ма-альчик мо-ло-дой...” – хрипела через репродуктор заигранная пластинка, которая мне вспомнится, наверное, среди прочего и когда умирать буду.

Вот уже второе лето подряд один и тот же радист будил нас одной и той же пошлой мелодией. Второй год над лагерем висел вопрос: кто доберется и разобьет эту мерзостную пластинку?

Но радист был не только сукин сын, с упорством гения изгаживавший ежедневно первые минуты нашего тягостного утреннего пробуждения, но еще и хитрый: он сделал пластинке ложную наклейку и прятал ее в огромной безликой стопке других таких же пластинок.

Послышались адресованные радисту и вошедшие чуть ли не в привычку ругательства, с которых начинался каждый наш новый день. Палатка вскоре опустела: через пять минут построение. Мне что-то не хотелось покидать свое убежище, и я продолжал лежать, натянув одеяло на голову.

Какой-то гад, видимо, выходя последним, не преминул запустить в меня чьей-то подушкой, уверенный, что мне его все равно не увидеть.

– Становись!

Я вскочил, быстро влез в кеды и выскочил из палатки.

– Равняйсь! – Я уже стоял в колонне лыжников.

– На флаг!.. Смирно!

Вновь заиграла музыка и зазвучали знакомые торжественные слова: “Союз нерушимый республик свободных...” Мы стояли и смотрели на медленно поднимающийся красный флаг, а сзади дежурный преподаватель обшаривал палатки в поиске засонь или ленивых. Сегодня таковых не оказалось, но в одном месте был обнаружен “джентльмен”, привязанный к раскладушке по рукам и ногам. Произошла минутная заминка, когда виновной палатке объявляли наряд вне очереди, и мы побежали на зарядку.

Ночью прошел дождь, и кеды скользили по глинистой дорожке. Изрядно измазавшись, мы добежали до озера и перешли на шаг.

– Стоп! Разминка. Двадцать минут.

Я снял насквозь промокшие кеды и, остановившись против солнца, начал делать упражнения, с удовольствием отмечая, как тянутся разогретые мышцы.

– Закончить упражнения. Всем в воду.

Скользя по мокрым доскам, мы по очереди всходили на мостки и прыгали-шлепались в клубящуюся туманом воду.

Увидев впереди плывущего на спине Борьку, я прибавил скорости и решил догнать его.

Он заметил погоню, перевернулся и тоже прибавил, и мы, не сговариваясь, переплыли озеро туда и обратно, выкладываясь из последних сил. Под конец ему удалось, сделав энергичный рывок, уйти немного вперед.

– Понял?..

Накрывшись куртками или полотенцами, мы возвращались в лагерь, осторожно обходя мокрые кусты и прыгая через лужи.

В ушах еще звенело после бешеного заплыва, но настроение было отличное: казалось, руки и плечи налились какой-то тяжелой, “чугунной” силой.

Я нашел веточку брусники и съел ее.

На сегодня была назначена “прикидка” на тысячу пятьсот метров. Трасса начиналась на треугольной поляне и шла сначала по лесной дороге, потом спускалась в овраг, к речке, и затем поднималась обратно в гору, замыкая кольцо. На спуске малоопытные ребята резко ушли вперед, и я оказался в конце группы. Самым трудным было заставить себя не поддаться общему порыву и сохранить дыхание: отрыв на спуске всегда обманчив.

Когда начался подъем, я перешел на обочину дорожки, шедшей от пешеходного мостика через речку, и, чувствуя запас нерастраченных сил, мягко пошел вперед.

Ребята, тяжело дыша, один за другим “проваливались” назад. На самом верху я “достал” Борьку, ушедшего в лидеры еще в начале забега, и обошел его. Но перед самым финишем на поляне он, как и на озере, сделал отчаянный рывок и пришел на грудь впереди. Я просто не успел сообразить и набрать скорость.

Нет, мне сегодня что-то явно не везло.

“Может, это как примета с картами, где невезение означает удачу с женщиной?” – Я подумал о Людке.

После тренировки мы, не заходя в лагерь, пошли прямо на озеро. Сегодня было прохладно, и кроме нас туда пришли только девчонки-баскетболистки.

– Привет, лошадки! Что это вы такие взмыленные?

– Бегали на полтора километра, – ответили им.

– Ну и как? – Людка, которую я сразу и не заметил, смеялась мне глазами. Я вспыхнул.

– У меня третье место.

– Что ж, бронзовая медаль.

“А могла бы быть серебряная”. Я с досадой посмотрел на Борьку.

– Твой дружок, что ли, обогнал тебя? – Она, видимо, перехватила мой взгляд. Я немного смутился, злясь отчего-то неизвестно на что. Уж очень хорошо она все понимала, и что-то мне здесь не нравилось...

Девчонкам предложили не смотреть: мы будем купаться голые, чтобы потом не мерзнуть в мокром. Они отвернулись, и мы попрыгали в воду.

Потом пришел их черед, и они неожиданно заявили, что тоже разденутся. Нас посадили сбоку мостков и велели не вертеться.

Я наклонился, чтобы помыть “грязные” кеды, и в черной глянцевой воде (военная хитрость) увидел отражение чьей-то груди.

Сбившись в большую и шумную ватагу, мы пошли в лагерь. Когда вошли в лес, я показал Людке пень, который светится ночью.

– А если отломить щепочку, она тоже будет светиться?

– Не знаю... Пойдем.

Мы немного задержались и, отбившись от оравы, подошли к пню. Когда-то это было большое дерево, но теперь из земли торчали только потемневшие от времени щепки да разбегалось в разные стороны корневище. Рядом был большой муравейник.

– А знаешь, у муравьев есть в лесу свои дороги. – Я отдал ей отломленную щепочку.

– Не верю.

Мы обошли муравейник, но этих “животных” нигде не было видно, видимо, попрятались от сырой погоды.

– Иди сюда. Видишь? – Я нашел длинную проталинку.

– Что я должна увидеть?

– Как что? Дорогу.

– А где ж муравьи?

– А ты погода – видишь какая? Наверное, дома чай пьют.

– А где же тогда твоя “дорога”?

– Эх, ты! Тропу диких зверей находят по их следам.

– От копыт?

Теперь ребята ушли уже далеко, и мы были одни. Каркнула невесть откуда взявшаяся ворона. Я посмотрел наверх, пытаясь найти ее, но увидел только низкие свинцовые облака, быстро несущиеся над вершинами сосен. Лес неспокойно шумел, и, кажется, снова собирался дождь: вокруг совсем потемнело.

Я взял ее за руку.

– Боишься папоротники?

Она удивленно посмотрела на заросли, потом перевела взгляд на меня.

– Что-то такое есть... А ты откуда знаешь?

– Их заросли все боятся, только не отдают себе отчета. Это как страх перед змеями.

– А они здесь есть?

– Говорят, встречаются. Но я не видел.

– А ты бы мог схватить ее руками?

– Если б она на тебя бросилась, то да.

Она покачала головой: “Какой ты храбрый!”

Я “виновато” посмотрел в ответ: “Ведь ты ж мне нравишься...”

Она поняла. Ее глаза потемнели и стали бархатно-синими.

Я осторожно взял ее руки.

– Не надо, – тихо попросила она.

Я *помедлил*, как если бы от того, будет сорван сейчас цветок или нет, решалось будущее, судьба...

“Но и она не хочет, чтобы я поцеловал ее именно сейчас?” – Оправдание, которому уж никогда не будет оправдания.

– Пойдем... – Она провела, едва прикосаясь, рукой по моему плечу и пошла по направлению к дорожке.

Из зарослей неожиданно выскочил большой рыжий пес и, не обращая на нас внимания, промчался скачками к берегу озера.

– Остап! – закричал я ему. – Оста-ап!

Вслед за собакой из-за поворота тропинки показалась плотная фигура начальника лагеря. Я смутился и сошел в сторону, уступая дорогу.

– Джерри! Иди сюда! – позвал Остап Петрович.

Пес побежал было на голос, но, видимо, передумал и вернулся к озеру. Посмотрев на нас, Остапо-Петрович прошел по дорожке и скрылся за деревьями.

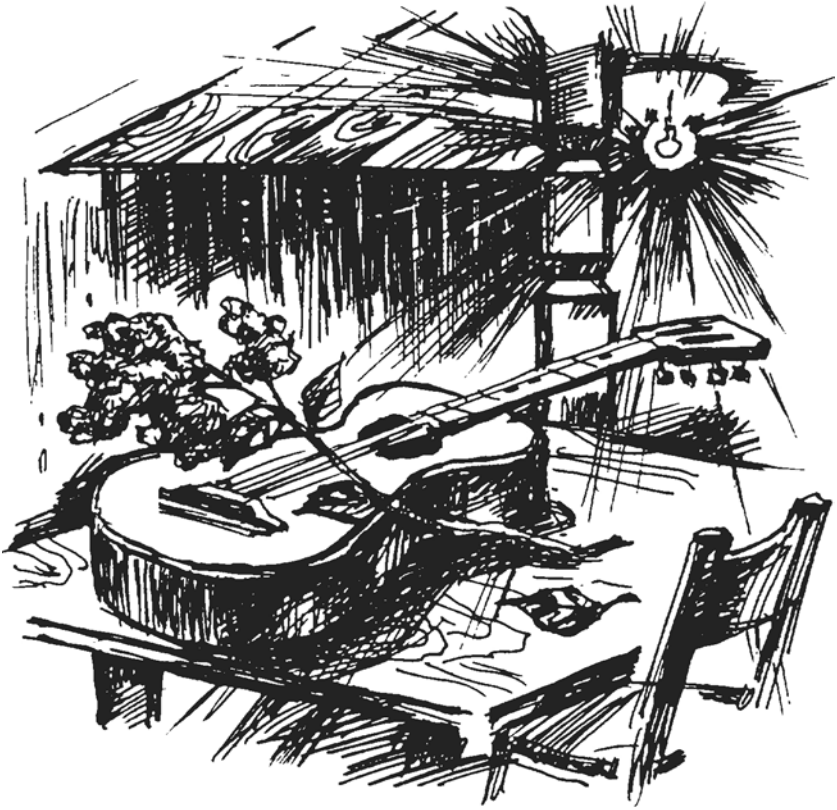
“Что-то я все время смущаюсь”, – пришла совсем уже дурацкая мысль. И вообще все, я чувствовал, стало какое-то “не то”. И пес оказался не Остапом... Людка шла молча, опустив голову.

Вечером опять пошел дождь. Где-то громыхал гром, и редкие всполохи молний выхватывали на мгновение мокрые ели и длинные ряды палаток. Лагерь затих, “запрятался”. Только столовая-пещера с одной-единственной лампочкой напоминала, что здесь еще теплится жизнь. В светлом кругу стучали по столу игроки в гоп-доп, в углу кто-то неумело пытался аккомпанировать на гитаре, собрав около себя девчонок и несколько ребят.

– Сыграй нам, Володька!

Мне отдали гитару. Я подстроил ее, пробежав по открытым струнам, и ударил быстрый ритм аргентинского “бегинчика”, тихонько насвистывая какую-то первую попавшуюся мелодию.

Чуть-чуть отпустив по-разному первые две струны и почувствовав в звуках *то самое* – волнующее – настроение, я резко остановился и, задержавшись на *положенное* время, перешел к тяжелым аккордам:



Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают...

Девчонки подхватили, и покатилась песня-слеза к далеким годам знакомой нам всем войны, к бабьему горю и русскому бесстрашию. Девчонки плакали-пели, а я сидел – их солдат – и играл им на гитаре.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.

Песня затихла. Шумел дождь, и его крупные капли стучали по крыше-навесу. А в центре, под лампочкой, раздавалось: “Руки на стол!” Я перешел на другую тональность и начал как можно более мягким и низким голосом:

Ша-лан-ды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил...

Настроение мгновенно переменилось, и понеслась “одесская” песня в глушь подмосковного леса. Как всегда, все знали ее начало, но лишь немногие могли допеть до конца:

На свадьбу грузчики надели
Со страшным скрипом башмаки.

Из палаток вылазили понемногу “медвежатники” и перебирались к нам: девчонки бегом и со смехом, ребята – нахохлившись в своих спортивных куртках. Собралась уже большая компания, и надо было что-то общее и задушевное.

По о-бы-чаю... – начал я.
Петербургскому, – ответили мне несколько человек.
По обычаю, – повторили мы все вместе.
Святорусскому, – ударили, взлетели звонкие голоса.
Мы не можем жить без шампанского
Да без табора без цыганского!

Я заглушил гитару, и в наступившей тишине случайно собравшийся хор, уступая чьей-то единой воле и единому настроению, повел негромко и в каком-то сдержанном порыве:

Очи черные,
Очи страстные,
Очи жгучие
И прекрасные...

Едва прозвучали последние слова этой “гусарской” песни – о том, что “увидел вас я в недобрый час”, – как кто-то из девчонок тихонечко затянул:

То-о не ве-етер ве-е-етку кло-нит,
Не дубравушка шумит,
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...

Я “ушел” в мелодию и, уловив тональность, негромко поддержал ее. *“Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я”* – это пели уже все. Гитара здесь была не нужна.

Потом спели песни на есенинские слова – “Клен ты мой опавший” и “Выткался на озере алый свет зари” и одну из написанных мной на его слова. Слова были прекрасными.

Предложили “Сиреневый туман”, и над лагерем поплыла светлая и грустная песня нашей юности. Где было все: “ты смотришь мне в глаза” и дальняя звезда “над тамбуром горит”...

Кондуктор не спешит,
Кондуктор понимает,
Что с девушкою я
Прощаюсь навсегда.

.....……..

Людка стояла у перил, прислонившись к резному деревянному столбику, на который опиралась крыша-навес, чуть в стороне от остальных. И когда вспыхивала молния, мне чудилась в ее опушенных длинными ресницами глазах и во всей ее обтянутой свитером тоненькой фигурке какая-то безысходная печаль.

***

Утром снова сияло солнце. Я встал немного пораньше и пошел в лес. Пробившийся сквозь кроны деревьев солнечный луч высветил паутинку на небольшой елке с обломленной верхушкой. Что-то отчаянно несчастное было в этой уже почерневшей, обреченной елке, еще пытающейся цепляться за ускользающую жизнь, а кругом росли другие, молоденькие и веселые, елочки-зверьки, из которых когда-нибудь, возможно, вымахнут могучие деревья.

После зарядки мы пошли на пруд, на противоположном берегу которого лечащиеся в санатории институтские преподаватели, совершая “утренний моцион”, сидели на скамейках или же чинно прогуливались по дорожкам.

На лужайке перед прудом разминались футболисты, лениво стукая по мячу: отрабатывали пас.

Кто-то из наших, заметив свободно лежащий мяч, взял его и попытался жонглировать. Но ему это плохо удавалось.

– Положи мяч! – не поворачивая головы сказал, словно обрезал, смуглый красавец-футболист. Что ж, мячи, конечно, не наши.

Закончив зарядку, футболисты тоже пошли купаться, и тот самый красивый парень предложил – “на спор, за поллитра” сплавать нагишом на *тот* берег.

Тут же “сложились”, и парень, не спеша раздевшись, прыгнул в воду и поплыл. Выбравшись на крутой “институтский” берег, он так же не спеша поднялся на дорожку, по которой прогуливались обомлевшие при виде такого “явления” преподаватели, разбежался и прыгнул обратно.

Среди участников “моциона” произошло полное замешательство. Сначала на дорожке все замерло и остановилось, а потом они стали быстро-быстро уходить куда-то.

А один тощий “стар-преп”, чем-то очень похожий на наших замученных студентов-фронтовиков, вытягивая голову, все пытался разглядеть наш берег. У него, похоже, упало пенсне, он его поднял и, протирая нервно трясущимися руками, выкрикнул что-то резкое в сторону нашего берега.

Парень, вылезший из воды, повернулся к нему спиной и, наклонившись, как-то уж очень долго копался в своем белье.

– О’кей, Даня! Твоя взяла. – Футболисты сложили свои мячи в сетку и ушли.

Оказавшись случайными свидетелями этого “спектакля”, мы стояли несколько поодаль и, оставшись одни, могли сказать себе только: да, это нам не по зубам.

Во время завтрака в столовую пришел начальник лагеря и спросил строгим голосом: кто был участником инцидента и бегал голый по берегу?

Видимо, тот самый преподаватель с трясущимися руками уже приходил и жаловался ему. Наступило молчание.

– Это, наверно, лыжники... – послышался робкий “иудушкин” голосок из того места, где сидели футболисты, и вслед за этим раздался их громкий хохот. Веселые ребята, ничего не скажешь. Я набрал в ложку манной каши и незаметно для Остапа швырнул ее в самую гущу смеющихся. Смех оборвался.

– Погоди, сука!

Остап повернулся на голос и увидел среди волкодавов жалобную щенячью физиономию, залепленную кашей. Видимо, он что-то понял. Но сейчас надо было принимать решение. И он его принял: “не заметил” вконец растерявшегося “щенка”, который рукавом футболки с героической эмблемой принадлежности к институтской сборной все еще утирал свой заляпанный нос, и, предупредив о недопустимости повторения чего-либо подобного, повернулся и вышел.

В нашу сторону неспешной походкой Шмаровоза с одесской Дерибасовской, засунув руки в карманы штанов, двинулся один из футболистов, похоже, защитник-костолом с челюстью уркисупермена.

– И кы-то кидал? – спросил он неожиданно тонким голосом, глядя поверх наших голов, в которых, надо понимать, он видел одни “кочаны”. И сейчас один из этих “кочанов”, которые можно резать в суп ножичком, для начала получит по уху серебряным портсигаром... Но мы это уже проходили, когда в 53-м из тюрем выпустили рецидивистов, а вот – “кто кидал”, они, кажется, не заметили. Тогда подождем.

– А ты проверь, у кого каши меньше осталось.

Теперь уже смеялся весь зал. Они, похоже, перепутали, чем отличается спортивный лагерь от лагеря за колючей проволокой. Да еще когда вокруг не овчарки, а лес.

Почувствовав угрожающую обстановку, мальчик повернулся и спокойно, не роняя достоинства, пошел к своим.

– Кидал Даня... – шепотом, испуганно вытаращив глаза, “проябедничал” вдогонку ему Артамон. И от страха полез под стол.

Из-за лившего всю ночь дождя тренировка была перенесена на вечер: пусть подсохнет земля. Я пошел побродить один по лесу и нарочно прошел мимо кухни, где Людка была сегодня дежурной. Но увидеть ее не удалось.

В лесу мне случайно попалась спрятавшаяся в траве маленькая красная гвоздичка, и я был восхищен, впервые рассмотрев ее, тончайшей красотой лепестков: острые зубчики на краях и чистый розово-красный цвет. Возвратившись, я зашел на кухню и отдал цветок Людке.

– Это мне?

– Тебе.

На мойке прекратили работу. Я посмотрел ей в глаза и, дождавшись, когда они вспыхнули, чуточку еще задержался и пошел, чувствуя, как у самого кружится голова.

После обеда я лег и попытался уснуть.

Сегодня был большой беговой день, и тренер отпускал нас с Борькой в “свободный поиск”. Пожалуй, нам больше всего нравились эти пробежки километров на двадцать, в основе которых был легкий “крейсерский” бег, сменявшийся время от времени затяжными рывками, когда уже не разбираешь, что под тобой – желтый проселок с ромашками или же край вспаханного поля. Или – это мы избегали – “квакающее” под ногами болото.

И снова – свободный и легкий (“звериный”) бег.

Но уснуть что-то так и не удалось, и я просто полежал с закрытыми глазами, силой воли заставляя себя выдержать “режим”. В четыре растолкал Борьку, и мы пошли умываться: это был “раз и навсегда” установленный ритуал перед каждой тренировкой.

Мы почти не разговаривали и, выходя из лагеря, старались избежать ненужных сейчас случайных встреч: надо было настроиться на тяжелую “работу”. Когда проходили мимо кухни, я заставил себя ни разу не посмотреть туда.

“Видит она или не видит?” Чувствуя, как играют мышцы-веревки ног, мы почти физически ощущали взгляды со стороны мойки, где сейчас работали девчонки.

Пройдя около сотни шагов, мы вошли в глухой еловый лес, с которого начиналась наша “дальняя дорога”. Вокруг уже никого не было.

– Пошел...

“Опустившись на лапы” – слегка согнувшись и подавшись вперед, – я сделал первый пружинящий шаг. Земля оттолкнула меня, и – понесло!.. Борька, стремясь занять положение ведущего, ушел рывком немного вперед. Я ничего не имел против и, чтобы не спотыкаться за его спиной о встречающиеся на пути еловые корневища, чуть-чуть отпустил его.

Пройдя “аллюром” около километра, мы сбавили темп и перешли на нормальный бег.

– Зачем так бежал?

– Попросил бы пораньше...

Сорвав на ходу гроздь оранжево-красной рябины, я с силой бросил в него.

Он мотнул головой, стряхивая зацепившуюся веточку.

Добежав до запрятавшейся в деревьях церквушки старинной усадьбы Середниково, в которой у своих родственников когда-то гостил юный Лермонтов, мы остановились и начали разминку.

С высоты крутого холма открывался вид на большой овраг. Слева был подъем нашей полуторакилометровой трассы. Справа открывался вид на старинный парк с невидимыми отсюда каменными мостиками и прудами. Где-то далеко прошла электричка.

Я прислушался и уловил еще гул самолетного мотора. Подняв голову, отыскал маленькую серебряную сигарку, медленно двигавшуюся в бездонной синеве.

Вид высоко летящего самолета неизменно наводит на меня тоску. Глядя в небо, я чувствовал себя какой-то затерявшейся козявкой, живущей козявочными же мечтами о том, чтобы в следующий раз пробежать полтора километра чуть-чуть быстрее.

Как это все, по-видимому, и искусственно, и ненужно... И что такое жизнь? Кто-то строил каменные мостики в запущенном сегодня старом парке и был, наверное, счастлив. А другой летит сейчас в гудящем в небе самолете, и этот парк ему, должно быть, и не виден. Но ведь можно полететь и дальше – когда вокруг останутся лишь звезды и наша маленькая точечка-Земля исчезнет навсегда в кромешной темноте.

И где-нибудь, открыв сверкающую дверцу корабля, увидеть взгляд прекрасных незнакомых черно-синих глаз.

Но почему же – синих? Это Людка. Только незнакомая.

И, глядя на нее, я чувствую, что больше мне совсем ничего не надо. Только бы остаться с ней, наедине, вот здесь, на корабле,

где нет людей, или в лесной избушке, и смотреть, и видеть этот синий и бездонный взгляд...

Какая тоска! Какая *щемящая* тоска... Я снова посмотрел наверх, где маленький самолетик едва переместился по голубому небу. Нет! Этого не может быть... Неужели я люблю ее?

Деревья тихо шумели, и все так же стояла белая под синим куполом церквушка, как стояла она, по-видимому, и сто лет назад, когда меня не было вообще. И как год назад, когда я был.

Пройдет еще один год, и десять лет, и сто... Меня не будет. Никогда! Вообще и никогда. Какая бессмыслица...

И зачем все это: жизнь, любовь?.. Но все, похоже, именно так, и я – люблю.

– Ну что, пошли?

Я посмотрел на Борьку и кивнул. Мы спустились с холма и “пошли” вдоль речки Горетовки, протекавшей по дну оврага.

Тропинка не спеша поворачивала вслед за ее изгибами, то удаляясь от нее, срезая угол, то приближаясь и ныряя в заболоченную топь, пробиваясь сквозь густые темно-зеленые заросли.

Осторожно “выруливая” в этих дебрях, то грязно-мокрых, то опасно неровных, мы медленно продвигались вперед.

Примерно через километр мы добрались до моста и перешли на другую сторону. Здесь был большой тягун, главным “достоинством” которого было то, что, когда доберешься до его конца, за ним начинался новый, правда, более пологий.

Переключившись на имитацию лыжного бега, мы пошли на гору длинными мягкими прыжками. На переломе, когда из всех ощущений осталось только одно – желание когда-нибудь послать все это ко всем чертям, мы решили, что должны еще добавить ускорение на двести метров.

Спустившись вниз, мы сделали минутную передышку и снова полезли наверх. После третьего раза Борька поменялся со мной ролями и перешел на положение “ведомого”.

Возвращаясь под гору в последний раз, мы натолкнулись на “порядочную” семейку, выбравшуюся, видимо, подышать за город. Родители-бомбовозы и двадцатилетняя дочка-курочка, хорошенькая, с большим синим бантом.

Разбежавшись прямо на них, я в последний момент резко наклонился в сторону – “лег на крыло”, – и мы пролетели от них в каких-нибудь двух шагах, сорвав восхищенный куриный взгляд.

Усадьба Середниково (XVIII век)

Выбравшись на мост, Борька неожиданно обернулся и помахал ей рукой. Она ответила.

– Давай вернемся.

– Болван! Федька Умойся Грязью...

– Но она мне помахала.

– Вот если б тебе родители помахали.

– Эх!.. – Борька и сам понимал, что его надежды нереальны. Но, видно, девчонка ему очень понравилась.

Такие встречи остаются в памяти на всю жизнь. Однако решения для него здесь не было.

“Налево или направо?”

Там, наверху слева, в начале склона холма – могила летчика-лейтенанта. Он был подбит и разбился на этом месте в декабре 41-го года. И было ему всего 22 года – это можно было прочесть на надгробном камне, – лишь ненамного больше, чем нам.

Мы свернули направо и теперь бежали в сторону парка.

Сегодня, я вспомнил, было воскресенье, но мы это не учли и вдруг обнаружили себя в одних трусах среди прогуливающейся публики. Но сворачивать было нельзя: нас заметили, и “они” превратились уже для нас в “мессершмитты”.

Не сговариваясь, мы плавно разогнались до предела и, бесшумно ступая, “прошили” опасную зону за каких-нибудь пятнадцать-двадцать секунд. В конце аллеи из старых лип большая группа девчонок и ребят почтительно расступилась, уступая дорогу, и мы, уже задыхаясь, вылетели на вершину заросшего елями холма, за которым начиналось лесное море.

Борька снова заговорил о той девчонке, но я категорически отказался возвращаться: игра не по правилам. Наконец, решив, что и проигрывать надо уметь, он утешился, и мы, перейдя небольшое поле, вышли на дорогу, ведущую в Малино.

Какое-то время мы продирались сквозь старый и темный еловый лес, потом спустились в овраг.

Бежать было легко. Наступил тот момент, когда “мотор” уже приработался, а “бензина” было еще достаточно. В это время нередко вообще забываешь, что ты бежишь и отдельные участки пути потом даже не всегда удается припомнить. Когда во всем окружающем остаются одни только мысли.

Я подумал о футболистах. Какое-то странное в своей противоречивости чувство вызывают у меня эти “веселые ребята”.

С одной стороны – отталкивающая грубость. Я понимаю, что они “зарываются”. С другой же стороны, таких, как мы, они как бы просто не замечают. Они прямо-таки чувствуют свое превосходство над нами, словно оно действительно существует.

Но вместе с тем как-то так получается, что они и в самом деле подчас реально держат над нами верх. Пусть это все и не так уж важно, а иногда и просто туповато – как эта история с прудом, – но в этом *чем-то* они верх все-таки держат.

Как это получается?

Спору нет, футбол популярен, и в него в своей жизни играют все или почти все. И, сталкиваясь на площадке с хорошим игроком и уступая ему в ловкости, сохраняешь это чувство уважения к нему и потом, в повседневной жизни. Совсем даже забывая, откуда эти ощущения взялись.

Выходит, способность лучше других “водиться” с каким-то там мячом незаметно превращается в *способность вообще*? И все признают это?

Похоже на то, что в природе “победитель” обретает признание вне зависимости от ответа на вопрос: *чего* победитель? Людям нужны победители?

.....

Начался подъем, и внимание автоматически переключилось на контроль за “расходом горючего”. Выбежав наверх, мы не остановились и с той же нагрузкой пробежали еще полкилометра, разбрызгивая лужи или чавкая по разъезженной колее.

– Ничего! – сказал Борька, зная, что я тоже “оценил” эту пробежку. Но мне сегодня бежалось легко.

Почувствовав по слегка “не такому” тону, что он подустал, я предложил снова спуститься в овраг и “взять” еще одну горку. Инициатива переходила ко мне, и он прекрасно понимал это. Но честолюбие не позволило ему отказаться, и мы побежали вниз.

Я вернулся к прерванным мыслям. Если мои рассуждения были правильны, то и футболисты, эти маленькие “победители”, – в чем-то тоже нужны?

Но тогда оказываются необходимы для чего-то, по этой же логике, также урки-уголовники и – идем дальше – фашисты?

“Боевые ребята”, способные спокойно убивать в лагерях или, доказывая превосходство, загонять в землю плохо обученного

или летающего “не на том” самолете мальчишку-летчика, – они нужны уже потому, что *хотят* этого?

И действительно имеют на это право? Как те молоденькие елочки-зверьки в нашем лесу? Природа не знает жалости к слабым, иначе она не будет прекрасна?

Прекрасное и жестокое – связаны между собой?

Но, с другой стороны, я не хочу быть в стаде. Даже если оно “боевое”.

А они “хотят” и уже потому, как следует из рассуждений, имеют на это право.

Ну, а если я *не хочу*, то, значит, тоже *имею право*?

.....……

Густые заросли мелкого ивняка в изгибах речки около Малино были уже далеко позади и показались постройки Крюкова. Пора было поворачивать назад.

Дорога завела нас в глухой и мрачный лиственно-хвойный лес, смыкавший где-то высоко над головой кроны своих деревьев. Мы бежали мимо застывших во тьме стволов-великанов со странным ощущением живого существа, случайно очутившегося в царстве теней и зловещего безмолвия.

Я прибавил и затем еще раз прибавил скорости, и мы теперь буквально “рвали” вперед, навстречу неизвестности, напряженно вглядываясь в черноту. Казалось, от того, успеем ли мы выбежать из леса, зависит – схватит нас или нет *Кто-то*, прячущийся сзади и дышащий тяжело, стучащий копытами по корневищам...

Наконец показался просвет, и мы, как к надежде, как к счастью, собрав остатки несуществующих больше сил, ворвались в последний поворот и, пролетев сквозь частое мелколесье опушки, попали вдруг на лесную поляну. Одна – совсем одинешенька, всеми покинутая и позабытая, на ней росла раскидистая желтая сосна. Светило солнце. Пахло травами.

Можно было заканчивать бег, но я, загадав на Людку и “взяв на прицел” раскинувшую мощные ветви заблудившуюся сосну, снова пошел на ускорение. Борька, не понимавший источника моей вулканической силы, не выдержал и сдался:

– Хватит...

Мы перешли на тихий-тихий бег, почти на шаг, когда даже без сил легко “идешь” в гору, и свернули к Черному озеру.

“Людка, ты – моя”, – подумал я.

Речка Горетовка

На озере стлался туман, и вечернее солнце мягко золотило болотистую местность. Чахлые березки на дальнем берегу белели среди тростниковых зарослей и кустарника.

Протяжно кричала птица.

Мы умылись и посидели немного около темной воды.

Все-таки в болоте всегда есть какая-то тайна. И грусть.

Придя в лагерь, мы зашли на кухню и попросили чайник кипятку. Усевшись на краю леса под сосной, мы смотрели на разгоравшийся закат и долго пили свой солдатский чай. Спешить уже никуда не хотелось.

Я отнес пустой чайник на кухню и, когда поворачивал за угол, услышал негромкий голос, позвавший меня. Обернувшись, я увидел Людку. Она протянула мне большой ломоть черного хлеба с сыром. Я кивнул ей, разломил хлеб и тут же съел свою половину.

Она стояла придвинувшись ко мне и молчала. Ее глаза, почти что черные в сгущавшихся сумерках и какие-то строгие, смотрели, казалось, куда-то *в меня*. Губы ее приоткрылись, и она на какое-то время словно перестала дышать. Я замер. Она тихонько поцеловала меня, повернулась и быстро ушла.

– Бери, от повара! – Я протягивал Борьке бутерброд.

– Прямо или через секретаря? – Его глаза смеялись.

– Разумеется, прямо. Просто он стесняется зайти.

***

Валентина, звезда, мечтанье,
как поют твои соловьи...
Александр Блок

Мы бредем по странному сухому болоту со скошенным жестким рогозником и со следами чьих-то копыт, с вывороченными этими копытами комьями засохшей грязи. И я отчего-то говорю только что пришедшую мысль:

– Знаешь, Борька, я, наверно, женюсь.

И сразу после этих слов что-то словно изменилось в мире. Мы еще идем по болоту. Борька молчит и продолжает все так же шагать, старательно выбирая место, куда поставить ногу. Я – тоже. Но думаю уже о том, что все стало каким-то удивительно ясным: вот это – грязь, а это – рогозник. И говорю:

– Мне пришла, наверное, ужасно банальная мысль: когда люди женятся, то потом появляются дети. И для своих детей мы будем теми самыми святыми людьми – отцом и матерью, – о которых думаешь, что иначе – то есть чтобы они не были бы твоими родителями – такого не могло бы и быть. Ведь не мог же иначе я появиться на свет? Представь, что мы бы сейчас не шли с тобой вместе. Разве это возможно? А если бы *они* не поженились, то были бы другие дети. Но это был бы, разумеется, уже не я. Такие мысли никогда к тебе не приходили?

– Пожалуй, мне и в самом деле кажется, что я так думал... Только это было давным-давно.

Мы уже дошли до края болота, в которое зачем-то забрались, и за тем бугорком будет дорога в лагерь. Как страшно увидеть *ее* теперь! И даже как-то не хочется, словно я боюсь чего-то...

Но и интересно: она же еще ничего не знает. А я – уже знаю.

– Все так неожиданно, – говорит задумчиво Борька. – Давай, нарвем ей цветы.

– Но ведь я еще не сказал ей об этом. Это пока – ты сам понимаешь...

Свернув с дороги и не заходя в лагерь, мы пошли по заросшему клевером полю. Я чувствовал, что хочу сейчас сказать что-то еще и что для этого мне нужен друг. Но Борька опередил меня:

– Она ведь, кажется, москвичка?

– Мне кажется – да.

– А я, ты знаешь, тоже чуть не женился, – сказал он усмехнувшись. – Это было в прошлое лето, когда я ездил к себе домой.

Прошел целый год, и он только теперь говорит мне об этом? Почему, однако, даже через целый год он об этом еще говорит?

– Ты жалеешь?

Он не ответил.

– Знаешь, Вовка, ты слишком часто все упрощаешь и слишком многое идеализируешь в этом мире, – сказал он немного позже. – Ты видишь только прямую дорогу, и я иногда тебе очень завидую. Но тебе от этого будет в жизни плохо. Все равно будет плохо, – повторил он с какой-то непонятной уверенностью, – даже если ты добьешься чего-то.

Что на это можно было ответить? Я не знал... К тому же хотелось продолжить начатую и еще не законченную мысль.

– Извини, я хочу досказать... Тебе, наверное, странно, что я неожиданно заговорил о детях. Я и сам о них никогда не думал.

Но вот сейчас подумал почему-то именно о них. Как будто, решив жениться, мы делаем шаг во что-то неведомое. Но в очень важное. Разве есть такие, кто никогда не думал о смерти? Узнав *об этом* однажды в детстве, кричать от ужаса в подушку оттого, что впервые понял, что ты – умрешь. Что будет Земля и будут звезды. Но не будет тебя. Как когда-то, как мы учили на уроках истории, был Древний Египет, и там были тоже люди. Которые так же боялись смерти. А теперь никого из них нет. И точно так же когда-нибудь не будет и нас. Но будут – дети. *Мои* дети. От *нее*. Именно от нее, которая умрет тоже. И, знаешь, я впервые почувствовал сейчас, что разговор на эту тему не страшит, как раньше, и не отталкивает меня. Я словно даже согласен с неизбежным. Значит ли это, что мы как-то сразу становимся взрослыми? Мне почему-то кажется, что – да. Ибо теперь, как это представляется, мне можно будет строить свою дальнейшую жизнь, не уклоняясь от мыслей о неизбежном. И, может, даже наоборот – не забывая об этом. Что позволит многое поставить на свое место. И мне уже даже *хочется* этого.

И в самом деле, разве плохо – просто любить? И не думать сейчас ни о чем другом. И пусть потом будет борьба и не все будет просто. Но сегодня, когда пришло мое счастье, я проживу эту часть моей жизни так, чтобы узнать в ней самое лучшее. А дальше, по крайней мере, рядом будет *она*.

Правда, как это мне еще ни разу не подумалось об этом: я же буду *раздевать* ее!

А ведь есть люди, которым *это* узнать не дано.

Зачем-то я снова взглянул на Борьку. И вдруг увидел, что щеки его словно запали, а нос заострился и удлинился. Глаза недобро сверкнули. И спрятались.

Я засмеялся и, желая немного его растормошить и передать ему хоть что-то от моего настроения, рассказал, на кого он сейчас похож.

Он тоже засмеялся в ответ, но это вышло как-то невесело. Очень скоро после этого наше молчание стало тягостным, и мы повернули в лагерь.

Вечером я пошел на танцы. Людки еще не было. Я остановился и стал ждать.

Как всегда, одна половина танцевала, а другая, не менее многочисленная, стояла и смотрела на них. Мне кажется, так было

всегда: одни танцуют, а другие смотрят. Танцуют те, кто не думает, что они не умеют. Не танцуют те, кто так не думает. Есть, правда, еще такие, кто знает, что не умеет, но танцует. Но их немного – как королей или президентов. А большинство или не думает, или не танцует.

Уже стемнело, и включили прожектор. Лес сразу отодвинулся, исчез. Осталась только ярко освещенная площадка, по которой, как в аквариуме, медленно плавали золотые рыбки и худые, но расторопные ерши. Иногда попадались карась или белуга. А в тихой заводи высматривала новую добычу и курила сигареты известная всем щука. Музыка играла танго.

Ко мне подошел Артамон.

– Она уехала... Из-за тебя, – сказал он, когда начался новый танец и все смешалось в расхватывании безразлично пошевеливающих плавниками, но не уплывающих никуда рыбок.

Я не понял:

– Ты о чем?

– Разве ты не знаешь, что она выходит замуж?

– Людка?

Еще не веря его словам, этой невероятной истории, я открыто назвал ее. Еще была какая-то слабая надежда, что я неправильно понял или тут что-то напутано. И что сейчас все выяснится. Непременно выяснится...

– Да.

Я смотрю на него и уже понимаю, что это – правда.

Но такого не может быть... А если… И почему *для меня*?

Это, наверно, сон... Вот они, эти же самые знакомые ребята и девчонки, танцуют и ничего с ними не произошло... Я же ведь вижу, что все – как было. Вот они – рыбки, и вот – щука. А вот – Артамон.

Ну зачем он здесь? Его не надо... Рогозник... Давай, нарвем ей цветы... Надо взять себя в руки.

Я сжал руками виски, потом посмотрел на Артамона:

– Ты его знаешь?

– Это Димка-баскетболист. Он был здесь на первой смене, а к нам, на вторую, приезжал на открытие. И был потом пару дней.

В памяти отчетливо всплыло: мойка, гора еще не вымытой грязной посуды и застывший в стойке “раззява” Артамон; стройная фигурка, удаляющаяся в темноту; кто-то поворачивает два раза ключ в двери остаповского домика.

Но как же я не понял все это? Ведь понял же я Артамона... Или мне не хотелось тогда понимать? Неясно только, почему у этого Димки-невидимки оказался остаповский ключ?

– И еще его друг, Валерий, тогда, на баскетбольной площадке, заехал тебе как следует по носу. А потом вы остались вдвоем. Извини, что я это видел.

“Тогда, когда я и сам еще ничего не знал, другие, выходит, уже все понимали?..”

– А может, еще и Остап вас видел вдвоем?

“Остап нас видел. Но при чем здесь Остап? Впрочем, не все ли теперь равно?”

Мы помолчали. Я сумел найти в себе силы поблагодарить его взглядом и пошел…

Когда я снова пришел в себя, то увидел, что ноги сами занесли меня к старому пню недалеко от озера, где мы разыскивали дорогу муравьев. В кромешной темноте он светился-тлел каким-то холодным отталкивающим свечением. Я коснулся его, а потом опустился на землю и обнял его обросшее мохом, но все еще крепкое корневище.

Наверное, я пролежал так довольно долго, потому что, когда, наконец, снова поднялся, взошедший за лесом месяц был уже высоко. Кругом было черно, и только озеро сверкало пятнами чистой воды в разрывах слабо колышущегося тумана… Заплыв на середину, я перевернулся и посмотрел наверх.

Маленькое желтое светило висело в бездонной вышине, разливая вокруг тусклый блуждающий свет. Звезды Медведицы.

Далекое детство, снежные сугробы, ледяное небо.

Что-то, казалось, давно знакомое, но позабытое пришло и как будто требовало от меня чего-то. Как если бы я должен был сделать то, что не сделать было просто невозможно.

Перестав работать, я медленно погрузился в воду. Внизу было темно, но мне не было страшно. Коснувшись дна, мгновение задержался и затем резко выпрямился и вынырнул на поверхность. Стараясь по возможности не шуметь – понимая почему-то, что это сейчас недопустимо, – поплыл в ту сторону, где начиналось заросшее камышами болото.

Месяц скрылся за облаками. Болото накрылось мглой. Я плыл среди белых лилий и синих звезд.

Но откуда звезды? Зачем тревожат они наши души?..

Ночь на Черном озере

Может, завтра нас не будет,
Может, кто-нибудь другой
Позовет и все забудет,
Будет петь тебе одной.
Пой струна, звени гитара,
Про надежду и любовь
Расскажи мне в песне старой,
Уведи меня тоской
За звездою голубою,
В лунном свете над водой
Нас свяжи одной судьбою.
Нет надежды? Никакой?
……
Нет печали, нет разлуки,
Нет начала и конца.
Расчертив огнем, звезда
Протянула в небе руки –
Никуда. Одна вода
От нее засеребрилась.
Снова тьма. И снова мгла.
И тоска волной разлилась,
Набежала и устало
Расплескалась в камышах.
Взмах крыла. Чья тень пропала?
Месяц вышел в облаках.
Он всю ночь в тумане бродит
Безнадежно желтым светом.
Что он ищет? Не находит?
Даль светла. Но нет рассвета.
……
Ни тоски, ни тайной муки,
Ни надежды, ни креста.
Гаснет пламя, стынут руки,
Тихо катится слеза.

ВРЕМЯ И КРАСОТА

B-Synergetic Time Compression

Владимир Шкунденков

Издано в авторской редакции

Художник Петр Гусев
Фото Юрия Туманова (ОИЯИ), Анны Бердичевской (БМ)
и из архивов ОИЯИ и ЦЕРН

Подписано в печать 17.02.2004 Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная № 1 Зак. б/н
Усл. печ. л. – 12,1 Усл.-изд. л. – 14,8
Тираж 1000 экз.

Издательско-полиграфический комплекс Репроцентр
300001, Тула, Красноармейский пр-т, 7.

Эта книга, а также результаты научных исследований и разработок, полученные автором, не увидели бы свет, если бы не поддержка со стороны многих людей (что не означает – разделяли все взгляды автора в отношении *времени и красоты*). И прежде всего это относится к специалистам из следующих организаций:

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна);
Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН, Женева);
Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН, Москва);
Московский государственный университет (МГУ)
Московский инженерно-физический институт (МИФИ);
Московский энергетический институт (МЭИ);
Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ, Жуковский);
Московский радиотехнический институт РАН (МРТИ РАН).

Всем коллегам, многие из которых были друзьями, автор глубоко благодарен. А также – художнику Петру Савельевичу Гусеву, написавшему в одном из кабачков города Кимры, подобно высоко чтимому им Рембрандту, автопортрет с красавицей:

Коньяк и мартини

КАББАЛА И АВТОР

Каббала – это знания, идущие еще из Древнего Египта. Они – для человека. Их ненавидят все власти, и их скрывали 4000 лет. И это из них возникли три религии – иудаизм, христианство и ислам. Но сегодня они приоткрыты.

Йегуда Берг. Сила Каббалы. М.: Изд. дом “София”, 2004. – 320 с.
Перевод с английского. *На странице 66:*
В наши дни, когда получила широкое признание квантовая механика, теория относительности и другие передовые концепции, наука стала наконец “догонять” Каббалу… Но остается одно существенное различие: наука ограничивает свои исследования вопросами о том, **как** устроен мир, Каббала же задает самый главный вопрос: **почему**?

Автор. Москва – старинный город. Дубна: ОИЯИ, 1997. – 380 с.
Книга была издана малым тиражом (500). *На странице 347:*
Если философия западной цивилизации направлена на поиск ответа на вопрос – “**как**” (что обусловливает ориентацию на развитие научных исследований окружающего мира и его преобразование), а философия русской ориентации связана с поиском ответа на другой вопрос – “**куда**“ (что предполагает отыскание “истинного пути”, или пути побед), то философия евреев ставит еще более проблематичный поиск – “**почему**”? Последнее означает стремление понять саму основу существования наполненной звездами бесконечной Вселенной. Исторически первым был задан вопрос “почему”.

Сопоставление двух написанных независимо текстов:
Можно видеть, что помимо слов **как** и **почему**, которые вошли в текст книги о Каббале, автор *увидел* еще одно слово – **куда**. Излагая в книге “Нелинейность времени” (М.: 2003. – 500 с.) исследования по направлению “куда”, автор показывает существование на этом пути связи между *временем* и *красотой*. Углубляя этим учение Каббалы, в котором время выступает как управляющий параметр (задержка во времени) связи между действиями и результатами, уводящими в Свет или в Тьму. Автором показано, что временем можно *управлять*.
Связь между временем и красотой в графическом виде представлена на задней обложке книги (первая публикация графика – в 1978 году).

СЛОВО О РОССИИ

(в поисках *смысла жизни*)

Слово – это великая тайна. И мы зададим этот вопрос: **куда** – это рожденное русским духом слово – является *углублением* найденных свыше 4000 лет назад знаний о формах (технологии) взаимодействия человека с высшими силами в Природе или это уже следующий шаг, который может рассматриваться как *развитие*? Иначе – новое.
Что должно стать теперь – *вечным*? И хранимым в звездной бездне?
Ответа на этот вопрос мне дать не дано. Его найдет, возможно, кто-нибудь другой. А мне, исследующему роль красоты, осталось только привести отрывки из текста, написанного *под настроение*, в статье “Нелинейность времени”, опубликованной в 3-м сборнике Синергетическая парадигма (М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 584 с.).

На странице 579:
Переводя сказанное в русло завершения статьи, я хотел бы сказать тем, кто “играет” сегодня с Россией: осторожно! Россия – это прекрасная женщина. В ней есть то, чего не хватает человечеству: *чистота*. Как основа философии русского старославия.
Именно чистота помыслов положена в основу известного понятия о “русской идее”. Она несет в себе светлую чистую любовь. И, раньше или позже, это займет достойное место: у тех, кто *чистый* (сердцем и разумом), есть оружие “неземной” силы – управление временем.

На странице 583:
Все и просто и непросто. Хотя бы потому, что мы не знаем, что такое любовь, красота, время и бесконечность. И человек, возможно, должен сделать еще один, новый и смелый шаг вперед – туда, где просматривается место и роль России и носимого ею “русского духа”, проявляющегося в *чистоте* души русского человека (не каждого, конечно, но главное – эти люди есть, и есть именно в России) и в ее устремленности через свободу к звенящей красоте, – ускорять время во Вселенной. А время – это движение. Оно останавливается, когда движение идет – “не туда”. И даже, возможно, поворачивается назад.